

Джоан Симингтон
Невилл Симингтон

КЛИНИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ УИЛФРЕДА БИОНА

Москва
«КОГИТО-ЦЕНТР»
2010

УДК 159.9 All Rights Reserved.
ББК 88 Authorised translation from the English language edition
С 37 published by Routledge,
a member of the Taylor & Francis Group

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично без разрешения
правообладателя запрещается*

Перевод с английского
М. А. Якушиной
Научные редакторы
М. В. Ромашкевич,
А. Е. Шутков

Симингтон Дж., Симингтон Н.

С 37 Клиническое мышление Уилфреда Биона / Пер. с англ. –
М.: «Когито-Центр», 2010. – 285 с. (Библиотека психоанализа)
ISBN 0-415-09352-X (англ.)
ISBN 978-5-89353-324-8 (рус.)

УДК 159.9
ББК 88

В книге рассматривается концепция одного из самых самых глубоких мыслителей в истории психоанализа – У. Биона. Через призму психоаналитической практики, а также с привлечением анализа личности и биографии Биона анализируются введенные им теоретические конструкты и созданный им фундаментальный инструмент психоаналитического исследования – Таблица.

Книга призвана помочь читателю глубже понять идеи У. Биона в их структурном единстве.

*В оформлении использован рисунок первого российского
психоаналитика И. Д. Ермакова, любезно предоставленный
его дочерью М. И. Давыдовой.*

© Joan and Neville Symington, 1996
© «Когито-Центр», 2010

ISBN 0-415-09352-X (англ.)
ISBN 978-5-89353-324-8 (рус.)

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	9
Предисловие	11
Структура книги	14
Таблица	16
1 Теоретические расхождения между Бионом и Фрейдом/Кляйн	17
2 Бион: его характер	33
3 Эмоциональный катализатор	50
4 Таблица	55
5 Миф и Таблица	75
6 Контейнер/контейнируемое	82
7 Альфа-функция	94
8 Определение мысли	113
9 Психическая реальность	130
10 Развитие мысли	140
11 Трансформации	159
12 Изучение групп	185
13 Феноменология психоза	209
14 Без воспоминаний и желаний	239
15 Высшая реальность, мистик и истеблишмент	250

Эпилог.....	256
М. В. Ромашкевич. Послесловие.....	264
Хронология.....	267
Труды Уилфреда Биона.....	269
ЛИТЕРАТУРА	272
УКАЗАТЕЛЬ	274

Посвящается Эндрю и Дэвиду

БЛАГОДАРНОСТИ

В своих попытках охватить и понять мышление Уилфреда Биона мы обращались за советом и помощью к ряду коллег и друзей. Есть четыре человека, которых мы хотели бы поблагодарить особенно: это Билл Стюарт, Сидни Кляйн, Боб Гозлинг и Франческа Бион. Билл, австралийский философ, в особенности заинтересовался нашим проектом и не поленился писать нам длинные письма и поставить Биона в философский контекст, что было бесценно. Сидни Кляйн очень поддерживал нас в нашей работе, анализируя наши идеи, когда они оказывались противоположными или вступали в противоречие. Его независимость от группового давления и способность видеть особый вклад Биона в современную аналитическую теорию служили для нас источниками вдохновения. Особенно ценно было получить информацию от одного из анализантов Биона. Боб Гозлинг щедро делился с нами информацией о своем опыте прохождения анализа с Бионом, что дало нам понимание Биона, недоступное из других источников. Франческа Бион встретила с одним из нас, с готовностью поделилась информацией о своем покойном муже и продолжала посылать нам материал, который считала интересным.

Мы хотим также выразить благодарность Эллиоту Жаку, который прояснил для нас отношение Мелани Кляйн

к философии и религии; Вилли Макинтайру, который пролил свет на те аспекты работ Биона, которые нам не приходили в голову; Айзабел Менцес-Лид – еще одному анализанту, – рассказавшей нам о своем опыте работы в группе, которую вел Блон; Иске Виттенбергу и Френсису Тастину, которые дали нам подробный отчет о своем опыте анализа с Бионом; Альберту Мэйсону, который рассказал нам несколько интересных случаев и позволил пользоваться тем, что он сам написал о Блоне; а также Эдвине Уэлхем, которая дала нам заказ на написание этой книги и терпеливо ждала появления нашей рукописи.

Наконец, мы хотели бы поблагодарить самого Биона. Нам посчастливилось присутствовать на нескольких его семинарах в Тавистокке, а также в институте психоанализа, и мы были вдохновлены глубиной его ума и ясностью его выражений. Он весьма значительно обогатил наше понимание. Мы надеемся, что в данной книге нам удастся хотя бы отчасти передать это.

Предисловие

Мы все жаждем существовать, как сказал Бион на одном из своих семинаров. Жизнь, по высказыванию Бергсона, есть тенденция оказывать воздействие на материю. Человек произошел от человекообразных обезьян, те от низших приматов, приматы – ветвь в развитии млекопитающих, млекопитающие произошли от рептилий, и так далее. Эволюция отмечает собой тот путь, по которому проходит *élan vital*¹ в своем поступательном движении. Человек – еще не конечный его продукт; *élan vital* все еще не завершен. Показать пройденный путь – не значит дать объяснение самой жизни. Этот путь определяется через цепочку причинных связей, но они ничего не скажут нам о жизни как таковой. Куда стремится жизнь, нам неизвестно.

В нашем изучении идей Биона мы хотели бы сохранить верность его методу исследования. Поэтому в своих размышлениях о нем мы не будем следовать за линией причин и следствий. Мы хотим ухватить идеи как таковые, а не путь, которым он пришел к ним. Вы не можете наблюдать саму жизнь, но вы можете видеть ее проявления. Человек упал с коня, конь затем рухнул и перекатился на него сверху, и вот он лежит недвижимый на земле. Люди собрались вокруг, говоря, что он мертв, но ему с трудом удалось приподнять мизинец,

1 Жизненный порыв (фр.).

и это оказалось знаком, достаточно заметным, чтобы показать стоящим рядом, что он жив. Поднятый палец – проявление жизни, но не сама жизнь.

Итак, наш метод состоит в том, чтобы рассматривать темы, каждая из которых есть проявление мысли Биона, но не вещь-в-себе. Каждое такое проявление находится в связи с другим – не в причинной связи, а во взаимозависимости. Мы постараемся объяснить их, как сумеем, убрать, насколько возможно, лишний мусор, указать на те проявления, которые кажутся наиболее важными, но только вы сами, читатель, сможете ухватить мысль как таковую – отображение жизни.

Мы уверены, что этот метод соответствует тому, что является центральным для Биона, ведь он пытался понять жизнь самого разума, в противоположность тем аналитическим школам, которые были сосредоточены на патологических процессах, тем самым отвлекая внимание от жизни разума как такового.

Мы решили пойти этим путем, вместо того чтобы следовать хронологии развития его идей. Это потребовало бы научных исследований, для проведения которых у нас нет ни времени, ни способностей. Мы адресуем эту книгу скорее просто образованному читателю, который хочет понять основные контуры мышления Биона, чем специалисту. Мы надеемся также, что этот подход будет полезен для клиницистов с практической точки зрения. Эта книга отличается от книги Блеандону (Bleandonu, 1994) тем, что все внимание нацелено на понимание деталей клинической теории Биона. Книга Блеандону является биографической и ставит эпистемологию Биона в ее философский контекст. Мы сосредоточились на понимании идей Биона применительно к клинической практике. Наша книга предназначена в особенности для тех специалистов, которые стараются найти применение идеям Биона в своей собственной работе с пациентами. Серьезно изучающему Биона понадобится прочесть обе книги; они дополняют одна другую. Эта книга не освобождает читателя от усердного напряжения мысли.

Предисловие

Психоанализ глазами Биона есть радикальный отход от всех концептуализаций, которые предшествовали ему. Мы без малейших колебаний заявляем, что Блон – глубочайший мыслитель в рамках психоанализа – не исключая Фрейда. Если читатель не испытывает шока, если он не потрясен, обнаружив, что все прежнее его понимание теперь поколеблено, если он не ахает от ужаса, осознав, что приходится начинать все с начала, значит, мы потерпели прискорбное поражение, не выполнив поставленную перед собой задачу, и книга оказалась неудачной.

СТРУКТУРА КНИГИ

Зрелые взгляды Биона вырабатывались с 1953 по 1967 год. За эти четырнадцать лет он написал восемь статей и три книги. В этот период он достиг некой кульминации своего понимания. *Attention and Interpretation* (1970), *Brazilian Lectures* (1990), *A Memoir of the Future* (1991) и многие другие лекции и семинары в Новом Свете и в Англии (куда он часто приезжал в последние годы жизни) – все были продолжением прозрений, достигнутых в этот крайне важный период, и являются логическим, хотя и богатым художественными образами результатом понимания, достигнутого им в этот центральный для развития его идей период. Кроме того, первое бледное предвестие его зрелой теории можно видеть в работе о группах. Схема, вокруг которой располагаются символы и структура его зрелых идей, – это Таблица. Поэтому концептуально мы расположили Таблицу в центре и в своих рассуждениях будем двигаться от нее к периферии и вновь возвращаться к ней. Многие люди хватаются за голову, впервые увидев Таблицу. Однако усилия, затраченные на попытки ее понять, более чем вознаграждаются. Те, кто проявил упорство и приложил труд, чтобы понять Таблицу, имеют хороший шанс ухватить самую сердцевину идей Биона. В попытке прояснить центральные моменты его понимания аналитического процесса мы проиллюстрируем некоторые

аспекты его более поздних работ, но не станем посвящать этому отдельной главы.

Бион сформулировал и сконденсировал свои идеи в Таблице. Поэтому структура книги отражает наши попытки пояснить ее. Некоторые главы содержат прямое описание отдельных ее аспектов, но и другие, которые могут показаться более отдаленными от нее, можно рассматривать по отношению к ней, и она прольет на них свет. Например, Глава 2, о характере Биона, может быть понята по-новому в свете Таблицы. Его характер отражает уверенность в том, что единственный способ понять психическую реальность – это интуитивное ее познание, а единственный способ знать О – это *стать* им, что отразилось в простоте его характера. Его теория протоментальной системы, представленная в книге *Experiences in Groups* (1961), предвещает его более зрелую концепцию β -элементов. Поэтому, по нашему мнению, Таблица имеет центральное значение для понимания любых идей Биона, и именно по этой причине мы придали нашей книге такую структуру. В последней главе мы пытаемся показать единство структуры идей Биона. Такое единство есть знак великого мыслителя. В этом единстве – та обезоруживающая простота, за которой кроется великая глубина.

Таблица

	Определяющая гипотеза 1	ψ 2	Обозначение 3	Внимание 4	Исследование 5	Действие 6	...n
A β-элементы	A1	A2				A6	
B α-элементы	B1	B2	B3	B4	B5	B6	...Bn
C Мысли сновидения, сновидения, мифы	C1	C2	C3	C4	C5	C6	...Cn
D Пре-концепция	D1	D2	D3	D4	D5	D6	...Dn
E Концепция	E1	E2	E3	E4	E5	E6	...En
F Понятие	F1	F2	F3	F4	F5	F6	...Fn
G Научная дедуктивная система		G2					
H Алгебраические вычисления							

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ БИОНОМ И ФРЕЙДОМ/КЛЯЙН

Проникновение в суть истины – это вспышка, которая в живом разговоре на серьезные темы уносит нас за пределы слов.

(Murdoch, 1992, p. 174)

Бион говорил, что отсутствие воспоминаний или желаний есть то состояние психики, которое лучше всего подготавливает аналитика к предстоящей клинической сессии. Мы полагаем, что для того, чтобы понять Биона, необходим такой же внутренний настрой. Большинство аналитиков подходят к идеям Биона, исходя из того, что он следует модели психики по Фрейду или Кляйн, но это предположение ошибочно и препятствует пониманию его прозрений относительно психической жизни.

Один католический священник рассказал нам о себе такую историю. Когда он был ребенком, ему говорили, что крещение есть таинство, которое смывает с души первородный грех. В богословской семинарии он узнал, что это определение неверно, и заменил его пониманием крещения как внутреннего обязательства жить по-новому. Масло рукоположения едва успело просохнуть на его руках, как он отправился обучать класс школьников смыслу крещения. В начале урока он задал им вопрос: «Что есть крещение?» Они все ответили хором: «Крещение есть таинство, которое смывает с души

пятно первородного греха». Затем священник сказал им, что это определение неправильное и что вот теперь он посвятит урок объяснению того, что есть крещение. Он объяснил, как крестили крестителей, как древние христиане входили в воды в белых одеждах, символизирующих смерть прежней жизни и возрождение в новой и обязательство служения Господу и ближним своим. Он объяснил, что крещение есть новое рождение, что это не смывание грехов, а начало новой жизни. В своем энтузиазме он показывал фотографии и давал объяснения, как ему казалось, интересные, всей церемонии. Он пытался также показать, что крещение есть некий способ обратить сердце свое к новому видению жизни. В конце урока он спросил учеников: «Что есть крещение?» И они ответили хором: «Крещение есть таинство, которое смывает пятно первородного греха с души».

Когда у нас в уме уже есть модель или теория, это может мешать постижению нового. Нам представляется, что как раз те, кто лучше всех знаком с теориями психоанализа, вероятно, не смогут постичь того, что предлагает Бюн. Они подобны тем школьникам, которых пытался учить священник. У нас нет никаких причин ожидать, что наши попытки обучать идеям Бюна специалистов в области психического здоровья окажутся сколько-нибудь более успешными, чем усилия того католического священника. В точности как те дети, мы полны глубоко укорененных установок, которые не дают нам увидеть реальность, а обучающие аналитики, к несчастью, нередко чрезвычайно прочно прививают собственные взгляды своим пациентам.

Для того чтобы нарисовать что-нибудь, необходимо отбросить множество мысленных установок. Я могу видеть и знать, что стол передо мной отделен от книжного шкафа, возле которого он стоит, но зрительно они могут быть одно – между ними нет никакого различия. Поэтому для того, чтобы нарисовать их, мне нужно забыть то, что я знаю, чтобы увидеть находящееся передо мной. Точно так же в ответ на вопрос о том, какого цвета стена передо мной, я могу ответить,

что она белая, тогда как на самом деле на ней присутствует множество цветовых оттенков, создаваемых тенью и отраженным светом. Если я хорошенько присмотрюсь, может оказаться, что нет ни одного участка стены, который бы был белым.

Отправной точкой Биона является феноменология самой аналитической сессии. Он рассматривает сессию и составляющие ее элементы. В их число входит эмоциональная атмосфера, чувство сессии, эмоциональное состояние аналитика и его мысли, чувства и желания. Фокусом исследования являются внутренние процессы психики. Необходимо подчеркивать вновь и вновь, что в качестве отправных точек Бион идет от явлений, с которыми мы сталкиваемся в ходе аналитической сессии. Для того чтобы дать развернутое описание этих явлений, он пользуется понятиями из философии, математики и психоанализа точно так же, как мы пользуемся языком, чтобы описать пережитое, но прояснить он пытается само переживание. Бион описывает явления, используя для этого теории. Он пользуется теориями, моделями и мифами как языком для описания психической деятельности. Таким образом, то, что предлагает Бион, – это не теория, а дескриптивный анализ или дескриптивный синтез.

Этот анализ феноменологии нужно было проводить на основе каких-то принципов; принципы, выбранные Бионом, – это выявление истины и психический рост. Ум развивается через соприкосновение с истиной. Бион исследует процесс, в результате которого возникает истина, и процесс, который препятствует ее познанию. Это основа и это *единственная* установка, которую принимает Бион. Он анализирует все процессы, приняв эти две координаты за базовое допущение. Теории, которые он привлекает, используются им для того, чтобы обрисовать стадии этих процессов; они никогда не выступают в качестве основных ориентиров, на которых строится остальное. Поэтому любое использование теории всегда есть лишь временное средство, позволяющее обрисовать одну из стадий в развитии или разложении истины.

Ниже в этой главе мы предпримем попытку освободить разум от тех теорий, которые занимают так много места в психоанализе.

Фрейд был, как сказали бы философы, жестким детерминистом. Это означает, что событие всегда должно объясняться эффективной безличной причиной. Так, например, Фрейд высказал теоретическое положение, что симптом возникает из-за того, что сексуальное влечение натолкнулось на преграду и нашло в этом симптоме замену удовлетворению; это значит, что симптом возник вследствие этого препятствия на пути сексуального влечения. По представлениям Биона, такой причинной связи вовсе не существует. Пациент пришел в анализ, потому что страдал астмой и считал, что в основе этого лежат психологические факторы¹. Таким образом он озвучил причину, которая привела его в анализ; однако настоящая причина была столь же реальной, но ее было значительно труднее определить. Другой пациент хотел учиться на аналитика и решил пройти анализ, поскольку это было одним из условий обучения. Еще один пациент пришел в анализ из-за obsessивных симптомов, которые снижали его работоспособность. В каждом из этих случаев анализ был подчинен определенной задаче, которую нетрудно было описать прямо. Во всех этих случаях это были симптомы, тогда как внутренние затруднения, побудившие пациентов искать лечения, не были определены – как если бы они пришли к аналитику и сказали: «Я хочу анализа, но я не знаю почему».

Анализ раскрывает ту внутреннюю ситуацию, в которой состоит проблема. Таким образом, симптом – это благовидный предлог для анализа. Если я скажу: «Я хожу на анализ из-за астмы», или: «Я хожу на анализ, потому что я хочу учиться на аналитика», или: «Я хожу на анализ, потому что у меня была депрессия, после того как мой брак распался», это прозвучит более достойно, чем сказать: «Я хожу на анализ,

1 За исключением отдельно указанных случаев, все примеры взяты из нашего собственного клинического опыта.

потому что я не могу думать», или: «Я хожу на анализ, потому что я всю жизнь обманывал самого себя», или: «Я хожу на анализ, потому что я испоганил себе жизнь».

Анализ – это обнаружение внутренней истины. Пациент с астмой демонстрировал установки, которые были связаны с ней: он утаивал информацию о себе от аналитика, у него были периоды мрачного настроения, которые доводили до отчаяния его жену, он все делал впопыхах, он изливал потоки слов, которые не содержали мыслей, он требовал, чтобы аналитик вылечил его астму за два года. Но в основе этих симптомов крылась не блокированная сексуальность, а дьявольская злоба, которую он скрывал от самого себя. Единственное, в чем мы можем быть уверены, так это в том, что дело не в астме, не в обсессивных симптомах и не в желании стать аналитиком. За этим стоит точка зрения, что симптом, скорее, «вызван» чем-то конкретным, чем является прикрытием для истинной причины. Ни один пациент ни разу не пришел к нам на консультацию, чтобы сказать: «Я пришел в анализ потому, что я не способен любить». Вместо этого пациент приходит с некой историей для прикрытия: «У меня астма, и я начал думать, что она, возможно, вызвана психологическими причинами». Таким образом, симптом прикрывает истину. Симптом является также скрытым знаком истины для пациента. Идея о том, что он вызван заблокированным сексуальным влечением, соответствует физикалистской антропософии. Такого рода причинное объяснение, говорит Бион, рационализирует чувство преследования. Это все равно, что сказать: «Все мои проблемы вызваны тем фактом, что у моей матери была депрессия после моего рождения», или: «У меня астма, потому что у меня заблокировано сексуальное влечение», или: «Все мои проблемы вызваны тем, что...»

Какова бы ни была причина – а на самом деле совсем неважно, какова она, – она оправдывает внутреннее чувство преследования. Поэтому предполагаемая причина есть часть параноидной констелляции. Бион говорит, что это преследование отрицается для того, чтобы избежать депрессии, кото-

рой человек боится. Пациент, который, как только тот или иной аспект его поведения становился очевидным, немедленно требовал от аналитика назвать его причину, поступал так затем, чтобы отогнать от себя депрессию, угрожающую затопить его. Когда человек понимает, до какой степени он чувствует себя преследуемым и насколько это преследование иллюзорно, он часто впадает в сильную депрессию.

Мы постараемся более ясно показать это на клиническом примере. Пациентка ненавидела своего отца. Очевидно, он обвинял ее в чем-то, чего она не делала, был груб и вульгарен и устраивал дома сцены. Это явилось «причиной» того, что она ушла из дому, как только смогла, и добилась положения преуспевающего юриста, не выдвигая никаких претензий, финансовых или иных, к своему отцу. Она вышла замуж в 21 год. У нее была экзема, бронхит и частые приступы кашля. Она пришла в анализ, потому что после того, как она испробовала целую батарею разных средств, ее лечащий врач предположил, что ее состояние может иметь психологическую основу. Во время анализа перерывы в лечении, как в связи с выходными, так и на время отпуска, служили ей поводом впадать в панику, и как только аналитик уезжал, у нее начинались приступы *tussis nervosa*¹. В отсутствие аналитика он существовал у нее в уме как некий объект, неизменно находящийся в консультационном кабинете, и она знала наверняка, что сама она в его разуме не существует. Связь между собой и аналитиком она ощущала как физическую, а не психическую, и это ощущение укрепились, когда на ранних стадиях лечения он стал предоставлять ей дополнительные сессии по выходным и в течение отпуска. Она часто присаживалась поесть на скамейке в парке возле нашего дома в Лондоне. Интерпретация, что она младенец, отчаянно цепляющийся за маму – держащийся за нее физически, – показалась ей осмысленной. «Когда кончается сессия и я выталкиваю вас за дверь, из спальни, то маленькая Мэри не хочет сдаваться, она остается у мамочки на ручках [на скамейке]». В то же

1 Нервного кашля (лат.).

время эта интерпретация привела ее в ярость, поскольку ее возмутило, что аналитик увидел в ней ребенка. Сама она считала себя зрелой и независимой женщиной.

Надо сказать, что эти факторы – физическое цепляние за аналитика, сопровождаемое мучительной внутренней уверенностью, что аналитик соблазнит ее сексуально; идеализация аналитика; внутреннее ощущение всемогущества; воинственная уверенность в своей правоте; обострения экземы; отсутствие психической репрезентации внешних фигур и в результате отсутствие способности думать – все это элементы некой эмоциональной констелляции. Одна из особенностей психоаналитического опыта состоит в том, что понять какую-либо эмоциональную констелляцию становится возможно только тогда, когда она начинает уступать место иному паттерну. И вот у этой пациентки начал-таки появляться иной паттерн. Его составляющие были таковы: деидеализация (способность воспринимать аналитика как человека, который совершает ошибки); уверенность, что аналитик ее не соблазнит; образ аналитика как человека, существующего среди других людей; замена всемогущества смирением; способность брать на себя ответственность за то «плохое», что произошло между ней и другими; значительно более редкие приступы астмы и проходящая экзема; психическая репрезентация аналитика и развитие способности думать. В свете этого нового паттерна она увидела, что ее прежняя система восприятия была искаженной. Однако в своей новой эмоциональной констелляции она начала осознавать реальные явления, которые ранее не были для нее бременем: сожаление, что до сих пор она строила свою жизнь, руководствуясь этими ложными впечатлениями; чувство вины за то, как она обращалась со своим мужем, с отцом и матерью; грусть оттого, что некоторые возможности оказались для нее закрыты. Ей пришлось вытерпеть личностное сожаление, вину и грусть. Она завязла в первой эмоциональной констелляции, чувствуя, что не способна вынести эти «темные» эмоции. Это показывает, что какое-то внутреннее ощущение их присутствия

у нее было. Теперь же происходит выявление истины и вместе с этим зарождается надежда. Изменение заключается в принятии решения не избегать боли, а встретить ее лицом к лицу. Аналитик может быть свидетелем перемены в пациенте: того, как он переходит от избегания боли к встрече с ней, но не видит той причины, по которой он это делает.

Мы надеемся, что эти примеры помогут прояснить те факторы, которые действуют во внутренней жизни индивидуума, и что эти факторы несовместимы с представлением о влечениях или инстинктах как о безличных силах, которые являются *причиной* некоего состояния или симптома.

Такое явление, когда человек переходит от избегания боли к принятию страдания, прямо противостоит принципу удовольствия. Однако для Биона этот переход стоит в самом центре его теории развития, так что нам придется отбросить принцип удовольствия и его производные. Он говорит, что критической детерминантой психического роста является выбор индивида: «решает» ли он избегать фрустрации или терпеть ее. В ходе психоаналитического процесса аналитик делает интерпретации, относящиеся к внутренней боли, сожалению, стыду, чувству вины или депрессии. Под действием таких интерпретаций пациент переходит от избегания к принятию этих реальностей. В основе такой процедуры лежат теоретические представления о том, что принятие этих внутренних реальностей способствует психическому росту. Их принятие нельзя объяснить в рамках гедонистической теории Фрейда. Фрейд объяснял такое человеческое поведение на основе отсроченного удовлетворения, т. е. полагал, что человек отказывается от удовольствия сейчас в пользу большего количества удовольствия в будущем. Это предполагает наличие способности делать выбор не в пользу удовольствия в настоящем под влиянием суждения о том, что лучше отказаться от данного сиюминутного удовольствия, из чего далее, предположительно, следует, что действия индивидуума объясняются не более эффективной погоней за удовлетворением, а выбором, мотивированным желанием будущего

блага. Однако Бион предполагает, что существует некий сдвиг от одной мотивационной категории, детерминированной желанием получить удовольствие и избежать боли, к другой, которая детерминирована стремлением к выявлению истины и жаждой эмоционального роста. Поэтому каузальные представления, на которые в значительной степени опирается теория и практика Фрейда и которые глубоко укоренены в уме многих аналитиков, являются преградой тому, чтобы разум пришел к пониманию процесса развития. Точно так же и принцип удовольствия, столь важный для всей концепции Фрейда, противоположен мотивационному принципу Биона – истине. Идея того, что кто-то изберет боль, вместо того чтобы избегать ее, совершенно чужда мышлению Фрейда, особенно с учетом представления Биона, что такое может произойти в самом начале жизни.

Понятие сексуального либидо по Фрейду есть препятствие пониманию дескриптивного анализа Биона: вот вам пример того, как непредмет [no-thing] занимает неподходящее для него место. В формуле Биона место сексуального либидо занял эмоциональный рост. В соответствии с представлениями Фрейда, глубоко закрепившимися в аналитическом мышлении, симптом есть результат того, что либидо находит иной путь выражения в обход преграды. Мы считаем, однако, что оно противоречит аналитическому опыту и придерживаться этого убеждения означает преграждать путь пониманию аналитического процесса. Кому-то может казаться, что в наиболее гуманистических представлениях психологии самости положения Фрейда также были пересмотрены. Однако более пристальное рассмотрение показывает, что за формулировками Кохута все еще стоят предпосылки Хартмана, в том смысле, что всем по-прежнему правит принцип удовольствия.

Как сказал Бергсон, нам неизвестно, куда стремится жизнь. Бион в своем анализе пытается хранить верность одушевленной реальности. Поэтому он говорит, что употребление слова «механизм» неуместно, поскольку этот термин относится

к неодушевленной, а не к живой природе. Термин «механизм», так часто используемый кляйнианскими аналитиками, чужд идеям Биона и является преградой пониманию бионовского анализа психики. Мы чувствуем, что это следует подчеркнуть, поскольку для нас очевидно, что многие кляйнианцы, пользующиеся термином «механизм» и в то же самое время считающие, будто следует Биону, тем самым демонстрируют, что они все еще рассуждают в пределах парадигмы теории Кляйн и не сумели понять Биона.

Бион перевернул теорию сновидений Фрейда. Если Фрейд считал, что функция сновидения – маскировать (и в то же время показывать) скрытое желание, то Бион считал, что его функция – синтезировать фрагментированные элементы в единое целое.

Фрейд считал, что функция мышления – снизить напряжение, тогда как Бион полагал, что мышление предназначено для управления напряжением. Таким образом, между идеями Фрейда и Биона имеется вполне фундаментальное различие: модель первого предполагала систему, функция которой состоит в том, чтобы устранить боль и фрустрацию, тогда как Бион выдвигает модель, в которой индивидуум способен переносить боль. Если Фрейд рассматривал мысль как способ живого организма достичь удовлетворения, то Бион считал мысль средством постижения истины, используемым индивидуумом, чтобы понять себя. Фрейд был сосредоточен на внешнем мире, который человеческое животное должно покорить, чтобы обеспечить удовлетворение жизненно важных потребностей, а Бион – на рефлексии осознающего себя индивидуума. В рамках концепций Фрейда для потребности индивидуума постичь самого себя места нет.

Самым неожиданным из понятий Фрейда, подвергшихся переформулировке, оказалось представление о полярности сознательного–бессознательного. Убеждение, что психоанализ основан на бессознательном и его отношениях с сознательным, принадлежит к числу наиболее бережно хранимых, и все же Бион считает, что эта идея мешает аналитическому

пониманию. Бион считает, что оппозицию сознательное – бессознательное необходимо заменить на полярность конечное – бесконечное. Бесконечное не имеет ни формы, ни категорий, ни числа. Он цитирует Мильтона:

Возникший из безвидной пустоты
Безмерной, – мир глубоких, черных вод¹
(Bion, 1965, p. 151),

чтобы продемонстрировать тот преобразующий процесс, посредством которого бесконечное становится доступным пониманию на конечном уровне. Мы надеемся, что в процессе чтения этой книги читатель постигнет эту полярность, но мы просили бы читателя освободить свой разум от понятий бессознательного и сознательного. Если не сделать этого, то, конечно же, оно помешает понять данный процесс. Сознательное означает осознание, и это может мыслиться как иная точка зрения на события. Эту иную точку зрения Бион назвал «вертекс». Иной вертекс сменяет теорию бессознательного и сознательного. Есть и еще один подводный камень в использовании термина «бессознательное». Создается впечатление, как будто бессознательное – некий предмет, так что люди произносят такие фразы, как «изгоняется в бессознательное», как будто это последнее представляет собой какое-то место внутри психики. Тогда как на самом деле нам нужно узнать, почему кто-то чего-то о себе не осознает. Как такое случилось – и есть тот вопрос, решением которого занимается Бион.

В клинической практике часто встречаются случаи такой полярности конечного – бесконечного. Мы приведем два примера. Человек пришел в анализ, потому что его жена внезапно заявила, что уходит от него. Аналитик сказал ему:

Похоже, есть два уровня: один – это ребенок, который добивается от меня, чтобы я делал вам одолжения; находил для вас время, которое для вас удобно, принимал вас

1 Джон Мильтон. Потерянный рай. Перевод Аркадия Штейнберга. – Прим. пер.

в выходные и уделял вам особое внимание. Другой – это крики протеста, что вам не надо одолжений, поскольку они связывают вас и заставляют вас чувствовать себя «обязанным»; это жажда освободиться от давления того, что навлекает на вас избалованный ребенок.

Надо сказать, что это замечание имело смысл в контексте всего, что происходило с этим человеком на протяжении всей его жизни. Когда он был ребенком, его родители осыпали его всевозможными благами, но после этого он чувствовал себя обязанным им. Позднее он выбирал работу, которая не несла удовлетворения ему лично, тоже из чувства долга. Это одна из тех «жизненных проблем», которые значимы для большинства из нас; мы могли бы назвать ее вечной. Она имеет измерение, которое Бион назвал «бесконечное». Так вот непосредственный ответ пациента на эту интерпретацию был: «Может, вот что я делаю не так в отношениях с Джозефиной. Мне надо попытаться вести себя с ней иначе». Он немедленно сузил это. Он принял это не как интерпретацию, а как инструкцию относительно того, что ему надо *делать*. Он изменил категорию интерпретации с бесконечного на конечное. Борьба в анализе идет за то, чтобы не позволять конечному глушить бесконечное.

С отречением от схемы сознательное – бессознательное тесно связан отказ Биона от теории первичных и вторичных процессов – еще одного краеугольного камня корпуса фрейдистских представлений. Вместо этого Бион говорил о различных уровнях мышления, включая гипотетические понятия β -элементов и α -элементов. В мышлении психотика отсутствует или повреждена α -функция.

Последний бастион Фрейда, низвержение которого подразумевает подход Биона, – это структурная модель. Супер-эго заменяется понятием паразитического, или взаимно сдавливающего интерактивного $\varphi\sigma$, который обедняет эмоциональность, изымая из нее смысл¹; это конечно – «Мне

1 φ означает «содержащее, контейнер», σ означает «содержимое, контейнируемое». См. дальнейшее обсуждение в Главе 6.

надо попытаться вести себя иначе с Джозефиной», – и оно заменяется эволюцией и появлением истины; а ид исчезает как излишнее. На одном из семинаров, которые Блон проводил в Тавистокe в конце 1970-х годов, он сказал, что не считает структурную модель полезной.

Блон и группа Кляйн

Верные ученики Мелани Кляйн принимают ранние работы Блона, но с недоверием относятся к более поздним. Один из представителей старшего поколения кляйнианцев высказал мнение, что Блон не написал ничего заслуживающего внимания после *Elements of Psycho-Analysis* (1963). Другие полагают, что, покинув Англию, он утратил остроту ума и что все, что он написал после отъезда, следует отбросить как бессвязные измышления старого маразматика. Границей раздела между той частью его работы, которая приемлема для кляйнианской группы, и той, что неприемлема, будет, видимо, либо *Transformations* (1965), либо *Attention and Interpretation* (1970). Вопрос, к которому мы теперь обратимся, таков: почему поздние идеи Блона оказались неприемлемыми для некоторых кляйнианцев?

Мы полагаем, что первой причиной явилось введение им «О», впервые появившегося в *Transformations* и разрабатывавшееся далее в *Attention and Interpretation*. Блон так определяет О:

Я буду использовать знак О для обозначения того, что является высшей реальностью, описываемой такими выражениями, как высшая реальность, абсолютная истина, божественное, бесконечное, вещь-в-себе.

(Bion, 1970, p. 26)

О, таким образом, имеет метафорическое и религиозное значение. Мелани Кляйн оставалась равнодушна к религии и философии, но не была их противником (по личному сообщению Эллиота Жака, 1995). Некоторые из ее ближайших последователей, однако, были, как и Фрейд, определенно

антирелигиозны и почти фанатично выступали против любой философской позиции, хоть немного отдававшей религией. Они твердо стояли на атеистической платформе Фрейда и вслед за ним были верны позитивизму. Когда Бион ввел О, являющееся по сути своей религиозным¹ и метафизическим понятием, некоторые участники группы Кляйн поспешили, начиная с этого момента, отмежеваться от его идей.

Личный акт понимания является целью когнитивного и эмоционального усилия Биона. И пре-концепция в поисках реализации, и значимость *избранного факта* суть выражение этого стремления. Личный акт понимания по самой своей природе подрывает или грозит подорвать учение, полученное из вторых рук. Некоторые кляйнианцы стали хранителями новой ортодоксальной традиции – знакомое явление в истории научных движений. Его едко описал Кестлер:

Новая территория, открывающаяся в результате нетерпеливого продвижения вперед немногих гениев, становится плацдармом, который затем заполняется плотным строем посредственностей; и скоро революция превращается в новую ортодоксальную традицию, с ее неизбежными симптомами: односторонностью, чрезмерно узкой специализацией, потерей контакта с другими областями знаний и, в конечном итоге, отрывом от реальности. Мы видим, как это происходит – похоже, с неизбежностью – в различное время в истории различных наук. Возникнув, ортодоксальность затвердевает в «закрытую систему» мышления, не желая или будучи не в силах ассимилировать новые эмпирические данные или приспосабливаться к важным изменениям в других областях знаний.

(Koestler, 1975, p. 225)

Поэтому предписываемый и поощряемый Бионом личный акт понимания становится угрозой для тех, кто стремится

1 Под «религиозной» мы понимаем такую модель человеческого существа, когда его интенциональность выходит за пределы непосредственных физических потребностей.

сохранить чистоту учения Мелани Кляйн. Такая позиция всегда наиболее остро направлена против тех, кто был вскормлен внутри научной культуры группы. Говорят, например, что Салман Рушди не сделался бы объектом *фетвы*, если бы не был пакистанцем и мусульманином по воспитанию. Когда человек, приняв новую персональную точку зрения, тем самым отделяется от группы, в которой был взращен, группа чувствует себя преданной и еще плотнее смыкает ряды.

Только из более поздних работ Биона – скажем, начиная с *Attention and Interpretation* – кляйнианцам стало вполне ясно, к чему ведут его более ранние идеи.

Бион был ближе к школе Кляйн, чем к любой другой, и многие из его ключевых понятий были напрямую позаимствованы им у Кляйн – проективная идентификация, расщепление, инстинкт смерти, параноидно-шизоидная и депрессивная позиции, – но он использовал их с иной точки зрения, в рамках новой метапсихологии. Он задействовал понятие инстинкта смерти в своих работах о психозе, собранных в сборник *Second Thoughts* (1967), но отказался от него, как только начал формулировать свою теорию в *Learning from Experience* (1962), *Elements of Psycho-Analysis* (1963) и *Transformations* (1965).

Кляйнианцев интересует психическая реальность, внутренние объекты, психические изменения – и Биона тоже. Где же пролегает различие между подходом Биона и подходом тех, кто остался верен Мелани Кляйн и Фрейду? Есть несколько аспектов, на которые мы могли бы указать: например, Кляйн больше сосредоточена на процессе психического развития и нарушениях, вызываемых в нем такими силами, как жадность и зависть. Подход Биона был более позитивным. Сфера его исследований была шире: его интересовало наше эволюционное прошлое, а также то, к какому будущему идет человечество. Это крайне важные направления мысли, но, как нам представляется, не в них суть. Бион начал с такой реальности, которая неизведанна, потому что непостижима, названной им О. Это совершенно чуждо кляйнианцам

и их предтече Фрейду. Их отправная точка – неструктурированная совокупность инстинктивных импульсов. Здесь перед нами две фундаментально различающиеся модели человека, и это отличает Биона от кляйнианцев и фрейдистов. То, что Бцион начинает отсчет от О, или высшей реальности, меняет его угол зрения. Психопанализ стал одним из выражений О; для Биона он послужил отправной точкой вхождения в область О. У слушателей Биона возникало вполне конкретное впечатление, что перед ними человек, занимающийся чем-то более обширным и глубоким, чем любая отдельная дисциплина, и это была позиция, которую не разделяли большинство его коллег ни из группы Кляйн, ни из любой другой группы в Британском психоаналитическом обществе или в любом из американских.

Бцион пришел в анализ к Мелани Кляйн после Второй мировой войны и, по-видимому, настоял на условии, что он волен думать и реагировать так, как найдет нужным (Grosskurth, 1985, p. 427). Если это правда, то мы оказались свидетелями становления независимого мыслителя, находившегося под влиянием Мелани Кляйн, но не ее клона. Проблема отношений группы с таким человеком является предметом другой главы.

Читателю следует освободить свой ум, насколько возможно, от всех этих «догматов» психоаналитической веры. Приверженность этим теориям послужит препятствием пониманию того, как Бцион анализирует аналитический процесс. Осознав, какой вызов Бцион бросил теории Фрейда, испытываешь шок. Мы полагаем, однако, что если читатель попытается держаться за фрейдистские догмы, то он не поймет работ Биона. Бцион использует некоторые из теорий Фрейда и некоторые из теорий Кляйн, и из-за этого аналитики склонны считать, что он работал в рамках их основных положений. Это неверно. Он использовал некоторые фрагменты их теорий для объяснения определенных явлений, но его аналитическое описание также предполагает отказ от некоторых основных догм теорий Фрейда и Кляйн.

Глава 2

БИОН: ЕГО ХАРАКТЕР

Какими бы дарами разума мы ни были наделены, отныне следует подавить их, и подчинить их невинности, простоте и истине.

(Newman, 1986, p. 114)

Если бы можно было выделить некое центральное послание, завещанное Бионом потомству, это было бы: *Думайте и говорите то, что подсказывают вам собственное сердце и разум.* Он обратил свои мысли к анализу опыта. Естественно, речь в этом случае идет о его собственном личном опыте. В своей автобиографической работе *The Long Week-End* он рассказывает, как Ассер, один из служивших вместе с ним офицеров, предпочел быть застреленным противником, нежели сдаться. Его танк, со всем экипажем внутри, был окружен противником, и всем, находящимся в нем, приказано было сдаться. Каждый член экипажа выходил с поднятыми руками и сдавался противнику, а Ассер вышел последним, вцепившись в свой кольт, показывая, что намерен сражаться, и был немедленно застрелен. Об этом Блон писал:

Я знал в сердце своем, что, если враг достигнет наших окопов, я не смогу продолжать борьбу. Мне не понять такого мужества, как у Ассера. Я легко могу понять все

объяснения этому, какие мне приходилось слышать, но я не могу понять само явление.

(Bion, 1982, p. 272)

Умственное усилие Биона было направлено на понимание самого явления. Само явление было настолько ужасно, что мы полагаем вероятным, что весь остаток жизни он провел, пытаясь осмыслить его. В юности, в возрасте девятнадцати лет, он прошел короткое обучение и был отправлен на фронт командовать танком под Ипром. Когда он стоял и разговаривал с другим офицером, Эдвардсом, он увидел, как тому вышибло мозги неожиданной пулей. Он видел, как Деспард, ирландец, командир танка, умер рядом с ним. Он был рядом с еще одним офицером, который на последнем вздохе просил Биона написать его матери. Как-то раз один немецкий солдат упрасивал его проверить, умер ли его друг. Он видел, как по глупости командующего пехотой три танка взорвались у него перед глазами, поднимаясь на холм.

В первые три месяца войны союзники потеряли миллион человек убитыми. Бцион был не единственным, кто прошел через такую ужасающую травму, но мы думаем, что он, вероятно, был одним из немногих, кто пытался ассимилировать и понять ее. Разум может либо диссоциироваться от такого ужасающего опыта, либо бороться за то, чтобы его осмыслить – осмыслить не только сам этот опыт, но и свои собственные реакции на него, которые от него неотделимы – будь то трусость или отвага. Нет ни тени сомнения, что Бцион был человеком выдающейся отваги. В возрасте девятнадцати лет он столкнулся с кризисом ужасающих масштабов – не одним каким-то кризисом, а чередой кризисов, которые, следуя один за другим, составляют катастрофу. Его отвага не подлежит сомнению. Он был представлен к Кресту Виктории, но, отчасти из-за собственного нежелания, не получил его, однако вместо этого был награжден орденом «За особые заслуги».

Бцион настаивает на собственной трусости. Мы полагаем, что это следует принимать буквально, при одном условии:

читатель должен помнить, что индивидуум может знать о своей трусости, только если она не доминирует в его личности. Только отважный человек может знать о своей трусости.

ДЕТСТВО

Бион родился в Матхуре, в Объединенных провинциях Индии, в 1897 году у родителей-англичан, пытавшихся оставаться в том привилегированном сообществе, которое составляют английские джентри. Есть люди, которые в нем родились и имеют состояние, чтобы поддерживать его и делать его возможным, но есть также те, кто принадлежит к нему, но не имеют такого состояния и идут на крайние жертвы, чтобы сохранить свой статус. Родители Биона относились к этой последней категории. Он был рожден членом того класса, который Джордж Оруэлл, сам к нему принадлежавший, назвал «низший-высший-средний класс». Оруэлл говорит об этом классе так:

Я определяю его в терминах денег, потому что это всегда самый быстрый способ, чтобы вас поняли. Тем не менее, важная особенность классовой системы Англии заключается в том, что она *не может* быть полностью объяснена в терминах денег. Грубо говоря, это денежное расслоение, но оно пронизано также некоторой туманной системой каст; очень похоже на сбитое на скорую руку современное бунгало, в котором водились бы средневековые привидения. Отсюда тот факт, что к высшему-среднему классу могут, или могли быть, отнесены люди с настолько низким доходом, как триста фунтов в год, — что значительно ниже доходов людей из обычного среднего класса, без каких-либо социальных претензий...

Принадлежать к этому классу, когда ваш доход — порядка четырехсот фунтов, было делом сомнительным, так как это означало, что ваше дворянство почти чисто теоретическое. Вы жили, так сказать, на двух уровнях одновременно. Теоретически вы знали все о прислуге

и о том, как вести себя с ней, хотя на практике у вас был один слуга, в лучшем случае двое. Теоретически вы знали, какую носить одежду и как заказывать обед, хотя на практике вы никогда не могли позволить себе сходить к приличному портному или в приличный ресторан. Теоретически вы умели охотиться и ездить верхом, хотя на практике у вас не было лошадей, чтобы на них ездить, и ни дюйма земли, на которой охотиться. Именно этим объясняется привлекательность Индии (а позднее Кении, Нигерии и т. д.) для низшего-высшего-среднего класса. Люди, которые приезжали туда в качестве военнослужащих и чиновников, ехали туда не за деньгами, потому что военнослужащему или чиновнику не нужны деньги; они ехали туда потому, что в Индии, где есть дешевые лошади, свободная охота и орды черных слуг, легко было изображать из себя джентльмена.

В такого рода обнищавшей дворянской семье, о которой я говорю, значительно более выражено *осознание* своей бедности, чем в любой рабочей семье, поднявшейся выше уровня пособия по безработице. Плата за квартиру, покупка одежды и оплата школьных счетов превращаются в нескончаемый кошмар, а любая роскошь, даже стакан пива, становится недопустимым расточительством.

(Orwell, 1972, p. 106–108)

Всю свою жизнь Блон бился, пытаясь содержать свою семью и себя без капитала, этой неназываемой ценности высшего-среднего класса, в то же самое время вращаясь в кругу тех, кто ожидал от него богатства и, несомненно, считал, что оно у него есть. Когда он купил дом в Айвер Хит после Второй мировой войны, он слышал, как два джентльмена спрашивают, у какого это дурака нашлось восемь тысяч фунтов стерлингов навывброс. Блон замечает, что восемь тысяч фунтов стерлингов досталось ему нелегко. У него не было никакого капитала, но считалось, что он у него есть. Мы полагаем также, что од-

на из причин, побудивших его отправиться в Калифорнию в 1968 году, состояла в том, чтобы заработать больше денег, чем ему удавалось в Лондоне, и таким образом скопить некоторый капитал для своих детей.

Существуют определенные признаки, отличающие английского джентльмена, которые мгновенно распознают члены этого сообщества и которым завидуют те, кто в него не входит. Выговор, небрежные жесты, пренебрежение к мелочам и сотни других признаков принадлежности к классу, которым нельзя научиться, но которые впитываются в этом дорогостоящем учреждении – британской частной школе. Затраты на то, чтобы послать сына в одну из этих школ, огромны, и родители Биона, должно быть, сэкономили каждую копейку, чтобы сделать это возможным, потому что, только добившись этого, они могли держать голову высоко поднятой. Однако им удалось послать его лишь в одну из наименее престижных школ. Бион рассказывает своему читателю, что во время всех тех *переходных обрядов*, когда он стремился войти и быть принятым в какой-нибудь новый коллектив, он чувствовал себя ниже других. Он не учился в Итоне, Харроу или Винчестере. Он чувствовал себя глубоко униженным, когда армейский призывной пункт поначалу отверг его; он чувствовал себя ниже других, когда он только появился в Оксфорде. К тому времени, когда он проходил интервью с деканом медицинского факультета Университетского колледжа в Лондоне в 1924 году, он смог подать ему один из необходимых знаков, заставивших принять его: ему довелось играть в крикет за сборную Оксфорда. Вслед за тем он сразу же сообщил, что был капитаном команды Оксфордского университета по плаванию, и это послужило рычагом. Он научился использовать знаки принадлежности к сословию джентльменов в свою пользу, когда это было необходимо.

Мальчики попадают в закрытую школу в возрасте либо четырнадцати, либо двенадцати лет, и этому должен предшествовать нелегкий период обучения в «подготовительной школе» – четыре или шесть лет. Так случилось, что малень-

кого Уилфреда послали в школу в Англию из далекой Индии в возрасте восьми лет. Поэтому в системе закрытых школ он прошел «полный курс». Он дает читателю понять, что ему было очень трудно, но его выручали успехи в командных видах спорта. Он страдал от отношения взрослых к детям. Он говорит, что маленьким ребенком в Индии он пережил опыт, хорошо известный большинству англосаксонских детей. Когда он строил отношения с кем-то из взрослых, они часто смеялись над ним. Это заставляло его чувствовать себя ничтожным и приходило в ярость. Эти насмешки создали то, что психоаналитики называют плохим внутренним объектом. Это была пугающая фигура, которую он назвал «Арф Арфер». Чувство, что он уходит в себя, окруженный не понимающими его взрослыми, осталось с ним на протяжении всех десяти лет его обучения в школе, его травматического опыта в армии и сопровождало его всю оставшуюся жизнь. Этот уход в себя был не бегством, а тем, что французы называют *reculer pour mieux sauter*¹.

Как-то однажды в школе, разыгравшись, он обернул кусок бечевки вокруг шеи другого мальчика и затянул ее, после чего мальчик упал без сознания. Бион ослабил бечевку, и мальчик опять пришел в сознание. Его это беспокоило, поэтому он спросил одного из учителей в безличной форме, как будто задавая интересующий его вопрос из биологии, каковы могут быть результаты такого действия, и получил ответ, который его не успокоил. Поэтому на следующий день он отправился к директору и честно во всем признался. Директор сказал ему, что если бы бечевка завязалась узлом, так что он не смог бы ее ослабить, то мальчик умер бы через полминуты. Директор сказал ему, что он рад, что Бион подошел к нему с этим. Этот случай много говорит об открытости и честности Биона, а также о директоре, который отнесся к этому с уважением. На следующий день директор сделал объявление, объясняя опасность использования бечевки

1 Отступить, чтобы дальше прыгнуть. – Прим. пер.

во время буйной игры и не называя никаких имен. Возможно, что честность Биона и здравомыслие директора оказали профилактическое воздействие и спасли жизнь какого-нибудь несчастного мальчика.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Пережитое Бионом во время Первой мировой войны явно столь сильно повлияло на формирование его психологическое понимание себя и человеческой природы, что нам нужно вернуться к этим событиям несколько более подробно. Он сказал о себе следующую поразительную вещь: «Многие рассматривают робость как черту характера „сосунка“ – хилого, нестойкого, ненадежного. Во мне это самое жесткое, самое сильное, самое стойкое качество из всех, какими я обладаю» (Bion, 1982, p. 111–112). Мы думаем, что это связано с тем, что мы говорили выше об отваге. Отважный человек испытывает страх, а безрассудный человек не испытывает. Парадоксально, но в таком случае робость является *sine qua non* отваги. Человек, который наслаждается битвой, может и не иметь достаточного основания для отваги. Бцион говорит: «Я не знал – ни тогда, ни позднее, – что значит быть охваченным радостью битвы» (Bion, 1982, p. 136).

Интересно противопоставить эту позицию позиции Уинстона Черчилля, который командовал 6-м батальоном Шотландских Королевских фузилёров в 1916 году, в то же самое время, когда Бцион был на фронте. Капитан Гибб пишет о Черчилле следующее: «Я глубоко ненавидел войну, но и в тот момент, и всегда я считал, что Уинстон Черчилль наслаждался ею. Он не знал, что такое страх...» (цит. по: Bonham Carter, 1965, p. 44). Для Черчилля не существовало осознания страха. Черчилль также полностью идентифицировался с Британской империей и ее интересами. Бцион сознавал страх, сознавал свои собственные внутренние состояния; кроме того, он не идентифицировался с Британией и ее патриотическими задачами. Он всегда осознавал себя как отдельного от группы индивида, анализируя ее природу

и подвергая сомнению ее цели. Он был одним из наиболее ярких примеров аутсайдера. Мы определяем аутсайдера как человека, который не идентифицируется с теми несколькими группами, членом которых он является. Черчилля возбуждал свист пуль, пролетающих близко от него. Мы полагаем, что именно такое «возбуждение», т. е. субъективное переживание процесса проективной идентификации, включает индивидуума в группу, так что он бессознательно становится неотъемлемой ее частью. Связь Биона с группой устанавливалась через мысль; Черчилля – через эротический экстаз. О том, насколько позиция Биона была далека от того, что мы можем назвать отношением Черчилля, можно судить по следующему отрывку:

Как-то раз, много лет спустя после войны, я был в плавательном бассейне в популярном отеле и ко мне приблизился другой пловец. Он меня узнал, но мне понадобилось одно–два мгновения, прежде чем сквозь маску делового человека проступили детские черты лица Брума.

– Те дни на войне, когда я оглядываюсь на них, – сказал он, – были счастливейшими в моей жизни.

– Быть не может, – ответил я.

– Нет, правда. Я наслаждался каждым мгновением.

«Каждым мгновением» – подумать только. Мне и впрямь кажется, что этот успешный бизнесмен говорил правду.

(Bion, 1982, p. 140)

Ясно, что Бион был изумлен и что это явление было в числе тех, которые он изучал с пристальным интересом в те годы, когда был психоаналитиком.

Биона постоянно заботило, как узнать, что кроется за внешними проявлениями. Он говорит о командире своей части: «Он был, как всегда, одет безукоризненно. Иногда такая манера одеваться является выражением личности; иногда заменой личности, которой нет. Бывают моменты, когда

непременно нужно знать, с чем ты имеешь дело в данном случае» (Bion, 1982, p. 150). Его товарищ Деспард, упомянутый ранее, был убит пулей в живот. Перед смертью он сказал: «Я так и знал. Когда эта проклятая... сорока... прилетела сегодня утром, – он хватал ртом воздух, – я так и знал, что мне конец» (Bion, 1982, p. 135). Бион говорит затем: «Я был оглушен. Я не мог придумать, что сказать этому странному фаталисту-ирландцу. Как мог он верить в такой момент, что сорока является более очевидной причиной смерти, чем пуля?» (Bion, 1982, p. 135). В более поздние годы Бион отслеживал происхождение подобного рода суеверий.

Бион командовал экипажем своего танка в наступлении на Камбрэ во Франции. Он ярко описывает, как погнал танк на заграждения из колючей проволоки 6 футов высотой и 10 футов в глубину. После того как он прорвал эти защитные сооружения, он повел танк «вслепую» (поскольку люки были задраены от вражеских пуль) на позиции врага. Стробоскопический щиток, через который он определял направление, куда вести машину, был той частью танка, которую сильнее всего осыпали пулями. Он не замечал, что его задело, пока его заместитель не указал ему, что у него идет кровь. Он, однако, пишет об этом просто: «ранение мягких тканей». Вскоре после этого танк остановился, и возник риск, что на него перекинется огонь, а в нем еще оставалось девяносто галлонов бензина и множество боеприпасов. Бион и его экипаж выпрыгнули наружу и захватили вражеский окоп. Там их обстреляли сверху, после чего Бион выскочил на бруствер и ответил на огонь нападавших, заставив отделение немецких солдат поспешно отступить.

За свою храбрость Бион, как мы уже говорили, был представлен к Кресту Виктории. Он не считал, что этого заслуживает, поскольку, по его мнению, заслуги его экипажа равнялись его собственным. Когда с ним разговаривал генерал, его спросили, хочет ли он получить эту награду, и он сказал: «Э, да, сэр, очень хочу... то есть на самом деле нет, сэр» (Bion, 1982, p. 173). Картер, офицер, служивший вместе

с ним, спросил его позже, как прошел разговор и получит ли он Крест Виктории. Бион ответил:

«Вряд ли – я никак не мог сообразить, что бы такое сказать», – и Картер ответил: «Надо было роль-то заранее вызубрить».

(Bion, 1982, p. 173–174)

Бион говорит, что он не мог понять, что было на уме у этого лишенного иллюзий человека. Ясно, что Бион не жаждал высоких постов, статуса или внешних регалий. Кажется также, что он не понимал психологии тех, для кого эта мотивация была всепоглощающей. Он понимал, каким бременем могут оказаться для человека почести. Много лет спустя, после того как он побывал президентом Британского психоаналитического общества, он уехал в Калифорнию. Одним из мотивов было избежать бремени почестей, чтобы дать себе время развивать свой ум, мыслить, писать. Он говорит чуть далее:

«Мне понятно было, почему Крест Виктории был все равно что смертный приговор; почему солдаты говорили, что те, кто получает Крест Виктории, либо срываются и находят тихую работу в Англии, либо гибнут потом в попытках заслужить полученную награду».

(Bion, 1982, p. 190)

Чтобы понять это, нужно помнить слова Биона о том, что он был в каком-то состоянии оглушенности, когда совершал те действия, за которые получил орден «За особые заслуги». По его предположению, то же было и с другими: они не сознавали своей храбрости, и, когда их награждали за нее, им приходилось выдержать борьбу, чтобы справиться с этим – либо отрекаясь от награды, либо отчаянно пытаясь жить так, чтобы быть достойными ее.

В книге *The Long Week-End* войне посвящено 183 страницы. Они полны боли, трагедий и ненужных потерь. Казалось, гибель самого Биона – только вопрос времени, но, однако, будучи в отпуске и приехав к матери в Челтенхэм, он говорит:

«Отношения с кем бы то ни было, кого я уважал, были невыносимы, особенно с моей матерью; я ничего не хотел, кроме как вернуться обратно на фронт, просто чтобы быть вдали от Англии и от нее» (Bion, 1982, p. 266). Ужасающее кровопролитие войны было для него предпочтительнее, чем быть с матерью. Говорят, Ричарду III в ночь перед битвой на Босвортском поле приснился страшный сон, который заставил его сказать Рэдклифу:

«Виденья ночи нынешней, клянусь, Дух Ричарда сильнее ужаснули, Чем въявь десяти тысячное войско С таким вождем, как этот жалкий Ричмонд»¹.

(*King Richard III. Act V, Scene III, v. 216–220*)

Не видение, а общение с матерью поразило дух Уилфреда ужасом, большим, чем сто тысяч живых солдат, истребляемых на фронте. Его мать на самом деле могла быть ужасной женщиной, но то ощущение, которое он передает, говорит об ином: он называет ее человеком, которого он уважал; скорее, он внутренне населял ее какими-то чудовищными тенями. В более раннем эпизоде, когда он вернулся с фронта, чтобы получить от короля в Букингемском дворце свой орден «За особые заслуги», он говорит:

Моя мать, побежденная и беспомощная перед лицом моей молчаливой мрачности, спросила, знаю ли я загадку про цветок, наиболее ненавистный для скупца. «Это анемоны, – сказала она, – потому что звучит для него как вопрос: „А нет монет? А нет монет?“²». Моим ответом было каменное молчание, столь враждебное, что оно напугало меня самого.

(Bion, 1982, p. 190)

В этой сцене мы видим женщину, которая пытается найти подход к своему сердитому сыну, возможно, с неуместным

1 Шекспир В. Ричард III. Акт 5, сцена 3, стих 216–20. Перевод Марка Донского.

2 Anemone – Any money? Any money? – Прим. пер.

весельем, не чувствуя его настроения, но, тем не менее, с добрыми намерениями. Его ненависть к ней была результатом проекции, которая с такой силой превращала ее в некое темное существо, что это пугало его. Даже на этой стадии, таким образом, он осознавал, что его худший враг – тот, который пугает его больше всего – находится внутри. Этот враг был самым страшным, страшнее даже всех ужасов войны. Здесь можно увидеть зачатки его становления как аналитика. Мы можем догадываться, что именно через познание своей собственной души он научился так хорошо понимать психотическое в личности. Это было также тем зернышком, из которого позже вырос его мистицизм.

ХАРАКТЕР БИОНА

Система ценностей неотделима от характера. Человек, для которого власть и высокое положение являются средоточием личности, очень сильно отличается по характеру от кого-то, кто, подобно Биону, превыше всего ценит истину и способность любить. Именно эти центральные ценности позволяют дифференцировать структуры характера – человека чести от шарлатана, изменяющую женщину от верной и т. д. Важно отделить теории аналитика от его собственной личности, но мы также считаем, что некоторые прозрения возможны только для того, кто ставит ценности истины и любви во главу угла. Если разум исцеляется истиной, то как может психоаналитик, мотивируемый в первую очередь, скажем, жадой престижа, суметь донести истину до пациентов? Поэтому мы не доверяем теориям того, чьи ключевые ценности не отвечают желанию достичь любви и свободы, постичь истину. Трудно оценить ценности человека, поскольку они скрыты глубоко внутри, и обычно большинство не воспринимает их на сознательном уровне. Вдова Биона, Франческа, оказала, по нашему мнению, услугу миру психоанализа, издав его любовные письма к ней, которые он посылал ей во время их ухаживания и временами в браке, когда они разлучались. Ни в одной другой сфере не проявля-

ются так ключевые для человека ценности, как в подобных интимных посланиях. Ничто не может заменить чтения этих писем, которые были опубликованы в работах *All My Sins Remembered The Other Side of Genius* (1985). Здесь мы как можно короче опишем его характер, так, как он предстает в этих письмах.

Что видно всего яснее, так это простота этого человека. В наш сложный век это качество может вызывать усмешку, но мудрецы смотрят на него иначе. Одним из таких мудрецов был Фенелон, бывший архиепископом Камбрэ в XVII веке:

В этом мире, когда люди говорят, что кто-то прост, они обычно имеют в виду человека глупого, невежественного, легковверного. Но настоящая простота очень далека от глупости, почти величава. Все добрые люди ценят ее и восхищаются ею, сознают, что грешат против нее, видят ее в других и знают, в чем она состоит; и все же они не могли бы в точности определить ее. Я сказал бы, что простота – это прямота души, которая не допускает интереса к самому себе. Это не то же самое, что искренность, которая является значительно более скромной добродетелью. Многие люди искренни, но не просты. Они не говорят ничего, кроме того, что считают истинным, и не стремятся выглядеть ничем, кроме как тем, чем являются. Но они постоянно думают о себе, взвешивают каждое свое слово и мысль и размышляют о себе, тревожась, не сделали ли они слишком много или слишком мало. Эти люди искренни, но у них нет простоты. <...> Истинная простота заключается в *juste milieu*, равно свободном от легкомыслия и аффектации, в котором душа не захвачена внешним до того, что не способна к рефлексии, но и не предается бесконечному самоулучшению, какого требует интерес к себе. Та душа, которая смотрит туда, куда направляется, не теряя времени на то, чтоб спорить по поводу каждого шага или постоянно оглядываться, обладает истинной простотой. Такая

простота – поистине великое сокровище. Как нам достичь ее? Я отдал бы за нее все, что имею.

(Цит. по: Huxley, 1980, p. 130–131)¹

Точно так же, как трудно определить простоту, трудно и собрать свидетельства того, что она была свойственна Биону. И однако в его письмах к Франческе и к его детям она высвечивается со всей ясностью. Достаточно лишь одной цитаты из письма к Франческе и другой – к одному из детей:

Если это сон, то это самый долгий и самый изумительный сон, какой у меня когда-либо был; если это не сон, тогда я не знаю, как сдержать себя. Боже мой, думаю я, как очаровательно, как она очаровательна, и она обещала выйти замуж за меня. Как необыкновенно! Должно быть, меня перепутали с кем-то другим. Что же мне делать? Очень ли она будет разочарована, когда выяснит, какой я жутко обыкновенный человек? И потом, я чувствую, что мне как-то грустно. А затем я начинаю надеяться, что тебе нравятся довольно-таки обыкновенные люди и что ты на самом деле знаешь, что я обыкновенный, и все равно при этом любишь меня. Верно ли это? *Пожалуйста*, скажи, что верно. Моя дорогая Франческа, если бы я только мог сказать тебе, что я чувствую. Как я возбужден и как нервничаю.

(Bion, 1985, p. 95)

В моей комнате на Харли Стрит есть маленькое окно. Я все держал его открытым, чтобы получать вдоволь свежего воздуха. Но теперь голубка свила свое гнездо прямо над тем местом, где оно открывается. И у голубки несколько яиц, и она высидит ораву малышей. Я не знаю, как птица-мама думает прокормить их, когда

1 Перевод цит. по изданию: М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. Терминологическая правка В. Данченко. К.: PSYLIB, 2005. – Прим. пер.

они появятся. Я надеюсь, что они будут не слишком шуметь. Моим пациентам это бы не понравилось.

(Bion, 1985, p. 170)

Несколько прекрасных писем Биона к детям опубликованы в фотокопиях, передающих его почерк и небольшие рисунки, сделанные им для иллюстрации того, что он описывает. Простота в правильном понимании, сказали бы мы, была доминирующей чертой его характера. Он признает в одном из своих писем, что способен со всей ясностью видеть, что важно в проблемной ситуации. Такая способность проникать в суть проблемы – одно из свойств простоты. Мы полагаем, что это был основной организующий принцип его личности.

Одна из лондонских аналитиков, Морин Брук, ныне покойная, всегда дивилась на шкафчик с выдвижными ящиками в кабинете Биона, когда приходила к нему на супервизию. В ее воображении этот шкафчик полон был учеными трудами. Однажды, однако, по окончании супервизии он предложил ей чашку чаю, и она согласилась; тогда из верхнего ящика шкафчика появился чайник, а из следующего – молоко, сахар и чай! Алберт Мэйсон принес ему на супервизию случай очень тяжелого пациента, который имел привычку вставать по ночам и включать свет, чтобы посмотреть, все ли еще он в кровати или нет. Бион выслушал это, глядя усы и поблескивая глазами, и сказал: «Ну, каждый из нас вправе искать подтверждение своему мнению». Нам хочется попытаться отразить то, что он ценил в жизни более всего – социолог назвал бы это его «ценностями». Для него счастье и удовлетворение происходили оттого, что он любил свою жену и детей, и они любили его в ответ. Он ясно выражает это в письме к Франческе в период их ухаживаний:

Твоя любовь для меня – самая бесценная вещь на свете, и, пока она у меня есть, ты не должна думать, что мне нужно что-то большее. Я очень обычный человек, дорогая моя, но с твоей любовью я буду также и счастливым

человеком, а большего не может требовать никто. Успех, как его оценивает мир, и всеобщее почтение вполне приятны, если приходят, но они в значительной мере побочный продукт и, как мне кажется, далеко уступают по важности обычному довольству и счастью.

(Bion, 1985, p. 91)

Эти отношения были ему дороже всего, и потому он прилагал все возможные усилия, чтобы поддерживать и укреплять их:

Я так глубоко чувствую, что мы можем построить действительно счастливую жизнь и счастливый дом, что мне становится почти страшно. Столько видишь людей, которые, казалось бы, имеют все, чтобы построить что-то действительно стоящее – а потом они просто проматывают все это, пока не остается один только памятник неумению и мелочности. Это самая кошмарная судьба, которая становится еще трагичнее из-за того, что она столь непримечательна; просто одна неудача да другая мелкая неудача, помноженные на несколько сотен, и вот что вышло. Ну, будем надеяться, что мы справимся лучше; тебе придется помочь мне исполнять мою роль лучше, чем мне покамест удавалось.

(Bion, 1985, p.97)

Тот светский цинизм, который побуждает пожимать плечами над еще одними разбившимися вдребезги отношениями, был ему абсолютно чужд. Связи между ним и теми, кого он любил, были для него крайне важны. Он прилагал все усилия, чтобы действовать должным и максимально результативным образом. Одному из своих детей он писал:

Ужасно, когда к работе относятся легкомысленно и довольствуются поверхностными знаниями, которые есть не более чем слегка прикрытое невежество. Эта привычка, которую так легко подхватить, ужасна, потому что ты продолжаешь это надувательство даже тогда, когда в этом более и нужды-то нет. Не думай, будто стоящая

работа, которая делается должным образом, когда-нибудь может показаться легкой. Беда в том, что дурить себя и других легко, но не результативно.

(Bion, 1985, p. 174)

Очевидно, что было для него ценным. Есть объекты, оказавшиеся стоящими. Под «объектами» мы понимаем тех людей, с которыми он связал себя, и те человеческие реалии, которым он служил. Из этих реалий одной был психоанализ, другими – истина и красота. Оказываясь вовлеченным в работу той или иной категорией этих объектов, он считал, что стоит вложить всю свою энергию в то, чтобы сделать работу как можно лучше. Весь пронизанный простотой, этот человек становился источником света для тех, кто любил его. Когда он умер, все это одной фразой выразила его семилетняя внучка: «Я и не понимала, что я так хорошо знаю дедушку» (Bion, 1985, p. 243).

Задача психоаналитика – добиться того, чтобы знать своих пациентов. Он может достичь этого через знание себя. Бион стремился к этой цели и достиг ее. Мы полагаем, что он достиг такого понимания психики, которого не удалось пре-
взойти ни одному другому аналитику.

Глава 3

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КАТАЛИЗАТОР

Что оказывает долговременный эффект? Все, что стимулирует, мобилизует и создает чувства, принадлежащие к спектру любви – ненависти.

(Bion, 1991, p. 362)

Биона занимало применение мышления к эмоциональному опыту. В результате возникает вопрос: «Что именно является триггером эмоционального переживания?» И его ответ таков: «Эмоциональный опыт не может рассматриваться в отрыве от взаимоотношений» (Bion, 1962b, p. 42). Экологическая ниша, которая порождает эмоциональный опыт, – это отношения одного человеческого существа с другим. Бион сводит связи между человеческими существами к Любви (L), Ненависти (H) и Знанию (K) и отрицательным значениям каждого из них, которые он кратко обозначает как –L, –H и –K. На первый взгляд может показаться, что будет чересчур схематичным сводить эмоциональные токи, проходящие между людьми, к этим шести величинам, и все же, при психоаналитическом исследовании, логическое обоснование для такой редукции оказывается вполне убедительным. Предположим, что я кого-то боюсь – к какой из шести категорий можно будет поместить эту эмоцию? Можно обозначить это категорией L, H, –L или –H. Если я кого-то люблю, я могу бояться, что меня отвергнут; если

я кого-то ненавижу, я могу бояться их мщения; если я блокирую чувство любви, я могу бояться холодного обхождения со мной, и точно так же, если я блокирую ненависть, я могу бояться ухода в себя. Эмоциональная деятельность, которая блокируется, остается активной, и поэтому индивидуум по-прежнему боится реакции на нее. Как возможный реципиент этой реакции, я испытываю страх. Следует отметить, что все шесть связей Биона являются видами эмоциональной активности¹. Страх же есть нечто *пассивное*. Пассивные явления все являются последствиями *активностей*, а значит, активности первичны. Но мы можем также представить себе виды эмоциональной активности, которые не входят в число шести связей Биона, такие, например, как доверие. Однако категории Биона представляют собой как бы общие папки, в которые вкладываются все прочие связующие эмоции; так, например, доверие попадает под L, а жадность попадает под H. Мы хотим показать, что таким образом все эмоции могут быть сведены к этим шести связям.

К-связь присутствует в том случае, когда человек находится в процессе познания другого в эмоциональном смысле и его следует четко отличать от познания, имеющего целью получить о ком-то или о чем-то какую-то информацию. В чем-то сходное различие проводится в таких языках, как итальянский, французский и испанский, португальский и немецкий, где используются разные глаголы, если говорится об ознакомлении с фактами и если говорится о познании того, каков тот или иной человек.

Это различие легко найти в отношениях как во внешнем мире, так и в аналитической практике. Пациент может попытаться получить от аналитика факты или теории для объяснения своих симптомов, вместо того чтобы рискнуть вступить с ним в эмоциональные отношения. Процесс познания предполагает боль, фрустрацию и одиночество. Получение

1 «Подобно L и H, K представляет активную связь, при этом предполагается, что если x K y, то x делает нечто по отношению к y» (Bion, 1962b, p. 47).

некоторой информации о человеке этих состояний не требует. Собственно, это похоже на каннибализм – взять что-то, но избежать эмоциональной связи.

Он проламывает [ее] череп. Боже! Твердый как камень. Он обращается с ним, как с яичной скорлупой. Он сосет – это каннибализм! Он высасывает мозг... Тьма сгущается. Раскалывание черепа и высасывание объекта сменяются всепоглощающей депрессией, когда не удастся больше получать подпитку от мертвого ♀ и невозможно вернуть его к жизни.

(Bion, 1991, p. 159, 161)

В рамках аналитической сессии два человека могут достичь понимания через отношение К, но потом обнаружить, что оно выродилось в некую интеллектуализированную информацию о нем. Это обратное движение происходит как способ избежать причиняющего боль осознания, достигнутого через К-связь. Точно так же, знать что-то о себе – это совсем не то же самое, что познать себя через переживание каких-то своих аспектов в отношениях с аналитиком. Натолкнуться на собственную неумную жадность в отношениях с другим – это совсем иное, чем интеллектуально осознать ее. Постоянно приходится принимать решение, избегать ли боли – или терпеть ее и тем самым модифицировать. Обращение вспять, о котором говорилось выше, есть один из способов избегания боли.

Связь – это важнейшая активность, в ходе которой происходит эмоциональный опыт познания. Ненависть к познанию, идущая от психотической части личности, приводит к разрушению связи, в результате чего процесс останавливается и даже обращается вспять вместо развития понимания или способности думать, так что любые элементы, несущие смысл, этого смысла лишаются.

Сил, противостоящих пониманию эмоционального опыта, бесчисленное множество как внутри самого индивидуума, так и в обществе. Эти силы, в их выражении в отношениях,

представлены отрицательными значениями L, H и K-связей; т.е. -L, -H и -K. Если одна из этих отрицательных связей доминирует, то процесс понимания в отношениях останавливается и обращается вспять; наполненный смыслом опыт может быть уничтожен.

Когда мы рассматриваем ряд последовательных ассоциаций в ходе аналитической сессии, может создаться впечатление, что каждая ассоциация представляет собой отдельную эмоциональную связь – сейчас H, затем K и так далее, однако, как показывает практика, для каждой аналитической сессии вполне возможно определить ключевую эмоциональную связь, ту, которая стоит за всеми другими утверждениями и чувствами; нечто вроде музыкального ключа в начале музыкального произведения. Так что все прочие высказывания в ходе сессии, включая интерпретации аналитика, можно рассматривать относительно этого музыкального ключа. Он не определяет характер переноса и не является регистрацией эмоциональных переживаний в рамках сессии, но получается так, что все аспекты сессии действительно как-то связаны с этой ключевой связью. Это как некий эталон, относительно которого можно измерить все прочие высказывания. Определение ключевой эмоциональной связи сессии, таким образом, способствует пониманию на более глубоком уровне и предостерегает «дикое» аналитическое теоретизирование, предоставляя исходную точку для воображения аналитика. Бион объясняет, что эта ключевая связь – рабочий инструмент сессии. Этой ключевой связи приписывается некое значение, и все прочие высказывания обретают свое относительное значение, исходя из него. Таким образом, эти ключевые связи являются носителями значений.

Например, мальчик в начале сессии ведет себя буйно. Он сталкивает несколько машинок, делает угрожающие выпады в сторону терапевта, но успокаивается после обсуждения его гнева и того, как он впустую тратит время. Затем он вполне внятно рассказывает о своем отказе присоединиться к каким-то сексуальным играм в школе. Вразумительный разго-

вор прерывается дальнейшим пачканьем, разбрасыванием теста для лепки, проливанием воды на пол и плевками. Это те сексуальные игры, в которых он теперь снова участвует, какое-то время посопротивлявшись им, пока он разговаривал с терапевтом. Ключевой нотой этой сессии может быть Н. Он кто-то, кто способен вызвать ненависть других к себе своим провокационным поведением. Он продемонстрировал атаки и столкновения между машинками, выпады в сторону терапевта, пачканье тестом для лепки и водой. Терапевт думает, однако, что ключ надо искать в позиции противостояния проявлению нежных чувств. Любой импульс в сторону любви изничтожается, едва только возникнет угроза его появления. Ключом здесь, по-видимому, будет не столько Н, сколько реверсированная любовь, т. е. –L. Позднее в ходе сессии он перебивает терапевта, когда та пытается высказать интерпретацию и насмехается над тем, что услышал. Это может также навести на мысль о ненависти к эмоциональному переживанию, связанному с познанием себя – К. Но было выбрано –L потому, что имелись явные свидетельства периодически прорывающегося желания сотрудничать, которое почти сразу же заглушалось очередной атакой на игрушки или на кабинет.

Итак, катализатором, который порождает эмоциональный опыт, является связь между одним человеком и другим. Именно из этого эмоционального опыта проистекают как мыслительные процессы, так и разрядка (мы рассматриваем этот процесс в следующей главе, посвященной таблице). Без связей не было бы никакого эмоционального опыта, а без него – никакого развития мысли. Так что он является краеугольным камнем, без которого ничего не возможно построить.

Глава 4

ТАБЛИЦА

Существует вполне обоснованное исторически мнение, что в каждой науке последнее, что удастся открыть, – это то, чем же эта наука занимается.

(Whitehead, 1958, p. 167)

В начале Бион занимался мыслительными процессами в группах и у пациентов-психотиков. Затем он обратил свои усилия на концептуализацию мыслительного процесса вообще. Таблица выражает суть понимания им того, как развивается мысль.

В этой главе разъясняется бионовская идея Таблицы. В последующих главах этой книги мы будем вновь и вновь отсылать к ней читателя. Мы не ожидаем, что читатель поймет Таблицу к тому моменту, как закончит читать эту главу. Мы выкладываем Таблицу как некую общую схему, как шахматную доску, на которой можно расставлять шахматные фигуры по мере того, как читатель путешествует по книге.

Психоаналитическое исследование происходит в отношениях между аналитиком и пациентом. Нарастающее понимание того, в чем состоит психоаналитический процесс, и попытки Биона углубить это понимание можно сравнить с развитием понимания в эволюции понятия чисел.

Должно быть, понадобилось много столетий для открытия того, что и чета фазанов, и пара дней являются

частными случаями числа 2: необходимая для этого степень абстракции дается отнюдь не легко.

(Russell, 1993, p. 3)

Много столетий может понадобиться также и для того, чтобы выявить суть психоаналитического процесса.

Эволюция понимания чисел на заре цивилизаций началась всего лишь с понятий «много» или «мало», т. е. с представления, что кучка предметов может быть побольше или поменьше. Затем была выработана идея числа предметов, где число указывает на количество. Число воспринималось как свойство собранных вместе предметов. Это отражалось в лексике: в некоторых языках не было отдельных слов для чисел, вернее, слова для чисел обозначали их как количество чего-то конкретного. Так, 5, например, было число пальцев на руке; это было свойство руки, а самостоятельного слова для числа 5 не существовало. В эпоху неолита при сделках с зерном, маслом и овцами для счета использовали глиняные цилиндрические фишки (Schmandt-Besserat, 1992). Требуемое количество фишек помещалось в глиняный конверт, который затем запечатывался. А перед этим каждую фишку отдельно прикладывали с внешней стороны к глиняному конверту, чтобы показать, сколько их внутри, таким образом создавая соответствие один к одному между фишками и отпечатками. Лишь много позже поняли, что для того, чтобы указать количество, достаточно знака на внешней стороне конверта и нет необходимости помещать внутрь фишки. Этот шаг, который для нас кажется столь тривиальным, был сделан, вероятно, в момент высочайшего прозрения. Число было, наконец, признано как абстрактная идея.

Постепенное выяснение того, в чем состоит аналитический процесс, все еще продолжается. При помощи абстрагирования мы пытаемся найти более общие принципы, которые стоят за нашей сегодняшней практикой. Брейер признал важность извлечения из бессознательного вытесненных психических элементов. Тем самым он положил начало восстановлению некоторого порядка среди хаоса, подобно

разграничению «много» и «мало». Затем Фрейд понял, что это происходит в рамках сеттинга и через интерпретацию отношений переноса. Кляйн тщательно проработала значимость внутренних объектов и описала внутреннюю структуру объектных отношений. Эта эволюция похожа на путь, пройденный на заре цивилизации от простой идеи «много» до понимания соответствия количества фишек количеству товара. Бион сделал еще больший шаг в абстракцию, когда понял, что за всем этим стоит то, что он назвал психоаналитическим объектом, О, репрезентации которого можно обнаружить в сессии по тому смыслу, который выявляется в отношениях. Вместе с Бионом мы, возможно, дошли до той точки, когда человек неолита осознал, что глиняный конверт с отпечатками на внешней стороне означает, что нет необходимости класть внутрь фишки. Бион считал, что мы все еще находимся на очень примитивной стадии развития.

То, что здесь описывается, – это процесс развития мысли от примитивного описания, которое является первой попыткой вырвать нечто у хаоса, до крайне сложной и абстрактной идеи. Таблица является попыткой описать прогрессивное развитие мышления от конкретного уровня к уровням очень абстрактным. Она представляет собой средство, при помощи которого недифференцированное становится дифференцированным, или же форма или идея оказываются очищены от своего воплощения, т. е. способ сделать истину зримой.

Иными словами, мы видели, что понятие числа, идея очень сложная, постепенно прояснялось на протяжении длительного промежутка времени. Каждая аналитическая сессия дает нам шанс полнее обрисовать психоаналитический процесс. Из разговоров, происходящих на сессии, которые, следует признать, не являются обычными беседами, постепенно вырисовываются отдельные аспекты истины, реальности между пациентом и аналитиком. Этот «разговор», хотя состоит он из слов и пауз, для целей анализа является бесформенной матрицей, из которой можно извлечь крупницы ясности.

Если мы задумаемся о том, как в ходе сессии вдруг рождается понимание, мы осознаем, что ему предшествовал некий процесс, задавший ему импульс. Таблица позволяет описать этот происходящий в ходе сессии процес, в особенности форму высказываний как аналитика, так и пациента, а также те цели, которые они преследовали. При попытке классифицировать высказывания таким образом вырабатывается новое понимание природы разворачивающегося психоаналитического процесса.

Таблица, следовательно, является попыткой отобразить элементы мышления в процессе их развития и использования. Функция психоанализа состоит в том, чтобы прояснить это развитие. Бион говорил, что психоанализ не является совершенным инструментом для достижения данной цели, однако лучшего он не знает.

ТАБЛИЦА

Таблица позволяет показать определенные черты аналитической сессии таким образом, чтобы раскрыть их динамические качества и связь между ними. Она образована двумя осями, и расположение точек относительно этих двух осей определяется природой утверждений, высказанных во время сессии, будь то интерпретации аналитика, или ассоциации пациента, или то и другое. Это попытка объяснить нашу мыслительную активность, сосредоточившись на том, что происходит в аналитической сессии. Это практический инструмент, способствующий лучшему осознанию и пониманию аналитиком того, что делает и он сам, и пациент. Она предназначена, скорее, для последующего пересмотра сессии, чем для использования непосредственно в ходе работы. Она также дает возможность сравнивать природу реакций пациента и природу интерпретаций.

Каждая из двух осей Таблицы представляет развитие мысли в определенном ракурсе. Сначала мы обсудим горизонтальную ось, по которой располагаются способы использования мыслей.

Горизонтальная ось – возможные способы использования мыслей

Бион в какой-то момент понял, что утверждения как аналитика, так и пациента можно использовать множеством различных способов. Это была простая, но чрезвычайно полезная мысль. Таблица представляет собой структуру, посредством которой эти различные способы использования можно изучать и прояснять.

Психоаналитический процесс можно рассматривать как такой, в котором различные точки зрения на личность пациента проясняются благодаря пониманию того, что происходит в данный момент в его отношениях с аналитиком. Интерпретация облегчает этот процесс исследования, постепенно приближаясь к О сессии, т. е. к психоаналитическому объекту, постижение которого и есть цель психоанализа. Все, что происходит в ходе сессии, порождается эмоциональными процессами, протекающими между аналитиком и пациентом. Это пример того, как одна из связей (L, H, K, -L, -H или -K) порождает эмоциональное поле.

Анализ призван повысить понимание до такого уровня, на котором интерпретация затронет пациента эмоционально, тем самым открыв путь изменению. Этого можно достичь в несколько ступеней. Можно произвести градацию различных способов использования интерпретаций в соответствии с тем, насколько велика их способность извлекать скрытый материал, и тем самым инициировать изменения; иными словами, с каждой ступенью усиливается конфронтация пациента с тем знанием, которого он пытается избежать, с его отрицаемым Я. Эти ступени и позволяет определить Таблица, так что человек, который освоил ее, может ретроспективно взглянуть на сессию и классифицировать различные утверждения пациента и аналитика так, как описано ниже.

На начальном этапе исследования какой-либо темы, прежде всего, необходимо произвести первичную аппроксимацию¹, чтобы ее определить. Это первое пробное опреде-

1 Аппроксимация, или приближение, – математический метод, состоящий в замене одних математических объектов другими, в том

ление или гипотеза задает приблизительные границы темы, и, уже исходя из них, дальнейшие аппроксимации позволяют обозначить ее более четко. В примере с развитием понятия числа начальной ступенью было назвать кучку предметов либо словом «много», либо словом «мало».

Аналитик и пациент встречаются в ситуации более или менее выраженного хаоса. Чтобы начать понимать в этом хаосе хоть что-то, можно попробовать назвать идею или чувства пациента каким-то словом. Например, аналитик может сказать: «Мне кажется, что вы чувствуете себя подавленным», имея в виду, что то, что пациент описывает, – это то, что аналитик обозначил бы словами «подавленность, депрессия». Это замечание является определением и гипотезой. Это отправная точка исследования. Оно призвано определить ситуацию и задать ей границы. Это утверждение – всего лишь мнение данного конкретного аналитика. Оно не может быть ни верным, ни неверным, но с сообщения этой идеи пациенту начинается исследование хаотичной или лишенной границ ситуации. Эти *определяющие гипотезы* образуют колонку 1 Таблицы. Такая гипотеза определяет, что находится внутри границ определения и, следовательно, также и то, что расположено вне их и тем самым исключено из определения.

Следующая ступень – это *обозначение*, колонка 3, где факты собираются вместе. Она функционирует, подобно памяти: обеспечивает хранение материала, откуда его можно извлекать, когда понадобится. Под эту категорию может подпадать описание событий, а также те моменты в анализе, когда пациент и аналитик отмечают какой-то значимый факт, относящийся к текущей или предшествующей сессии. Это обозначение факта как значимого, причем с коннотацией, что начинает возникать знание о нем, есть первый шаг конфронтации. Его можно также рассматривать как развитие определяющей гипотезы.

или ином смысле близкими к исходным, но более простыми. –
Прим. пер.

Например, после интерпретации, которая показалась пациенту верной, может наступить короткий период слаженной совместной работы, который затем сменяется чем-то, что препятствует коммуникации. Материал может показаться, например, интеллектуализированным, скучным, пустым или повторяющимся. Аналитик просит пациента обратить внимание на это явление в качестве первого шага в исследовании его смысла. Как еще один пример рассмотрим случай, когда пациент использует какой-то образ или необычное слово более одного раза в ходе одной и той же сессии. Бывает, что аналитик хочет, чтобы пациент отметил это, чтобы этот интересный факт не потерялся.

Обозначающую интерпретацию не следует путать с таким комментарием, который происходит из тревожного желания аналитика показать, будто он что-то понимает, когда на самом деле это не так. В этом случае он может обнаружить, что роется у себя в памяти в поисках материала, понятого ранее, чтобы попытаться придать смысл текущей ситуации, а, отталкиваясь от этого, может сослаться на предшествующую сессию, уходя от более трудного и непонятного материала текущей сессии: если аналитик прибег к такой процедуре, то это интервенция, попадающая в колонку 2. Она обсуждается подробнее ниже, в этой же главе.

По мере роста понимания аналитик привлекает внимание пациента к своей гипотезе по поводу текущего материала. Это утверждение в большей степени направлено на исследование, чем суждения, относящиеся к предыдущей категории, и имеет смысл поиска чего-то, что дополнит или подтвердит его. Такие интерпретации, относящиеся к категории *внимания*, относятся к колонке 4 Таблицы. Это состояние ума, дающее возможность провести различие по степени значимости между сходными способами описания. Именно в этом состоянии ума появляется способность воспринять «избранный факт», тот, который внезапно проливает свет на значение нескольких ранее наблюдавшихся фактов. Этот избранный факт обсуждается в главе 10.

Такое бывает, например, когда пациент откликается на интерпретацию словами: «Я с вами не согласен». Может быть, это прямое выражение желания не принимать никакую интерпретацию, но может и отражать тенденцию к пристальному рассмотрению интерпретаций с целью приблизиться к истине. Если ум аналитика чувствителен к этому различию, то интерпретация, относящаяся к колонке 4, привлечет внимание пациента к тому, что отношение пациента сейчас иное и свидетельствует о некотором интересе к аналитическому исследованию.

Следом идут те интерпретации, целью которых является попытка получить дальнейшую информацию, более активно прощупывая конкретную область, находящуюся в центре внимания, и добиться от пациента более активных усилий по исследованию глубин собственной личности, чего в противном случае тот, возможно, делать не станет. Они называются интерпретациями *исследования*, колонка 5. Эти интерпретации, направленные на все более активное исследование, возникают в ходе такой аналитической работы, которая сохраняет в центре внимания то, что вызывает у аналитика самую сильную тревогу, подобно тому как Бийон направлял свой «ослепший» танк в том направлении, откуда летело больше всего пуль. Попытки такого зондирования могут быть направлены на то, чтобы извлечь непризнанные чувства и мысли.

Последними в этом списке интерпретаций, возрастающих по сложности, помещены утверждения, ствяющие пациента перед каким-либо неопровержимым фактом, связанным с ним самим, который, если заметить его и поразмыслить над ним, может привести к психическому изменению. Это интерпретации *действия*, относящиеся к колонке 6, и им может предшествовать чувство тревоги у аналитика, который осознает, какую реакцию может вызвать у пациента такой вызов его защитам, какой шок он может испытать, когда внезапно почувствует себя уязвимым, изолированным или раненым. В этот момент аналитик оказывается перед лицом чувства своей собственной изоляции.

Несколько отклонившись в сторону, стоит отметить здесь, что пациент может обойти эти интерпретации «действия». Он оказывается перед выбором, использовать ли эту интерпретацию для своего дальнейшего развития, или дать ей пропасть зря, проигнорировав ее, или использовать ее для разрешения внешней ситуации. Мы приводили в главе 1 пример человека, который конвертировал интерпретацию из области бесконечного в область конечного. Другой пример: пациент, который сам является терапевтом, может воспользоваться этой интерпретацией в терапии одного из своих собственных пациентов. Еще один: допустим, пациентка не уверена, отказаться ей или нет от фрустрирующих отношений со своим партнером. Она может использовать интерпретацию аналитика как совет по поводу этой внешней проблемы, тем самым отсрочив развитие своей собственной способности принимать подобные решения. Так что, хотя интерпретация способна вызвать изменения, реакция пациента может это изменение блокировать. Следующий пример служит тому иллюстрацией, и мы вернемся к нему еще раз, когда будем рассматривать категории Таблицы.

Один молодой человек утверждал, что он снова отказался от наркотиков. В течение следующих трех дней он убедительно рассуждал о том, что понимает свою уязвимость перед внутренней пропагандой, с которой ожидает столкнуться в этой борьбе. На одной из сессий, прочитав аналитику достаточно суровую лекцию о продажной природе правительства и людей вообще, он сказал, что кое-что утаил от него, а именно, что он все еще не отказался от наркотиков. Затем, со смесью любопытства и смущения, он отметил, что, сообщая эту новость, испытал некое сексуальное ощущение. Аналитик напомнил ему многие случаи, когда он пробуждал у кого-то из близких надежду, а затем уничтожал и сводил на нет все, что было достигнуто, и что сейчас он пытается сделать то же самое с аналитиком. Тогда стало очевидно, что в своем стремлении к садистическому сексуальному возбуждению он жертвует собственным развитием.

На какой-то краткий миг он был шокирован, обнаружив это, но затем быстро сказал, что хотя он понимает, что поступает именно так, но у него получается сразу же дистанцироваться от этого, как будто за это ответственен какой-то другой человек. У него была возможность выбора в пользу развития, но он сразу же уклонился от нее.

Остается описать колонку 2, обозначенную греческой буквой пси (ψ). Интерпретации, относящиеся к этой колонке, – это те, которые аналитик делает, чтобы успокоить самого себя, что он будто бы понимает, что происходит, когда на самом деле это не так. Такая интерпретация возникает, когда аналитик не способен вынести того, что он не понимает материала, и поэтому вынужден ждать, пока аналитическая ситуация прояснится. Это тот случай, когда аналитик не способен терпеть фрустрацию. Он говорит себе, что он знает, и делает интерпретацию соответственно этому. Это ложное утверждение прерывает процесс раскрытия реального смысла текущей ситуации. Таким образом, интерпретации колонки 2 мешают появлению чего-то другого, что могло бы способствовать раскрытию истины. Такого рода интерпретация есть попытка обойти боль, связанную с непониманием и неуверенностью. Аналитик может сказать нечто подобное, когда чувствует, что пациент оказывает на него давление, побуждая сказать хоть что-то, но аналитик не уверен, что может сказать нечто верное или способствующее пониманию пациента. Иными словами, такие интерпретации препятствуют аналитическому исследованию. Высказывания из этой колонки являются свидетельством того, что задействована –К-связь.

В данный момент мы рассматриваем Таблицу в основном с точки зрения интерпретаций аналитика, но ассоциации пациента также можно классифицировать согласно тому способу, которым они употребляются. Можно привести еще несколько примеров классификации из материала того пациента, о котором только что говорилось, хотя не весь материал будет относиться к одной и той же сессии.

Утверждение молодого человека, что он отказался от наркотиков, можно рассматривать как относящееся к колонке 3, если это факт, который нужно учесть; к колонке 4, если это предостережение аналитику; или даже к колонке 6, если намерение пациента состояло в том, чтобы спровоцировать аналитика. Оно может относиться и к колонке 2, если использовано для того, чтобы помешать выявлению истины. То, что он говорит о внутренней пропаганде, которой он будет теперь подвергаться, указывало на его желание показать аналитику: он знает, что будет дальше, и поэтому аналитик ему не нужен. Это было перемалывание старого материала, призванное оказать воздействие на аналитика, и поэтому его следует отнести к категории действий – колонка 6. Суровая речь, произнесенная свысока и не думая, вызвала у аналитика подозрение и была мысленно отнесена к высказываниям из колонки 2. Можно было также рассматривать ее как выплескивание непродуктивного материала – колонка 6. Его следующие два высказывания – о желании проинформировать аналитика о том, что он утаивал информацию, и о том, что на самом деле он все еще принимает наркотики, показали, что его мысли обращены к реальной ситуации и служили цели аналитического исследования, а также привлекли внимание к опасной ситуации – колонка 4. Сообщение об испытанном сексуальном ощущении можно рассматривать как дальнейшее стремление к самопознанию – колонка 5. Интерпретация аналитика, хотя и включала в себя элемент из колонки 4, в основном представляла собой утверждение из колонки 6, предназначенное затронуть пациента эмоционально. Испытав в результате шок, пациент снова привлек внимание аналитика к тому, что он немедленно ушел прочь от контакта. Тут была на короткое время задействована колонка 4, а затем колонка 6, когда он перешел к действию и мысленно отстранился, избавившись в процессе от шока, вызванного чем-то эмоционально значимым. Это пример того, как К-связь меняется на –К.

Эти различные способы использования интерпретаций составляют горизонтальную ось Таблицы; по мере движения от колонки к колонке аналитический и исследовательский потенциал высказываний возрастает. Таким образом, колонки 1, 3, 4, 5 и 6 содержат следующие категории способов использования: *определяющая гипотеза, обозначение, внимание, исследование и действие*, с теми значениями, которые очерчены выше. Важно отметить, что одна и та же интерпретация или ассоциация, выраженная одними и теми же словами, может отличаться по способу использования.

Вертикальная ось – генетическое развитие мыслей

По вертикальной оси располагаются различные стадии развития мыслей, от примитивной матрицы и до самых абстрактных форм. Это будет подробно рассмотрено в дальнейших главах, но на данный момент необходимо объяснить некоторые термины, которые постепенно станут для читателя привычными. Примитивная матрица, из которой развиваются мысли, непереработанные и необдуманые данные, называются β -элементами. Элементы этой категории помещаются в первой горизонтальной строке Таблицы, в строке А. Непосредственно вслед за ними, в строке В, помещены α -элементы – примитивные элементы мысли, являющиеся результатом воздействия на базовые данные, существующие в психике, α -функции, хотя необходимо помнить, что и β -, и α -элементы, и α -функция – данности гипотетические. Следующие строки содержат элементы, которые определенно существуют.

Строка С в основе своей является описательной категорией, и в нее входят мысли *сновидения, сновидения и мифы*, т. е. все, что можно выразить в терминах чувственных образов, обычно зрительных. Сюда входит и повествование: например, описание повседневных событий вызывает в воображении зрительный образ. Термин «миф» требует дальнейшего пояснения, поскольку он означает не только типичные социальные мифы, такие как миф об Эдипе, но также и репрезентацию события конкретным человеком. Это миф

в том смысле, что описание события любым конкретным человеком есть результат его или ее уникального видения этого события. Ни одно событие не может быть описано без этой личностной составляющей, так же как не может быть передано абсолютно точно, даже если используются механические вспомогательные средства, такие как аудио-запись или фотография, поскольку и в этом случае многие его особенности утрачиваются. Т.е. при описании события пациентом или сессии аналитиком каждое из этих описаний является личным мифом о том, что произошло, и должно быть отнесено к строке С.

Хотя сновидения обычно переживаются зрительно, они могут ощущаться и в других модальностях, помимо зрения. В своих более поздних работах Бион даже высказывает мысль, что выражением сновидения могут быть телесные симптомы.

Строка D содержит категорию *пре-концепции*. Это очень важная для понимания категория, поскольку она описывает базовый механизм, под действием которого происходит развитие мысли. Пре-концепция открыта конкретному переживанию, которому она может соответствовать, чтобы стать завершенной, и ищет его. Соединение с ним делает ее эмоционально реальной и связанной с субъективным переживанием осознания чего-то, т.е. с пониманием его смысла. Аналитик переживает это в ситуации, когда, снова и снова обдумывая, казалось бы, не поддающийся пониманию материал своего пациента, он вдруг осознает, что это такое и что оно все время было у него прямо перед глазами. Можно сказать, что этот элемент, находящийся в состоянии поиска, имеет ненасыщенный аспект, а, найдя соответствующую реализацию, становится насыщенным. Из состояния открытости, подобно переменной, не имеющей постоянного значения, он, приобретая некое значение, переходит в состояние насыщенности и, следовательно, превращается в константу. Тогда его начинают называть *концепцией* – строка E.

Некоторые пре-концепции могут быть врожденными: например, младенец словно ищет чего-то, что он мог бы сосать,

как будто у него есть встроенное представление о чем-то вроде груди, доступной и способной удовлетворить его потребность. Блон (1962b, р. 70) утверждает, что нет предела числу реализаций, которые могут удовлетворять врожденной пре-концепции. Например, пре-концепция «груди», объекта, который принесет удовлетворение и устранил дискомфорт, может быть реализована во множестве различных объектов.

Став концепцией – строка Е – мысль оказывается связанной, но она может, в свою очередь, стать ненасыщенной, новой пре-концепцией, готовой к соединению с новой, но более конкретной реализацией, и сделаться насыщенной, или реализованной. Весь этот процесс есть процесс развития мысли, увеличения ее сложности и глубины. В одном направлении он приводит к порождению новых, более богатых идей, а в другом – путем все большего абстрагирования позволяет постичь все более и более всеобъемлющие принципы. Это напоминает описание Матте Бланко (Matte Blanco, 1975) бессознательных множеств, когда все более и более глубинные множества охватывают несколько множеств на более поверхностных уровнях. По мере перемещения по следующим трем строкам происходит нарастание как сложности, так и степени абстрагированности.

Понятие, строка F, происходит из концепции путем очищения ее от всего, что помешало бы ему являться репрезентацией истины. Когда что-то реализуется, например, когда аналитик распознает в материале пациента нечто, чего он раньше не замечал, у него может возникнуть чувство возбуждения. Это чувство не способствует нахождению истины, а на самом деле может даже помешать ее выявлению. Точно так же и желание узнать все больше и больше тоже мешает аппроксимации психоаналитического объекта. Эти чувства оказываются помехой состоянию открытости новому опыту.

Чтобы объяснить следующие две строки, нужно прояснить некоторые моменты, касающиеся науки. Наука развивается путем наблюдения за явлениями, которые постоянно происходят вместе. На основании этих наблюдений выраба-

тываются различные объяснения или гипотезы. Эти гипотезы можно представить в виде системы или иерархии гипотез, в которой каждая последующая гипотеза выводится из гипотезы, иерархически располагающейся непосредственно над ней. Такова научная дедуктивная система. Психоаналитические объяснения или гипотезы можно также свести вместе и логически соотнести, чтобы они образовали *научную дедуктивную систему* – строка G. Благодаря этому соотнесению индивидуальные значения понятий обогащаются, например, за счет того, что начинают пониматься как часть психоаналитической теории. Посредством этого процесса каждый аналитик заново открывает для себя психоаналитическую теорию в своей собственной практике, тем самым придавая ей по-настоящему личностное значение.

Как будет более подробно объяснено ниже, научную гипотезу можно также представить в виде алгебраической формулы или выражения. Эта значительно более абстрактная форма означает, что для того, чтобы выразить гипотезу, больше не обязательно пользоваться словами; вместо этого можно использовать алгебраические символы. Затем идеями можно оперировать, не нуждаясь в их обозначении словами. Это обеспечивает значительно большую гибкость. Строка H в Таблице – это *алгебраические выражения*, которые, как и в математике, предоставляют возможность выражать психоаналитические гипотезы во все более абстрактной и обобщенной форме. Это позволит делать все более широкие обобщения по поводу психоаналитических принципов, чтобы затем их можно было распознавать в клиническом материале. Но и самая абстрактная из сконструированных теорий окажется все же только производной от психоаналитического объекта, который сам никогда не может быть познан¹.

1 В своих заметках о формировании алгебраических обозначений, в *Когитациях* (Bion, 1992, p. 49), Бион говорит о необходимости иметь знаки для «аугментирует» и «генерирует», такие, чтобы их можно было использовать в выражениях типа жадность, фрустрация «аугментирует» зависть; или жадность, фрустрация

Вертикальная ось описывает развитие мысли, с нарастанием абстрактности и обобщаемости по мере продвижения вниз вдоль оси по строкам от А до Н. Соединив две оси, можно расположить относительно них мысли, интерпретации и ассоциации. Например, состояние ума аналитика в ходе сессии – это свободно плавающее внимание. Это некое предвосхищающее состояние, поэтому по вертикальной оси его можно классифицировать как пре-концепцию, а по оси способов использования определить в колонку 4 – внимание; следовательно, это D4. По мере того как начинает накапливаться смысл, ему могут прийти на ум воспоминания, относящиеся к другим сессиям, – колонка 3, могут выработаться концепции, формируя понятие, которое затем встраивается в теорию, – строки Е, F и G; все это сопровождается усилением исследовательской активности, а значит, это колонка 5. По мере продвижения к созданию интерпретации, которая смогла бы воздействовать на пациента, соответственно происходит движение по Таблице вниз и слева на право. Интерпретация, вероятно, попадет в F6 или G6.

Разум аналитика должен находиться в состоянии максимальной восприимчивости, чтобы быть открытым конкретному переживанию в сессии. Бюнгартен считал, что аналитику для каждой новой сессии нужно избавиться от воспоминаний и желаний – чтобы не позволять своим пре-концепциям слишком рано стать насыщенными. Если держать в уме вчерашнюю сессию, или интерпретацию, которая сработала на прошлой неделе, или важное сновидение, то все это будет снижать восприимчивость аналитика к новому, сегодняшнему переживанию.

Если мы теперь вернемся к описанному выше материалу молодого человека, который сказал, что он пререстал упо-

«генерирует» галлюцинации. Кроме того, требуется символ или знак «относительно», со значением «ассоциируемый с», например, для того, чтобы выразить фрустрацию «относительно» сексуального желания в том смысле, что для фрустрации уточняется стимул, ее вызвавший.

треблять наркотики, это утверждение можно рассматривать как личный миф, следовательно, это строка С, возможно, С1 или С3; когда оно используется для обмана, оно становится С2. Его ожидание внутренней пропаганды, его фантазии о том, что будет, это снова категория С, в данном случае они используются, чтобы разрядить возможные нежелательные мысли, следовательно, это С6. Лекция по поводу продажности правительства была бездумным выплескиванием бессмысленного материала и поэтому относится к строке А, к β -элементам (см. главу 7). Этот выплеск представлял собой действие, значит, А6, но оно явно было призвано препятствовать выявлению истины, тогда А2 (см. в конце данной главы идею Биона насчет отрицательной Таблицы). Далее следует сообщение, что он все-таки не отказался от наркотиков. Это начало развития идеи, значит, строка D, более точная отсылка – D4, поскольку он привлекает внимание аналитика к чему-то важному. Сообщение о сексуальном чувстве есть вербальное описание его опыта, следовательно, это строка С. Итоговая категория по Таблице будет С4, С5, поскольку теперь имеет место подлинное исследование глубин личности пациента. Интерпретация аналитика – Е или F от 4 до 6, концепция или понятие аналитика относительно паттерна, лежащего в основе этого обмена фразами. Наконец, описание пациентом того, как он наблюдает свой собственный отход от дальнейшего погружения в суть, можно классифицировать как С4, меняющееся на А6, когда из взаимодействия изымается смысл.

Рассмотрим следующее высказывание пациента: «Мне от этого анализа никакой пользы». Если это говорится в начале сессии, это можно принять как определяющую гипотезу, определение душевного состояния пациента, следовательно, F1 или G1; G потому, что это может быть частью систематизированной серии убеждений. Это может быть также разрядкой чего-то, что ощущается как возможное наступающее мучительное состояние психики, изгнание¹ β -элементов при помо-

1 В оригиналах работ Биона и других авторов такие понятия, как «выталкивание», «опорожнение» и др., одинаково использу-

щи мускульных усилий. Эта разрядка может оказывать воздействие на аналитика, но приносить облегчение пациенту; это будет А6. Если пациент чувствует, будто его преследуют, и высказывание по своей природе превосхищает подтверждение этого в ходе сессии, то оно классифицируется как D, E или F, 4 или 5. Если его цель – вызвать действие аналитика, допустим, подтверждение или отрицание, тогда это F или G6. Пациент может предложить ассоциацию с целью не дать появиться материалу, который привел бы к обнаружению истины. Это будет колонка 2 и горизонтальная категория F или G, если это система.

Таблица не предназначена для использования непосредственно в ходе сессии, так как это мешало бы сохранять состояние ума, как можно более открытое и свободное от воспоминаний или желаний. Она существует для последующей работы над материалом. После того как сформируется навык достаточно беглой классификации высказываний, категории можно автоматически отмечать во время сессии. Начать можно с того, что после сессии попытаться отнести какое-то высказывание к его категории по способу использования. Чтобы было проще, можно сначала решить, направлено ли высказывание против выявления истины, если да, то это будет колонка 2. Если же создается впечатление, что оно способствует прогрессу исследования, то оно попадет в колонку 3, 4 или 5. Колонка 6 понадобится, если похоже, что высказывание является действием, выбросом материала или попыткой добиться действия либо от аналитика, либо от пациента. Наконец, к колонке 1 относятся определения,

ются как в сугубо физиологических, так и в более (или исключительно) абстрактных контекстах. В зависимости от контекста, термины такого рода переведены либо в более конкретном (например, «выталкивание посредством мускульных движений»), либо в более абстрактном (например, «изгнание невыносимых содержаний») варианте. В последнем случае читателю необходимо помнить также о конкретных синонимичных аналогах из самых разных областей физиологии (преимущественно), математики, религии, философии, изобразительного искусства и пр. – Прим. ред.

гипотезы, служащие в качестве отправной точки, о которых можно сказать: «Это та посылка, исходя из которой я функционирую сегодня», высказывание, которое словно определяет ключевую ноту сессии, если пациент вовлечен, или же некоторое его состояние.

Высказывание можно затем классифицировать по вертикальной оси. Если по своему характеру оно представляет собой выплеск неупорядоченного материала, который не вызывает образов, то оно, вероятно, относится к строке А; если это состояние ума, характеризующееся склонностью к сновиденческим мыслям или зрительным образам, то это строка В; если оно описывает события, сны наяву или сновидения, тогда это строка С. Может возникнуть ощущение, что высказывание представляет собой ненасыщенный элемент, ищущий реализации – тогда это строки D или E. Если это понятие или теория, тогда его следует отнести к строкам F или G.

Смысл этой процедуры состоит в том, что Таблица предоставляет возможность посмотреть, как мыслительные процессы могут развиваться и какие психические процессы этому развитию противостоят. Позднее Биону пришло в голову, что эти психические процессы, относящиеся к –К-связи, можно будет описать точнее, если создать отрицательное измерение Таблицы, тождественное вышеописанной Таблице, но без колонки 2. Этот отрицательный зеркальный образ более точно описывал бы все категории способов использования, но с отрицательной направленностью, то есть имеющих своей целью помешать выявлению истины. Например, внимание привлекается к какому-то событию с целью ввести в заблуждение; интерпретация якобы предлагает постижение сути ситуации, а на самом деле препятствует проявлению психоаналитического объекта. Иными словами, то, что сейчас отнесено к колонке 2, будет заменено отрицательными вариантами колонок 1, 3, 4, 5 и 6. С точки зрения вертикальной оси, видимо, произойдет движение в обратном направлении – от большей степени сложности и абстракции к эмоционально бессмысленным β -элементам.

Хотя Таблица была описана применительно к аналитической сессии с точки зрения как аналитика, так и пациента, весь ее смысл состоит в том, что эта схема умственного и эмоционального функционирования в равной мере применима и к человеку, который думает о чем-то наедине с собой. С этим тесно связаны механизмы передвижения от категории к категории, которые будут описаны в главе 6.

Глава 5

МИФ И ТАБЛИЦА

Мы настолько увязли в ловушке языка, что любая попытка сформулировать постигшее нас озарение оказывается игрой слов.

(Нильс Бор, цит. по: Blaedel, 1988, p. 159)

Фрейд увидел, что, как обнаруживает психоанализ, миф об Эдипе играет важную роль в содержании фантазий, связанных с созреванием и сексуальным развитием. По теории Фрейда, вся история Эдипа, в том виде, в котором она была рассказана, существенна для понимания эдипального материала, появляющегося в клинической работе. Иными словами, сексуальный компонент этой истории имеет смысл только в контексте всего повествования. Скажем, существует не только желание жениться на матери и убить отца, но также и угрозы отца кастрировать своего сына, подобно тому, как Лай, под угрозой произнесенного оракулом пророчества, пытался покончить со своим сыном, бросив младенца в горах. Кроме того, то, что различные компоненты этой истории получают смысл только в привязке к повествованию в целом, налагает ограничения на их использование.

Бион обнаружил, что, помимо его роли в содержании фантазий, миф об Эдипе имеет также значение для развития мыслительного аппарата. Эти мифические элементы были предвестниками более сложных абстракций и теорий. Он

отметил, что различные элементы мифа поразительным образом соответствуют категориям Таблицы. Предсказание оракула о грядущей трагедии можно поставить в категорию определяющей гипотезы – колонка 1. Совет провидца Тиресия Эдипу более не стремиться узнать истину соответствует колонке 2, как элемент, противостоящий выявлению истины. Попытка Эдипа выяснить причины мора, невзирая на предостережение против этого, может быть отнесена к колонке 5 – исследование и зондирование. Изгнание из Фив есть действие – колонка 6. Кроме того, миф в целом, используемый как запись событий, может представлять функцию обозначения из колонки 3. Сфинкс всматривается, задает вопросы и стимулирует любопытство, но, кроме того, угрожает смертью, если не получит удовлетворительного ответа, – это колонка 4.

В мифах об Эдеме и о Вавилонской башне много элементов, похожих на элементы мифа об Эдипе. В мифе об Эдеме Господь запрещает Адаму и Еве есть плоды древа познания добра и зла. Еву змей соблазняет отведать плода, а затем она убеждает Адама сделать то же самое. После того как они это сделали, их вина становится явной из того, что они знают, что обнажены, и прячутся от Господа. После чего их изгоняют из Эдема.

В мифе о Вавилонской башне все люди говорят на одном языке. Они решают построить себе город и башню, которая бы достигала до небес, и создать себе имя, прежде чем рассеяться по всей земле. Господь видит это и говорит Себе, что они один народ и имеют один язык, имея в виду, что они объединены как группа¹, и это только начало того, что они еще сделают; что ничто, за что бы они ни взялись, не будет для них невозможно. Поэтому Он решает смешать их язык, так что они не смогут понимать друг друга, и они рассеиваются по лику земли.

Таким образом, в мифе об Эдеме присутствует стремление к знанию (колонки 4, 5), запрещенному неким божеством

1 Они образуют рабочую группу (см. главу 12).

(колонка 2), который наказывает их изгнанием за непослушание (колонка 6). В мифе о Вавилонской башне люди говорят, что они собираются построить город и башню (колонка 1), а значит, они также стремятся к знанию и интеграции (колонки 4, 5), что вновь запрещено (колонка 2) и влечет за собой наказание божеством (колонка 6).

Эти поразительные черты сходства и то, как они в точности соответствуют категориям способов использования в Таблице, наводят на мысль, что они являются психоаналитическими элементами, т. е. конструкциями, которые имеют особую значимость для психоанализа, как бы его строительными блоками. По вертикальной оси их следует отнести к строке С. Таким образом, в качестве элементов можно выделить следующее: некое всемогущее божество, которое враждебно относится к обретению людьми знания; намерение человека стремиться к знанию, невзирая на последствия: последующее наказание путем изгнания или ссылки. Существуют дополнительные элементы, скажем, некто, соблазняющий искать знания, представленный в мифе об Эдипе Сфинксом, который задает вопрос; если ответ неверен, наказанием будет смерть, а если ответ верен, то Сфинкс убивает себя.

В отличие от сексуального значения мифа, который неразрывно связан с повествованием в целом, эти элементы соотносятся с мыслительными процессами и могут появляться в материале пациента сами по себе. В этом случае они будут отмечены индивидуальной печатью данной конкретной личности.

Например, после сессии, в ходе которой имел место некоторый прогресс, приходит сновидение: страшный гестаповец едет с пациенткой в одном поезде и угрожает ей, говоря грозно: «Берегись, я за тобой наблюдаю».

Она сказала, что ей чрезвычайно понравилась одна интерпретация, для которой, как она чувствовала, аналитику требовалась отвага. Позднее она обнаружила, что насмехается над аналитиком за то, что он был отважен, и чувствует,

что он наивно «борется с силами зла». Лучше прятаться. Она увидела во сне фруктовое дерево, но это дерево было оплетено плющом, который мог подорвать его силы и в конечном итоге стать причиной его смерти. Фруктовое дерево напоминает о древе познания в саду Эдема, плод которого Господь запретил Адаму и Еве вкушать. Итак, есть некая сила, которая наблюдает за ней, словно гестаповец, запрещая любое дальнейшее понимание, и эта сила представлена в виде ее насмехающегося Я. Запрет на получение знания добавляет еще один аспект к пониманию того, почему ее удовольствие от интерпретации было обращено вспять.

И вот, обратившись к эдипову комплексу в том виде, как его понимали в классическом анализе, Бион обнаружил, что некоторые пациенты не способны понимать связанные с ним интерпретации, поскольку у них нет эдипальной пре-концепции, которая могла бы встретить реализацию эдипова комплекса, то, как он проявляется в их собственном материале. Как будет показано в дальнейших главах, психотическая часть личности боится и ненавидит контакты с эмоциональной реальностью и пытается уничтожить их, фрагментируя конкретные мысли или разрушая аппарат восприятия, т. е. то, что позволяет постигать преследующую их психическую реальность (Бион). Такие меры уничтожают эдипальную пре-концепцию, без которой невозможно найти соответствующее ей переживание, которое позволило бы думать о родительских отношениях. В результате нет никакой возможности понять отношения родителей, соприкоснуться с эдипальными проблемами и проработать их. Например, женщина чувствовала, что ее муж относится к ней равнодушно, но не осознавала этого. Это его отношение ощущалось, но не воспринималось ею. Контейнер, средоточие осознания, подвергся атаке и стал дырявым, как сито. Поэтому аппарат, при помощи которого создается партнерство, отсутствовал, но об этом дефиците не было известно. Ни одна интерпретация, отсылающая к эдипову комплексу, не могла быть понята ею, поскольку те элементы, из которых строятся родитель-

ские отношения, не смогли выстроиться связно, а значит, не могла сформироваться эдипальная концепция.

В таких случаях бывает, что в материале можно обнаружить фрагменты разбитой вдребезги эдипальной пре-концепции с тем, чтобы собрать их воедино в уме пациентки. Только в том случае, если это удастся сделать, у пациента появится шанс в дальнейшем проработать свой эдипов комплекс.

Еще один способ, которым Таблица может помочь пролить новый свет на клинический материал, – это так называемый негативный рост. Речь идет не о негативной Таблице или явлениях, относящихся к колонке 2, а к движению обратно вверх по Таблице – от строк F и G к строке C. Например, различные аспекты мифа об Эдипе можно не использовать в качестве теорий, а передвинуть обратно на их место в тексте истории об Эдипе. Мы можем рассматривать их как персонажей какой-нибудь пьесы. Преимуществом такого подхода является то, что привнесение наивной точки зрения вместо более абстрактной теоретической может по-новому осветить туниковую ситуацию.

Например, аналитик раз за разом сталкивается с тем, что он делает интерпретацию, и пациент принимает ее как проливающую свет на ситуацию. На следующий день разговор заходит о каком-то другом аспекте вчерашнего материала, – а этой конкретной интерпретации как будто не было. Пациент жалуется, что другим людям легко убедить его в своей точке зрения и что известно, что они манипулировали им так же, как и аналитик. В других случаях, если удастся достигнуть согласия по поводу какого-то факта, это превращается в триумф. Складывалось впечатление, что у него присутствует не только несомненная радость понимания, но и столь же реальное желание, чтобы ясность не достигалась, и любой прогресс, произошедший в этом направлении, будет игнорироваться. В сновидениях пациента появилось окно с прекрасным видом и другое окно, за которым не было видно вообще ничего. Если обратиться к героям мифа об Эдипе, можно сказать, что у него присутствовало желание

исследовать (открытое окно равнозначно открытым глазам или открытому разуму), как у Эдипа, и столь же сильное желание противостоять этому, как у Тиресия. Пустое окно подобно слепым глазам Тиресия, который решительно возражал против изысканий Эдипа, поскольку понимал, какая катастрофическая раскроется ситуация. Это признание присутствия фигуры Тиресия, противостоящей стремлению к знанию, оживило аналитическое понимание компульсивной потребности пациента устранить любое новое знание, а также того, какую угрозу несет в себе познание, если позволить ему развиваться, а именно преследующую вину и депрессию.

Другая история, которую Бийон считал полезной в качестве модели для аналитической работы, связана с захоронением в Уре, датируемым 3500 годом до н. э. Царя нашли захороненным не только с сокровищами, но и с множеством придворных – предположительно, когда он умер, его придворных и слуг напоили каким-то наркотиком и похоронили вместе с ним. На месте захоронения была огромная свалка, так что жители города чувствовали, что освящают ненужные им предметы, бросая их там. Эта царская гробница была разграблена всего каких-то 500 лет спустя.

Значение этой истории для психоаналитического исследования заключается в мотивации придворных, которые пошли на смерть вместе с их почившим царем или царицей, а также в мотивации грабителей гробниц. Какая мотивация могла быть столь сильной, что эти придворные добровольно отдали свои жизни, и что придало грабителям могил столько отваги, что они рискнули потревожить духов, пристанищем которых, как можно было ожидать, являлось подобное место?

Что служит мотивацией к тому, чтобы человек повернулся к жизни спиной, отказался видеть, к чему ведет слепая преданность своему монарху, своей не подвергаемой сомнению драгоценной вере? Например, пациент может отказываться рассматривать какую бы то ни было интерпретацию, чтобы не оказаться под ее влиянием, вследствие чего ему, возможно, придется изменить свое мнение. Декларируемая причина

отказа – пациент не хочет, чтобы ему промывали мозги, чтобы кто-то на него влиял.

Мотивация грабителей могил не менее важна, в том смысле что они рискуют вызвать грозных духов прошлого, точно так же, как аналитический опыт тоже возвращает к жизни призраков, страх, вину и чувство преследования. Что мотивирует человека рискнуть исследовать самого себя – жажда наживы или научное любопытство?

Святость мусорной кучи передает идею, что мусор по волшебству превратится во что-то стоящее, если достаточно долго пролежит вблизи гробницы. Мы полагаем, что таким образом Бион горько пошутил по поводу веры в то, что слова, произнесенные под священной сенью психоаналитического дискурса, не могут оставаться тем мусором, которым они на самом деле являются.

Глава 6

КОНТЕЙНЕР/КОНТЕЙНИРУЕМОЕ

Великое научное открытие – это обнаружение очень простой и фундаментальную форму, которая прежде была скрыта в хаосе внешних облиций и неправильно понятых теорий.

(Weizsacker, 1973, p. 35)

В главе 4 мы описали различные категории, составляющие Таблицу. В этой главе нашей целью является обрисовать, как в ходе развития происходит движение с одного уровня на следующий по генетической, или вертикальной, оси.

Великие системы мысли часто вырастали из внезапной догадки, крайне простой, но глубокой. Ярким примером этого является Витгенштейн, чья первая теория языка была основана на мысли, что структура суждений соответствует тому, как вещи соотносятся друг с другом в реальном мире. Эта идея пришла к нему, когда он читал журнальную статью о судебном разбирательстве по поводу дорожно-транспортного происшествия. На суде присутствующим показали миниатюрную модель столкновения, представляющую реальное происшествие. На этом была построена его теория. Из одного частного случая он абстрагировал форму, имеющую универсальное применение. Такая догадка должна быть достаточно глубокой, чтобы поддерживать широкий набор по видимости не связанных между собой фактов. Если Витгенштейн читал

журнальную статью, то Блон слушал, как пациент говорит, что чего-то не может взять в голову. Блон пишет: «Поэтому от слов, что не получается взять что-то в голову, не следует отмахиваться, считая их всего лишь оборотом речи» (Bion, 1963, p. 6). Далее он говорит, что такие выражения удачно соответствуют эмоциональному опыту и следует признать, что контейнер/контейнируемое – один из элементов психоанализа. Однако подобные представления никогда Блон не конкретизируются, поскольку он знает, что они сами – несовершенные репрезентации непознаваемой реальности:

Поэтому я закончу рассуждения на эту тему, предположив существование центральной абстракции, которая неизвестна и непознаваема, хотя и проявляет себя в неявной форме в таких понятиях, как «контейнер или контейнируемое», и что именно благодаря центральной абстракции возможно правильное использование термина «психоаналитический элемент» или определение символа ♀♂.

(Bion, 1963, p. 7)

В психоаналитическом дискурсе имеется выраженная тенденция конкретизировать такие понятия, как эго, бессознательное или инстинкт. Для Блона все подобные понятия были репрезентациями непознаваемой центральной абстракции. В средоточии человеческого существа кроется тайна, и все теоретические построения являются лишь несовершенными ее репрезентациями. Блон оберегает эту тайну, какие бы концепции он ни строил.

Слова обрастают шелухой великого множества образов, поэтому в своем тексте Блон заменяет понятия контейнер/контейнируемое символами ♀ и ♂. С символами, по его мнению, будет связано меньшее количество заранее сформировавшихся посылок.

Нечто подобное однажды случилось с одним аналитиком, когда тот лечил человека с умственной отсталостью. Тому пациенту было 33 года, и он каждый день приходил в мас-

терскую при клинике, где выполнял самую низкоквалифицированную работу. Аналитик и некоторые из сотрудников считали, что его умственные способности позволяют ему выполнять работу более сложную. На сессиях с его губ иногда срывались такие слова:

Мне 33 года, неужели я настолько ничтожен?

И мгновение спустя:

Вы что, не можете дать мне картину того, кто я такой?

Аналитик сказал:

Тот факт, что вы чувствуете, что это были 33 года пустоты, ущербности и ничтожества, настолько мучителен, что вы предпочитаете смотреть на себя глазами других людей, чем увидеть это жуткое ничтожество.

Он ответил:

Ну, если вы не дадите мне картинку, то зачем я сюда хожу?

Аналитик встал, сел с ним рядом и сказал:

Дело обстоит так. Перед нами 33 года ущербности, ничтожества и пустоты. Это все равно что сидеть в поезде напротив человека с израненным и изъеденным болезнью лицом, настолько ужасным, что приходится держать перед собой какие-то картинки, потому что вы не можете вынести этого зрелища. Но приходите вы ко мне из-за того, что, возможно, есть хоть какая-то вероятность, что, если я буду рядом с вами, вы сможете на это смотреть.

Тем, что невозможно было контейнировать, была боль – 33 года ущербности, ничтожества и пустоты. Этот случай олицетворяет собой также один из образов матери, взаимодействующей с расстроеным младенцем таким образом, что со временем он обретает возможность удерживать эту боль в своей психике.

Архетипом для ♀♂ является материнская грудь/младенец. В сцене, приведенной выше, участвуют младенец, которому больно (психика пациента), ищущий материнскую грудь и найденный ею (психика аналитика). Бион полагает, что личность составлена из двойных элементов – ♀♂. В рассматриваемом нами случае разум пациента не выработал понятие укрепляющегося ♀♂. Это не статическая ситуация и не та, в которой младенец получает пассивную «поддержку»: теория Биона предполагает, что ситуация является динамической. Существует некое ♂, ищущее некое ♀, и между ними имеет место взаимодействие.

Понятие ♀♂, по-видимому, присутствует в психике повсеместно и играет важную роль в психическом развитии. Наша речь содержит множество примеров внутреннего и внешнего; «в анализе», «внешнее отыгрывание», «в контакте или не в контакте», «ввязываться во что-то», «выйти из себя» и т.д. Между ♀ и ♂ существует некое отношение. Например, ♀ может быть настолько неподатливым, что «сдавливает» содержимое, делая его статичным и даже лишая его каких-то свойств. С другой стороны, содержимое может быть настолько взрывоопасным, что ♀ «растягивается» так, словно вот-вот лопнет. При большей степени враждебности результатом может стать взаимное уничтожение. При любящих отношениях они могут благотворно действовать друг на друга. Моделью этого взаимодействия являются мать и ребенок; оба могут расти благодаря опыту контейнирования и пребывания контейнированным.

Из этих двух компонентов, ♀♂, составлена не только личность, но также и мысли – их можно разобрать на эти парные компоненты. Бывает ♀, ищущий ♂. Может также иметь место реализация ♂, ищущая некий контейнер ♀: мысли, ищущие того, кто их подумает. На том основании, что чистая мысль не является материальной, Бион считал, что существует иерархия мыслей низшего уровня, или эмбриональных мыслей, ведущая к этому уровню. В самом основании шкалы лежат элементы, которые не являются ни психическими, ни мате-

риальными, а представляют собой сочетание того и другого. Это β -элементы, которые образуют строку А в Таблице. Затем эти базовые элементы «очищаются», в том смысле, что становятся менее материальными и более абстрактными, проходя вполне поддающиеся опознанию стадии.

Бион постулирует, что сила, перемещающая процесс с одного уровня на другой, – это ♀, ищущий ♂, контейнер, ищущий реализацию. Результатом такого соединения ♀♂ является концепция, которая, соответственно, передает идею новой жизни с каждым новым развитием мысли. После того как произошло их соединение на том или ином уровне, возникает новая пре-концепция, ищущая новую реализацию.

Эволюция мыслей от меньшего к большему уровню абстракции и сложности происходит по модели ♀♂, действующей в эмоциональном окружении, способствующем росту. Когда взаимодействие происходит в негативной атмосфере, возникает процесс, обратный росту; его отображает негативная Таблица (см. главу 4).

Именно через соединение ♀ и ♂ на каждой стадии развития происходит психический рост. В Таблице ♀ появляется на вертикальной оси в качестве пре-концепции, а на горизонтальной оси – как внимание и исследование, ведущие к действию; внимание и исследование открыты дальнейшему развитию, и в этом смысле они похожи на пре-концепцию. Эта репрезентация на горизонтальной оси на каждом уровне развития мысли появляется вновь, т.е. внимание и исследование – это такие позиции, которые помогают найти подходящую реализацию.

Прежде всего необходимо пояснить: Бион понимал, что дать наименование – это способ связать что-то вместе, не позволить рассыпаться, сделать некую обвязку вокруг охапки прутьев, или идей, или наблюдений и не более того. Однако после того, как эта связка идей получила наименование, становится возможным естественный постепенный рост ее смысла.

Как мы уже сказали, движение вниз по Таблице репрезентирует рост мысли, происходящий следующим образом: пре-концепция ищет конкретную реализацию и соединяется с ней, контейнер встречается с чем-то, что он может контейнировать и с чем взаимодействовать, и через это взаимодействие возникает смысл. Существуют разные способы того, как может происходить развитие значения, когда пре-концепция и реализация сходятся вместе. Во-первых, соединение можно рассматривать как насыщение ненасыщенного элемента (пре-концепции) соответствующей реализацией. Это схождение вместе есть связывание воедино, или называние, и в результате смысл может развиваться дальше.

В приведенном выше клиническом примере аналитик полагает, что человек имеет более высокие умственные способности, чем можно судить по его работе. В аналитической сессии эта пре-концепция аналитика встречается с некой реализацией – пациент предпочитает видеть картинку себя, а не истинное положение вещей. Вопрос, или ненасыщенная область в уме аналитика: «Почему он не проявляет своих истинных способностей?», встречается с некой реализацией: «Потому что он предпочитает не знать реального положения вещей». Это соединение ♀♂ в уме аналитика представляет собой также акт называния, например: «Он предпочитает картинки» – наименование, которое будет постепенно наполняться смыслом по мере продвижения анализа.

Во-вторых, сама пре-концепция может рассматриваться как нечто, связывающее явления вместе, так, как их связывает наименование, чтобы помешать им рассыпаться, а соответствующая реализация – это то, что придает связанным элементам смысл.

Вновь обратимся к вышеприведенному примеру: аналитик, встав рядом с пациентом, демонстрирует своим действием и своей интерпретацией возможность, для этого пациента представляющую нечто новое, а именно что между двумя людьми бывает взаимодействие, которое может привести к психическому росту. Это можно рассматривать как пре-

концепцию отношений контейнер – контейнируемое, которая по мере продвижения анализа будет накапливать значение, встречаясь с соответствующими реализациями.

Теперь мы видим, что абстрагирование – это не просто извлечение из некоего явления каких-то конкретных качеств, это также связывание вместе явлений, признанных подходящими друг другу, таким способом выделяя их из прочих, которые к ним не относятся. Это-то и происходит, когда пре-концепция соединяется со своей конкретной реализацией. Затем начинает проявляться значение этого союза. Именно так и развивается мысль – это процесс соединения–связывания, за которым следует накопление значения. Соединение пре-концепции и реализации – это одновременно и абстрагирование, и связывание неких явлений.

По мере продвижения поперек Таблицы способы использования мыслей из колонки 3 открывают все большие возможности для исследования, для чего требуется определенная способность выносить тревогу. Это в точности соответствует переходу от принципа удовольствия–боли к принципу реальности. Это изменение предполагает использование мышления для того, чтобы выдержать чувство фрустрации, порожденное тем, что человек не позволяет себе немедленно удовлетворить потребность на уровне чувств, в том числе при помощи галлюцинации. Отказ от чувственного удовлетворения порождает ярость и обиду, справляться с которыми приходится при помощи рассуждений и размышлений о них. Разница между Фрейдом и Бионом – в мотивации: Фрейд утверждал, что принцип реальности позволяет отложить немедленное удовлетворение, чтобы достичь большей меры удовольствия в будущем, тогда как для Биона мотивация заключается в возможности эмоционального роста.

Аналитик часто сталкивается либо с отсутствием ♀, либо с поврежденным или «пористым» ♀, который способен удерживать ♂ не лучше, чем кисейный мешочек удерживает воду. Вот пример: пациент не хотел входить в комнату ожидания до сессии, поскольку, если он это сделает, он будет чувство-

вать себя как назойливый ребенок. Эмоционально он и является назойливым ребенком, но не может вынести, когда чувствует себя таковым. Когда это было проинтерпретировано, он сказал: «Я думаю, что в глубине души боюсь, что вы меня бросите, если я позволю вам увидеть, что я назойливый ребенок». Т.е., по его мнению, аналитик тоже не способен контейнировать назойливого ребенка. То, что мы говорили здесь о мысли, относится не только к мыслям, но также к боли, вине и сожалению. Существует боль, которую невозможно вытерпеть, вина, которую невозможно вынести, и сожаление, о котором невозможно вспоминать. Это примеры, когда есть ♂, но нет адекватного ♀. Конструктивного ♀♂ нет, так что эмоциональный опыт невозможно удержать. Когда такое случается, какое объяснение дает этому Блон?

Мелани Кляйн описала атаки, из зависти и жадности совершаемые младенцем на хороший объект, которые приводят к его повреждению и фрагментации. Когда ♀ и ♂ оказываются фрагментированными, существует возможность, что между фрагментами все же сохранилась достаточная связь, чтобы об объекте все еще можно было в какой-то мере думать, т.е. некоторая остаточная способность ♀ и ♂ взаимодействовать в уме. По крайней мере, к проблеме в этом случае можно обращаться. Но Блон сосредоточился также на таком взаимодействии между контейнером и контейнируемым, когда одним из факторов является зависть. Связь здесь можно обозначить как, скорее, –К, чем К. Вместо такого соединения ♀ и ♂, которое приводит к взаимному развитию, происходит, по предположению Блона, обращение процесса вспять, когда мысли начинают постепенно терять смысл, через связи –К, –L или –H. Происходит жадное или деструктивное взаимодействие, схождение, разрушительное для обоих. При таком исходе и боль также не претерпевается, а становится все более бессмысленной.

Блон высказывает мысль, что, когда младенец проецирует свой страх смерти в грудь, он также проецирует и свою ненависть и зависть к непотревоженной груди. В результате

грудь начинает восприниматься как завистливо лишаящая проецируемый страх смысла: вместо лишения этого страха его токсичности и возвращения его обратно младенцу в такой форме, чтобы с ним можно было справиться, происходит изъятие благотворного смысла страха смерти, т. е. ценности жизни, а сам страх остается. То, что младенец затем принимает обратно, – это страх смерти, пугающий, но бессмысленный, *безымянный ужас*; его страх, скорее, нарастает, чем смягчается.

Это взаимодействие такого рода, которое является прототипом обращенного вспять мыслительного процесса. ♀♂ делает мысли более деструктивными, но в то же самое время все более и более бессмысленными, так что в конечном итоге остается лишь бездумная жадность и деструктивность. Движение вниз и поперек Таблицы слева направо обращается вспять, другими словами, теперь перед нами негативная Таблица, и эмоциональное взаимодействие делается все более и более бессмысленным, а не наоборот.

Историческое развитие, согласно Гегелю, это такой процесс, когда тезис вступает в столкновение со своим антитезисом, а затем происходит синтез. Результат этого синтеза, в свою очередь, становится тезисом в новом цикле процесса. Бион сформулировал весьма похожую модель развития мысли. ♀ и ♂ соединяются, образуя концепцию, которая затем становится пре-концепцией в начале нового цикла. Таким образом, пре-концепция и реализация совокупаются (отсюда смысл использования сексуальных символов для контейнера/контейнируемого), и образуют концепцию. Но если бы у Биона не было другой формулировки, помимо ♀♂, то нечем было бы объяснить рост. Поэтому она была раскрыта через идею пре-концепции, вступающей в совокупление с реализацией, чтобы сформировать концепцию, а затем концепция начинает цикл заново в качестве пре-концепции.

Связь между ♀ и ♂ может быть комменсальной, симбиотической или паразитической. Паразитическое звено возникает, когда объект, созданный ♀♂, уничтожает и ♀, и ♂; примером такого объекта будет бессвязная речь. Однако, если

тот эпизод, в рамках которого она возникает, ведет к развитию способностей выражения, тогда происходящее можно рассматривать как нечто симбиотическое, ♀ и ♂ оказывают друг на друга благотворное воздействие. При комменсальной связи эмоции служат тому, чтобы раскрыть способность индивидуума изобретать языковые формы, которые затем помогают эмоциональному развитию. Так что язык и эмоции располагаются на обогащающей спирали развития. Например, эмоциональное переживание может породить поэзию, а последняя, в свою очередь, обогатит эмоциональное развитие. Теперь мы представим примеры паразитической и симбиотической связей.

Между одним аналитиком и его пациентом возникла ссора, когда аналитик бурно среагировал на явное презрение пациента в связи с тем, что аналитик реорганизовал время встреч так, чтобы это было удобно пациенту. Они оба упорно стояли каждый на своей позиции, и в течение какого-то времени эмоции с обеих сторон были настолько интенсивными, что попытки выразить их в словах приводили к гневному молчанию. Это пример паразитической связи: Cf (эмоция) уничтожила § (речь), и продуктом связи стало гневное молчание. Однако год спустя это событие удалось проговорить и достичь взаимного понимания. Поэтому, когда событие рассматривалось *задним числом*, оно являлось симбиотическим, поскольку способствовало развитию способности к выражению. Ссора может быть конструктивной, если через обдумывание она ведет к эволюции в эмоциональной коммуникации. В таком случае она является симбиотической; если же, напротив, результатом является исключительно разрушение, то она паразитическая.

Бион рассматривает эту структуру с иного ракурса. Новая идея врывается в мир через некоего гения. Бион называет его скорее не гением, а мистиком. Мистик находится в прямом контакт с Богом, и он является для Бога контейнером. Правящим кругам выпадает задача контейнировать идеи мистика и предоставить обычным людям возможность устанавливать

контакт с Богом скорее косвенно, чем напрямую. Мистик угрожает взорвать систему власти, а та, в свою очередь, грозит задушить новую идею мистика тем, что, например, жестко кодифицирует ее или идеализирует ее и поклоняется ей. Отсюда иронический комментарий Биона: «Его нагроулили почестями так, что он исчез под их спудом без следа» (Bion, 1970, p. 78). Такая концептуализация применима к социальной группе, но является также символом ситуации внутри индивидуума, где тоже есть некий мистик, находящийся в прямом контакте с запредельной реальностью, и некие власти предрешающие, которые контейнируют или подавляют его.

Бион подчеркивает, что разрушение идеи мистика властями происходит повсюду, как вне, так и внутри индивидуума, в *A Memoir of the Future*, откуда взяты следующие цитаты:

Везде найдутся какие-нибудь радикалы, которые только и ждут, чтобы ввергнуть в узилище / обожествовать любую мысль или идею, доставляющую неприятности.
(Bion, 1991, p. 135)

Христиане в конце концов заполучили его [Бога]; из своего мессианского тюремного замка он так и не выбрался, пока из него не выжали даже малейшие остатки смысла.
(Bion, 1991, p. 136)

Его [Сократа] идеи были похоронены под монументом столь глубоко, что их стало совершенно не слышно.
(Bion, 1991, p. 478)

Одна женщина, пережившая в детстве достаточно лишений и жестокости, в ответ на интерпретацию ее тенденции периодически «вставлять палки в колеса» анализа очень рассердилась, а затем у нее возникли чувства собственной малости и безнадежности. Интерпретация была воспринята ею как нарциссический удар и, кроме того, как нечто, что замыкает ее, ограничивает ее развитие. Это было связано

не с мазохизмом – пролить свет на ситуацию может помочь, скорее, моделью контейнера и контейнируемого и моделью некоего института или божества, враждебного развитию. Ей было ясно, что дело не столько в том, что она не может вынести боль раны, нанесенной ее нарциссизму этой интерпретацией, а, скорее, в том, что она увидела в этой интерпретации сокрушительную силу, и это заставило ее испытать чувство безнадежности.

Другая пациентка в сновидении увидела себя в коллективе, где она чувствовала, что другие либо безразличны к ней, либо критикуют ее, отмахиваются от нее и ищут свидетельств ее деструктивности. Интерпретация этого сновидения в том ключе, что она чувствует в своем анализе суровую фигуру супер-эго, не дала никакого эффекта, пока ее не удалось связать с присутствующим у нее чувством, что любая попытка свободно выражать свою индивидуальность немедленно подвергается разрушительному институционализированному контейнированию, которое не дает ей возможности предпринять какие-либо шаги к индивидуальной свободе.

Мы заметили, что понятие контейнера у Биона многие приравнивают к идее холдинга, или поддерживающего окружения, у Винникотта. Мы хотели бы здесь четко разграничить их. Понятие Биона отличается в трех отношениях. Контейнер является *внутренним*, тогда как холдинг или поддерживающее окружение является *внешним* или находится на переходной стадии от внутреннего к внешнему; контейнер не является чувственным, а поддерживающее окружение в первую очередь чувственно; контейнер вместе с контейнируемым активен. Эта активность может быть либо интегрирующей, либо деструктивной, тогда как поддерживающее окружение является позитивным и способствующим росту.

Глава 7

АЛЬФА-ФУНКЦИЯ

Соврать по-своему – ведь это почти лучше, чем правда по одному по-чужому; в первом случае ты человек, а во втором ты только что птица!

(Dostoevsky, 1978, p. 219¹)

Теперь мы рассмотрим первые три строки Таблицы более подробно. С этой целью полезно будет показать, как Бион пришел к своему пониманию того, что он называет α - и β -элементами.

В разуме психотика доминируют элементы, которые для невротического или нормального разума не были бы сознательными. Помимо этого, психотик ежеминутно совершает фрагментирующие атаки на свой разум, посредством которых он пытается аннулировать свое осознание психической реальности, которое он ненавидит и которого боится из-за преследующих чувств, которые с ним ассоциируются. Любой процесс, включая психоанализ, который мог бы интегрировать эти фрагменты, вызывает мощное сопротивление, поскольку психотик боится, помимо всего прочего, что вслед за тем ему придется столкнуться с целостным, ужасающим, свирепым супер-эго.

В процессе психоаналитической работы с пациентами-психотиками Бион обратил внимание на то, что в расколотом,

1 Достоевский Ф. М. Собр. соч. М., 1957. Т. 5. С. 209. – Прим. пер.

не поддающемся пониманию материалу ему встречаются фрагменты зрительных образов, которые похожи, скорее, на запомненные, но непереработанные кусочки сенсорно воспринятых фактов, чем на целостные образные картинки. Он задался вопросом: является ли это просто свидетельством расщепляющей атаки на психические функции, или это некая попытка собрать фрагменты зрительных образов вместе, чтобы сформировать некое целое. Хотя нормальное сновидение – это нечто, что можно запомнить или описать, а у пациентов-психотиков сновидений, кажется, не бывает, Блон отметил, что такого рода явление, т. е. продуцирование зрительных образов, происходящее в анализе шизофреника, очень похоже на процесс сновидения, возникающие в ходе сессии; не то чтобы пациент-психотик спал, но его психический опыт – это видение зрительных элементов так, будто они являются образами сна. Прочитаем Блона:

В какой-то момент я заподозрил, что мои интерпретации превращают в сновидения. Так, он видит туннель и в нем поезд. Поезд останавливается. «Не смогу вылечиться. Слишком рано, и поскольку я его только что упустил, другого еще долго не будет. Мельчайшие фрагменты, как фекалии... два стула и костюм-тройка; стульчак. Я не умею говорить, как следует». Затем он начал «видеть сон». Мне было ясно, что проводится различие между тем, чтобы говорить «как следует», и каким-то способом изъясняться зрительными образами.

(Bion, 1992, p. 33)

Еще один пример: пациент-психотик внезапно поднялся и сел, оглядываясь с ошеломленным видом. Аналитик подумал, что если бы он чувствовал то, что, похоже, чувствует пациент, это переживание было бы более понятным, если бы он, пациент, все это время спал и видел сон. Такого рода переживания заставили Блона предположить, что, наверное, только в присутствии аналитика пациент-психотик способен рискнуть начать процесс, который может оказаться предвест-

ником столь пугающей его интеграции. Так он связал то, что описал как процесс сновидения в ходе сессии, с началом интегративного процесса.

Такой взгляд на работу сновидения отличается от точки зрения Фрейда, согласно которой сновидение, через «работу сновидения», скрывает бессознательный смысл, который может быть раскрыт только при анализе сновидения, т. е. путем распутывания «работы сновидения». Согласно же взгляду Биона, сознательный и бессознательный материал в результате «работы сновидения» делается более доступным пониманию, в том смысле, что становится возможно превратить его в элементы, пригодные для того, чтобы двигать вперед интегрирующий процесс мышления.

Отсутствие сновидений у пациентов-психотиков подсказывало, что нечто, связанное с продуцированием сновидений, способствует синтезу мышления, которого столь сильно боится психотик. Потом Бцион пришел к мысли, что есть процесс, который не происходит в психотической части личности, и видение снов, возможно, – лишь его часть. Отсутствие или разрушение этого процесса привело к тяжелому нарушению у пациента-психотика таких психических способностей, как внимание к более обширному полю опыта, память, суждение, а также продуцирование образов сновидения и того рода зрительных образов, которые вызывают ассоциации.

Этот процесс, который не происходит у пациента-психотика, есть процесс, при помощи которого сознательные рациональные события, как и довербальные бессознательные впечатления, делаются для личности доступными, чтобы их можно было затем использовать для интеграции не только мыслей, но также и других функций, таких как память. Он понял, что пациент-психотик активно атакует эту функцию, чтобы избежать интеграции, но тем самым он лишает самого себя той входящей информации, благодаря которой его психика может развиваться.

Контакт психотика с реальностью, похоже, очень ограничен. Такую цену он платит за отказ позволить свершиться

интеграции, которая привела бы к выходу мучительной психической реальности на поверхность. Бион постулирует, что каждый из нас внутри себя принимает критически важное решение – избегать ли фрустрации или модифицировать ее при помощи мышления.

Мы теперь возвращаемся к тому, чего не происходит в уме психотика. Чтобы легче было размышлять об этом неведомом процессе, похожем, как он считал, на сновидение, Бион дал ему наименование *альфа-функции*, а продукты его воздействия он назвал *альфа-элементами*. Альфа-функция производит действия со всеми данными, получаемыми человеком из эмоционального опыта, включая сенсорную информацию, поступающую из внешних и внутренних источников. Она делает этот эмоциональный опыт доступным пониманию и осмысленным, создавая α -элементы, состоящие из зрительных, слуховых и обонятельных впечатлений, которые пригодны для хранения в памяти, а также для использования в сновидениях и в бессознательном мышлении в состоянии бодрствования. Последнее включает ввод в мышление образов, хранимых в памяти, что добавляет богатства содержанию сознательной мысли. Когда Бион назвал это α -функцией, он надеялся, что тем самым поможет сохранить это понятие открытым и избежать слишком поспешного навязывания ему значений. α -элементы образуют в Таблице строку В.

В ситуации нормальной беседы зрительный образ может возникнуть в уме слушателя в ответ не только на содержание обсуждаемого материала, но и на общее эмоциональное переживание данного момента. Этот зрительный образ является результатом психической ассимиляции переживания, которое воспринимается сенсорно, и он может быть сохранен в памяти или использован в сновидениях. Также он подходит по своей форме для того, чтобы стать символом. Переживание было подвергнуто воздействию α -функции и тем самым сделано доступным для ассимиляции его психикой.

Требование, что эмоциональные переживания должны быть переработаны, прежде чем они окажутся в такой форме,

чтобы их могла использовать личность, напоминают тезис Канта о том, что предметы не могут мыслиться иначе как через синтезирующие категории понимания и что без такого синтеза невозможно никакое познание предметов. Однако позиция Биона по этому вопросу основана на его опыте психоанализа с пациентами-психотиками; он имеет дело с эмоциональными переживаниями, а не с предметами вообще, и он строит теорию о явлениях более примитивных.

Мучительная эмоция, подвергшись воздействию α -функции, трансформируется в образы сновидения, а затем абстрагируется в мысль посредством процессов, описываемых категориями Таблицы. Если же α -функция не воздействует на переживание, то оно изгоняется за счет провоцируемой тревогой активности. Одна пациентка как-то сказала: «Мне не пришлось подниматься и идти в туалет посреди ночи, потому что мне приснился сон». Она интуитивно распознала, что сон смог что-то удержать, так что от этого чего-то не пришлось поспешно опорожняться.

Те события, которые невозможно держать в уме, Бион назвал β -элементы. Это название не характеризует их статус: так Бион обозначает имеющиеся сырые, необработанные данные. Это чувственные впечатления, лишённые смысла, или не имеющие названия ощущения, которые вызывают фрустрацию. Например, они могут быть преследующими или депрессивными по природе, но они бессвязны. Они не переработаны и ощущаются как вещи-в-себе, как инородные тела в психике. Они годятся только для того, чтобы изгнать их, потому что о них невозможно думать. Если они преследующие, то они воспринимаются как отбросы, от которых психика хочет избавиться: согласно принципу удовольствия, то, что вызывает дискомфорт, изгоняется. Это изгнание – в собственное тело или во внешний мир – происходит через проективную идентификацию. Хотя это событие является психическим, описывается оно так, будто представляет собой физический процесс, и на самом деле может переживаться как таковой тем, с кем оно происходит. В своей книге *Expe-*

riences in Groups (1961), написанной Бионом до того, как он разработал свою зрелую психоаналитическую теорию, он описал *протопсихическую систему*, содержащую примитивные данные психики, где психическое не отделено от физического. То, что он позже описал как β -элементы, – это сырые элементы, содержание протопсихической системы. События, происходящие из этой системы, могут переживаться как психические или как соматические события.

У одной женщины, проходивший анализ, впервые появился опыт того, что она способна генерировать мысли в отсутствие аналитика. Затем она испытала сожаление, что не обрела такую способность раньше в своей жизни. Это переживание было лишь мимолетным и оказалось мучительным. Затем она отбросила боль прочь. Куда? В аналитика. Она сказала, что анализ ни на что не годен, ничего не дал, что аналитик вечно пытается сделать вид, будто что-то разрешилось. Аналитик почувствовал раздражение и искушение выдать ей резкий ответ. Импульс ответить был вызван болезненной, но не переведенной в мысли эмоцией – β -элементами, которые были спроецированы в аналитика. Эти β -элементы вызывают у аналитика эмоциональную вовлеченность, которая может, хотя и не в данном примере, стать помехой его способности наблюдать и думать. Достичь этого они могут, блокируя находящиеся в поиске пре-концепции аналитика.

β -элементы, которые образуют строку А в Таблице, находятся не в том состоянии, чтобы о них можно было думать. Их нельзя вербализовать, и они не способны выдать свое значение, но их можно трансформировать так, чтобы они стали пригодны для использования в мышлении, иными словами, они могут быть переработаны психикой. Чтобы это произошло, они должны подвергнуться неведомому процессу воздействия α -функции; тогда они станут α -элементами, которые могут быть использованы в мышлении и в сновидении. α -функция наделяет разум способностью к субъективности. Теперь разум может думать о самом себе и иметь личную реакцию на эмоциональные происшествя. Он способен

трансформировать базовый эмоциональный опыт в мысль. Без α -функции человек может абстрагировать сенсорные данные, относящиеся к внешнему миру, но не сенсорные данные, относящиеся к внутреннему эмоциональному опыту. Кроме того, человек не способен к субъективной эмоциональной апперцепции внешнего мира. Следовательно, философ может быть способен к абстрагированию на основе сенсорных данных, но не может достичь самопознания.

Чтобы исследовать полезность понятия α -функции для клинической работы, нужно взглянуть на материал, на который она оказывает воздействие, чтобы сделать его «удобоваримым» для психики.

Пациент говорит об эмоциональном состоянии, в котором он в данный момент находится, но не способен назвать или описать его, хотя оно причиняет ему беспокойство и создает дискомфорт. Он, похоже, не может отнести его к какой-либо категории эмоций, о которой ему доводилось слышать. Он может сказать, что оно неприятно, что оно заполняет его, но больше он не может ничего добавить к его описанию. Другой пациент говорит о сенсорном объекте или событии, но описание, кажется, лишено какого бы то ни было резонанса или ассоциаций, которые могли бы своим присутствием вызвать образы. Все выглядит так, как если бы предмет или событие не имели значения, никаких оттенков или обертонов. Оно кажется «непереваренным». Эти переживания являются примерами непереработанных данных, на которые действует α -функция, но их трудно определить, возможно, потому, что сам процесс, который бы сделал их доступными пониманию, а именно α -функция, отсутствует.

Пациент, который собирался увеличить число своих сессий с четырех до пяти, переживает острое чувство опасения. Когда он пытается описать его, он говорит: «Я часто говорил о впечатлениях и чувствах, которые я ненавижу и хочу отторгнуть, но здесь другое. Это просто невозможно описать». В этот момент он указывает себе на грудь и произносит: «Оно каким-то образом вот здесь». Аналитик говорит:

«Как будто это непереваренный комок, который просто невозможно переработать». Пациент отвечает: «Да, именно так оно и есть». Обратите внимание на эти слова, «так оно и есть». Это не что-то, о чем пациент может сказать «я чувствую». Нет никакого Я, и нет никакого отдельного *чего-то* по отношению к Я. Это иллюстрация к тому, почему мы сказали выше, что α -функция трансформирует неодушевленные не-личностные явления (β -элементы) в субъективное переживание.

Одним из показателей действия α -функции является то, что сырые данные преобразуются во внутренние зрительные образы и, в меньшей степени, во внутренне иницируемые образы других видов чувств, такие, как возникают в сновидениях, в снах наяву и обычном мышлении при бодрствовании, причем преобладают, как правило, зрительные образы. Они составляют строку С Таблицы и используются при описании события, например, если мы описываем часть аналитической сессии, мы просто даем личную картину события, используя эти образы из строки С.

Во время сессий с другим пациентом-психотиком Бион думал, что от него ожидается, что он примет на себя функцию либо сознательного разума пациента, пока пациент будет бессознательной частью, либо наоборот, как будто то и другое вместе невозможно удержать в одной личности в одно и то же время. Он чувствовал, что испытывает сонливость, но не способен заснуть и в то же время не способен оставаться бодрствующим, как будто обоим состояниям, сну и бодрствованию, препятствуют элементы другого состояния. Из этого он вывел, что отсутствует некий барьер, который, подобно контактному барьеру, описанному Фрейдом в работе «Project for a scientific psychology»¹, в нормальных условиях не допускал бы элементы одного состояния психики мешать другому состоянию.

Он выдвинул гипотезу, что этот *контактный барьер* состоит из α -элементов, которые не продуцируются у паци-

1 Контактный барьер между нейронами, обеспечивающий сопротивление прохождению возбуждения из одного нейрона в другой. Теперь это называется синапс (Freud, 1971a, p. 298).

ента-психотика в достаточной мере из-за помех в α -функции. Этот контактный барьер отделяет сознательные психические явления от бессознательных. Его проницаемость допускает некоторый обмен между сознанием и бессознательным, но не затопление одного другим, как произошло с описанным выше пациентом Биона. Именно в ходе образования этой мембраны происходит непрерывная корреляция сознательных и бессознательных элементов, которая после абстрагирования приводит к пониманию эмоционального опыта. Она же делает возможным хранение в памяти и вытеснение.

Когда человек вовлечен в беседу, в нормальной ситуации на него или на нее не сыплется ранее не осознанный материал, который бы отвлекал и тем самым фактически препятствовал нормальному общению. Контактный барьер этого не позволяет, но при этом дает возможность достаточному количеству бессознательных фантазий, предположительно хранимых в памяти, просачиваться в сознание, тем самым придавая разговору резонанс. Без этого проникновения реплики будут звучать очень жестко и стерильно, вызывая у слушателя желание ответить: «Ну и что?» Контактный барьер также позволяет без помех совершаться вытеснению и хранению в памяти, но под воздействием событий жизни наяву. В момент эмоционального прозрения происходит сопряжение бессознательного и сознательного элементов.

На аналитика выплескивается масса бессвязного материала, как будто психика пациента может облегчить свое состояние, только извергая его. Аналитику он представляется и недоступным пониманию, и в некоторой мере преследующим. Кажется, что отдельные слова и обрывки фраз ничем не связаны между собой, материал выглядит мертвым. Протицируем еще раз Биона:

Это значит, что мне приходится переживать эмоциональный опыт, но я вынужден переживать его таким образом, что я не могу из него учиться. У меня есть сознание – орган чувств, позволяющий мне воспринимать психические качества (как сказал Фрейд в *Толковании*

сновидений [1971b]), но мне не дано возможности понимать его. В результате я не могу учиться на эмоциональном опыте и не могу его запомнить.

(Bion, 1992, p. 220)

Выплеск β -элементов пациентом имеет способность вызывать или провоцировать у аналитика конкретные эмоциональные реакции, в противоположность мыслям. Психические явления не разделены на сознательные и бессознательные функции, и, следовательно, материал кажется путаным и часто напоминает сновидение или галлюцинацию. β -элементы не допускают возможности формирования функционального контактного барьера, но они, судя по всему, все-таки образуют некую целевую структуру, которую удобства ради назовем β -экраном.

В этой главе мы пытались показать, как Бион выводил свои гипотезы относительно β -элементов и α -функции из своей работы с явно психотичными пациентами. Но освобождение от β -элементов происходит не только у явных психотиков; это весьма обычное явление, и, когда оно происходит, в сессии возникает заметное качественное изменение. Выплескивающиеся β -элементы могут восприниматься как отбросы, как липкая масса или как поток монотонного материала, который не вызывает никаких образов. Это категория А6 в Таблице.

β -экран вызывает у аналитика, скорее, чувства¹, чем мысли, которые могли бы в конечном итоге привести к интерпретации, способной, в свою очередь, заставить пациента войти в контакт с реальностью, которую он ненавидит и которой боится. Аналитик обнаруживает, что он произнес что-то, что звучит либо как обвинение, либо как банальное

1 Бион очень разборчив в употреблении термина «контрперенос». Он придерживается раннего определения, что контрперенос есть бессознательные реакции аналитика на материал пациента. Он говорит, что с этим ничего нельзя поделать – аналитик может лишь пройти личный анализ. Когда же он говорит о β -экране, он хочет сосредоточиться на вкладе пациента в чувства аналитика.

утешение, тогда как ни то, ни другое не заставит пациента войти в соприкосновение с источником питания, в котором нуждается его разум, т. е. с психической истиной. Складывается впечатление, что функция β -экрана – не дать аналитику думать, а заставить его отыгрывать. Определение интерпретации на концептуальном уровне должно включать α -функцию. У аналитика тоже всегда может произойти выплеск β -элементов, замаскированный под интерпретацию.

Одна пациентка снова и снова повторяла, что, когда анализ закончится, она не будет ни с кем о нем говорить и не станет узнавать аналитика, если встретит его на улице; она столько выстрадала в анализе, а ее друзья считали, что это она так себя балует. К такому словесному «обстрелу» и ему подобным она прибегала часто. Изначально аналитик испытывал раздражение или гнев, позднее терял терпение и наконец почувствовал терпимость и любопытство. Тогда стало возможно увидеть и сказать пациентке, что эти излияния образуют барьер, который прерывает и блокирует понимание. Пациентка немедленно откликнулась: «Это как когда я ставлю много раз проигранную пластинку; тогда мне не обязательно думать». Благодаря этой интерпретации, которая явилась результатом того, что β -экран был, наконец, переработан в уме аналитика, пациентка тоже смогла использовать α -функцию, чтобы трансформировать свои излияния в зрительный образ, который она затем смогла назвать. Взаимодействие теперь переживалось как эмоциональная реальность.

Чувственные данные попадают в категорию β -элементов, исходящих от тела, от так называемой протопсихической системы, где психическое и физическое еще не дифференцированы. Они, таким образом, образуют матрицу мыслей, но это еще не мысли. В своих *Brazilian Lectures* Бион цитирует стихотворение Джона Донна, чтобы проиллюстрировать переходную область между β - и α -элементами: от чего-то, что не является мыслью, к чему-то, что является: «кровь говорила в ее щеках... как будто ее тело мыслило» (Bion, 1990, p. 41).

В попытке понять, как индивидуум переходит от лишенной мыслей области β -элементов к α -элементам, которые являются примитивными мыслями, Бион постулировал механизм $\varphi\sigma$, в котором β -элементы могут выполнять роль σ . Моделью этого может служить маленький ребенок, зависимый от своей матери, которая перерабатывает для него его невыносимые примитивные ощущения (β -элементы), когда он проецирует их в нее. Мать делает это при помощи своей собственной α -функции. Это зависит от ее способности принимать внутрь своей собственной психики пока еще невыносимый эмоциональный опыт младенца, терпеть его, перерабатывать его и, в конечном итоге, отдавать его обратно младенцу в модифицированной форме, так что он теперь стал для него терпимым. Тот психический настрой, в котором она это делает, называется ее мечтательностью¹, и важным для качества ее α -функции фактором является ее любовь как к младенцу, так и к своему мужу; причем мужчина выступает в качестве принципа, отделяющего младенца и мать друг от друга. Это взаимодействие матери и младенца, происходящее в рамках отношений любви, является примером $\varphi\sigma$ комменсального типа, приводящим в результате к психическому развитию как матери, так и младенца.

Наиболее важное решение, от которого зависит психический рост, состоит в том, избегать ли фрустрации или встретить ее лицом к лицу. При столкновении с мучительным состоянием психики включает ли индивидуум немедленно один или более из многочисленных механизмов защиты, всегда имеющих наготове для того, чтобы избавляться

1 Этимологическое происхождение слова *reverie* представляет интерес, поскольку при всей мягкости его нынешнего значения глубокой задумчивости или мечтательности, корнями оно восходит к более «буйным» значениям. Оно происходит из латинского *radix*, *корень*, через *rabere*, *яростно гневаться*, предположительно, обрывая корни разума, к старофранцузскому *reverie*, *буйная радость*, *буйство*, отсюда *resverie*, *восторг*, *буйная или грубая речь*, *бред*, и к *rever*, *видеть сны*, *мечтать*.

от осознания и фрустрации, или предпринимает попытки остаться открытым ей, терпеть ее и думать о ней?

В какой-то момент тревога или другое эмоционально мучительное переживание ощущается как невыносимое. В такой момент человек предпринимает те шаги, которые, по его ощущению, необходимы, чтобы выжить. Так, например, мать-еврейка, у которой в Варшавском гетто убили мужа, отбросила горе, для того чтобы выжить и защитить своего маленького сына. Какие бы механизмы ни использовались, они направлены на то, чтобы стереть либо само мучительное чувство, либо, по крайней мере, его осознание.

Согласно описанию принципа удовольствия у Фрейда, организм, осознав ощущение нарастающего психического напряжения, переживаемого как неудовольствие, немедленно разряжает его, чтобы вновь достичь приятного состояния свободы от психического напряжения. Этот механизм является столь же автоматическим, как рефлекторная реакция. Мышечная система используется для разрядки нежеланного нарастающего напряжения, того, что Фрейд называл накоплением психических стимулов.

Когда оказывается, что этот метод разрядки неадекватен для удовлетворения желаний, приходится учитывать требования реальности. Фрейд говорил, что мысль появилась, чтобы ее можно было поставить преградой между импульсом, или желанием, и действием, для того чтобы стали доступными средства, позволяющие более эффективно воздействовать на окружение, чтобы достичь удовлетворения. Мысль можно использовать как в качестве средства, помогающего терпеть фрустрацию, вызванную задержкой удовлетворения желания, так и для того, чтобы выработать какие-то средства, при помощи которых окружение можно было бы вынудить дать желаемое удовлетворение. Это принцип реальности.

Бион нашел идеи Фрейда по поводу принципов удовольствия и реальности, по поводу разрядки психического напряжения в качестве примитивного способа справиться

с фрустрацией и по поводу использования мысли как средства, помогающего справиться с фрустрацией, весьма полезными при рассмотрении пациентов-психотиков.

Пациент-психотик или психотическая часть личности человека ненавидит психическую реальность и поэтому противостоит любому движению к становлению мышления. Он не может терпеть фрустрацию, и эта нетерпимость, по-видимому, не модифицируется обычным способом, так что он продолжает пытаться справиться с психическим напряжением, освобождаясь от него с помощью мускульных усилий. Это можно сделать, например, при помощи экспрессивных движений лицевых мускулов, гримасы или улыбки, или раздраженного возведения очей к небу. Это накопившееся напряжение можно разрядить зевком, кашлем или чиханием или же опорожнением кишечника или мочевого пузыря. То, что при этом выбрасывается, – это не поддающиеся обдумыванию эмоциональные переживания, β -элементы.

Обычно у той пациентки, которая, как упоминалось выше, «проигрывала пластинку», перед сессией происходило обильное мочеиспускание, но если в ходе сессии у нее имели место гневные вспышки, вытекало всего несколько капель. Изливание мочи являлось способом освобождения от β -элементов, выраженным физически, оказавшимся взаимозаменяемым с приступами «проигрывания пластинки», когда для двигательного выброса нежелательного недуманного опыта использовалась речь.

Как показано выше, решение о том, терпеть ли фрустрацию в течение какого-то периода времени или избегать ее, является критически важным для развития личности. Слово «фрустрация» используется здесь, чтобы обозначать желание, которое не было удовлетворено, и, следовательно, вызванное этим мучительное состояние психики, которым может быть, например, депрессия, чувство преследования, отчаяние, чувство зависти или вины, острая тревога, скука, безнадежность. Это психическая реальность, которую так ненавидит и которой так боится психотик, возможно, в осо-

бенности преследующих обвинений, связанных с идеей жестокого супер-эго. Если человек уверен, что такое состояние терпеть невозможно, он начинает предпринимать попытки избавиться от боли, описанные выше. В результате личность лишается материала для мысли, т. е. материала, наделенного смыслом.

Точно так же, как клочок паутины, натянутый между двумя кустами, может внезапно заблестеть на солнце и оттого внезапно оказаться на переднем плане в поле зрения, полностью изменив для человека вид окружающей зелени, так и β -экран может во время сессии внезапно заменить собою контактный барьер. Эта замена происходит путем реверсии α -функции, когда α -элементы зрительных, слуховых и обонятельных впечатлений изменяются обратно в эквивалент β -элементов, вот только теперь, благодаря изменению, через которое они прошли, эти β -элементы, похоже, обладают некоторой аурой личности, эго или супер-эго, сопряженной с ними. В таком виде они напоминают «странные объекты», те фрагменты, которые пациент-психотик воспринимает как столь угрожающие и преследующие (см. главу 13).

Одна женщина с прошлым опытом депривации почувствовала, что ее ощущения депривации и отсутствия заботы внезапно и глубоко поняты аналитиком. Затем, столь же внезапно, она почувствовала себя преследуемой. Она заявила, что больше не придет на анализ, потому что тут в комнате повсюду микрофоны и именно поэтому аналитику удастся так много запомнить. В этом примере опыт понимания и того, что ее поняли, непосредственно предшествовал чувству преследования, ощущению каких-то махинаций у нее за спиной.

Эта перемена является примером реверсии α -функции. Из способствующего развитию опыта, из понятого аналитиком через α -функцию материала изымается смысл, все конвертируется в β -элементы и проецируется вовне, откуда, как представляется пациентке, они угрожают вторгнуться обратно внутрь нее; понимающий аналитик превращается в множество грозных, вслушивающихся и вторгающихся мик-

рофонов. В этих β -элементах теперь, похоже, обнаружились следы угрожающего супер-эго.

В анализе мы пытаемся получить истинные факты о личности, потому выбор, избегать ли фрустрации или модифицировать ее, особенно важен. И в анализе, и в самом себе можно наблюдать этот ежеминутный выбор, избегать ли фрустрации или терпеть ее, от которого зависит наше психическое здоровье.

Когда доминируют попытки избегать фрустрации, все те процессы, которые делают наш опыт доступным пониманию (α -функция), подвергаются атаке психотической части личности путем реверсии, мельчайшей фрагментации и освобождения. Прибегая к этим мерам, психотик опустошает свою психику, но это означает, что он не способен использовать собственный опыт. Он теперь чувствует, что попал в ловушку этого психического состояния, избавившись от средств, при помощи которых он мог бы из него вырваться, т. е. мыслей. Его психика таким образом находится в состоянии прогрессирующего голодания, которое может привести к более тяжелому психотическому состоянию. Во время анализа, когда делается попытка отказаться от разрушения или реверсии α -функции, α -элементы у пациента остаются, но способностью мыслить он еще не обладает.

Если принимается решение модифицировать фрустрацию, выдерживая ее, тогда, вместо разрядки переработанных β -элементов или реверсии α -функции, неприятное переживание держат в уме таким образом, чтобы оно смогло стать осмысленным, т. е. достаточно долго, чтобы α -функция воздействовала на него так, чтобы о нем можно было думать. Это затем приводит к модификации чувства фрустрации, процесса думания самого по себе, и предоставляет некоторое контейнирование мучительному переживанию, тем самым делая его менее невыносимым.

Пациентка бросила курить. Это привело к появлению у нее запоров, что чрезвычайно ее огорчило. У нее возник также и психический «запор», в том смысле, что она стала

не способна высказывать свои мысли во время сессии. Прежде у нее доминировало стремление избегать фрустрации, и она этого достигала с помощью курения. Отказ от курения, который сначала вызвал длительную внутреннюю борьбу, фактически означал, что она приняла необходимость модифицировать фрустрацию ради роста, т. е. начала борьбу против психотической части личности. Вслед за этим она столкнулась с преследующей реальностью, наполненной примитивной тревогой и бессмысленным материалом, который она ощущала как застрявший внутри нее комок и который она теперь не могла изгнать. Она попыталась разрядить это в аналитика, ведя себя провокационно, т. е. пытаясь вызвать критическую реакцию, как уже было показано выше при описании β -экрана. Она застряла на полпути – она больше не избегала фрустрации, но еще не имела достаточно развитой α -функции, чтобы обдумать пути выхода из этого состояния.

Подытожим: β - и α -элементы – это гипотетические величины, для которых может не быть никакой реализации, но удобные для того, чтобы говорить о чем-то, что относится к чувственной сфере и поэтому не является человеческой мыслью (β -элементы), и о чем-то, что еще только становится мыслью (α -элементы).

Категория А6 в Таблице относится к разрядке β -элементов, к действию. Поскольку β -элементы не являются мыслями, другие категории, помимо колонки 2, к ним неприменимы. Когда Биона расспрашивали о категории А6, он сказал, что она

будет отображать не мысль, а действие, производимое с действиями... если никакая мысль невозможна, то индивидуум будет переходить от импульса сразу к действию... Столкнувшись с неведомым, человек уничтожит его. Если придать словесную формулировку зрительному образу, это будет такая реакция: «Вот что-то, чего я не понимаю, – я его убью». Но немногие могут сказать: «Вот что-то, чего я не понимаю, – я должен это прояснить... Вот что-то, что пугает меня, – я спрячусь и буду

наблюдать за ним», или, при еще большей храбрости:
«А ну-ка я подойду и попробую разнюхать, что это».

(Bion, 1990, p. 27–28)

Может произойти нечто наподобие утраты α -функции, когда приходится перейти со своего родного языка на другой из-за переезда из родной страны в другую, где говорят на другом языке. Ева Хоффман в своей книге *Lost in Translation* описывает, как она почти полностью потеряла идентичность по причине практически утраты языка, когда в возрасте 13 лет переехала из своей родной Польши в Соединенные Штаты Америки. Вся ее эмоциональность была облечена в польский язык, и понадобилось много лет, чтобы английский проник в ее глубинную внутреннюю речь. Это аналогия ситуации, когда человек не может абстрагировать существенные эмоциональные и когнитивные элементы опыта, в том числе и в особенности опыта устной речи. Увидев во сне избушку, в которой под земляным полом находился мощный источник тепла, она описывает наступивший наконец прорыв в английский язык так:

Какой-то голос в сновидении говорит:

«Избушка – это Средоточие Желания; само солнце поддерживает здесь Огонь».

Когда я просыпаюсь, я понимаю, что слова, которые я никогда бы не придумала в дневное время, слова, сжатые в метафору и рифму, были созданы где-то внутри моего сна... Английский заговорил со мной языком, который приходит из подсознания, языком, столь же простым и таинственным, как средневековая баллада, гностическая речь, которая предшествует и заменяет собой на наши аналитические сложности... У меня давно в сновидениях появляются английские слова. Но теперь они прорвались, деформируются и переформируются, как если бы они представляли собой кусочки хромосомного вещества, пытающегося реорганизовать себя... Но после того как эта мутация произошла, после того

как язык начинает говорить собою во мне из моих клеток, я перестаю так заикливаться на нем. Слова уже более не колючие кусочки твердого вещества, которые обозначают только самих себя. Они все больше и больше становятся прозрачной питательной средой, в которой я живу и которая живет во мне, – средой, через которую я вновь могу установить связь с собой и миром.

(Hoffman, 1991, p. 243)

Автор, похоже, описывает развитие у себя способности перерабатывать английский язык при помощи α -функции. Прежние «колючие кусочки твердого вещества, которые обозначают только самих себя» – это описание β -элементов.

И в завершение главы цитата из Биона.

Определение значения термина « α -функция» является задачей психоанализа и не может быть осуществлено никакими иными способами. Его статус... является неизвестной переменной, которая должна использоваться для удовлетворения потребности в абстрактной системе, – такой, которая в достаточной мере удовлетворяет требованиям психоанализа.

(Bion, 1962b, p. 55)

Глава 8

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЫСЛИ

Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне. И то, и другое мне нет надобности искать, и только предполагать, как нечто, окутанное мраком или лежащее за пределами моего кругозора; я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое начинается с того места, которое я занимаю во внешнем чувственно воспринимаемом мире, и в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь, с мирами над мирами и системами систем, в безграничном времени их периодического движения, их начала и продолжительности. Второй начинается с моего невидимого Я, с моей личности, и представляет меня в мире, который поистине бесконечен, но который ощущается только рассудком и с которым (а через него и со всеми видимыми мирами) я познаю себя не только в случайной связи, как там, а во всеобщей и необходимой связи. Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает мое значение как животной твари, которая снова должна отдать планете (только точке во Вселенной) ту материю, из которой она возникла, после того как эта материя короткое время неизвестно каким образом была наделена жизненной силой. Второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира, по крайней мере,

поскольку это можно видеть из целесообразного назначения моего существования через этот закон, которое не ограничено условиями и границами этой жизни.

(Kant, 1956, p. 166)¹

В главах 4 и 7 мы уже видели, что Биона занимало генерирование и развитие мысли. Мы хотим теперь в этой главе исследовать природу мысли как таковой. Начнем с краткого обзора философских теорий мышления.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

На протяжении веков философы и в более недавнее время психологи пытались думать о мышлении. Является ли оно деятельностью, в которую включен весь человек, как говорил Аристотель? Или только часть человека, именуемая разум, или душа, как думал Платон? Из чего состоит деятельность мышления и каковы данные, с которыми оно работает?

Гоббс говорил, что содержание знания происходит из сенсорного опыта. Локк утверждал, что к этому содержанию добавляется восприятие разумом своего собственного функционирования. Эти предположительно простые единицы восприятия хранятся и используются в различных комбинациях для создания сложных идей. Локк различал 5 основных операций разума: восприятие; удержание, которое подразделяется на созерцание и память; различение, т. е. решение, являются ли две идеи одинаковыми или различными, и от этого процесса зависит способность к рассуждению и суждению; сравнение одной идеи с другой; и, наконец, композиция, когда простые идеи соединяются вместе в идеи сложные.

Локк иногда рассматривал понятие разума как контейнер идей, в другие моменты – как свечу, которая проливает на идеи свет. Эти идеи, похоже, существуют где-то между объектами, из которых они выведены, и разумом. То, что они возникают в контексте отношений между субъектом и объектом, становится важным аспектом теории Биона. Один из аспектов подхода Локка к мышлению – это теория, согласно

1 Перевод Н. М. Соколова. – Прим. ред.

которой серия мыслей доступна для рассмотрения и перерабатывается разумом вышеописанными способами. Но мысль, что разум есть свеча, способная пролить свет на тьму, передает чувство чего-то гигантского, неведомого, с бесконечными возможностями, лишь малую часть которого разум способен постичь, и лишь в очень слабой степени. Эта последняя идея в большей степени соответствует взгляду Биона.

Говоря о коммуникации и языке, Локк понимал, что огромное число идей в уме, частных, должно быть генерализовано, для того чтобы о них стало возможно говорить. Он использует слово «абстрагирование» для обозначения процесса, при помощи которого идея становится способна ображать больше одной идеи, т. е. множество идей, имеющих некий общий элемент и освобожденных от частных. Когда производятся эти абстрагирования, они являются произвольными, в том смысле, что они созданы человеком, и для его собственного удобства. Иными словами, абстрагирование есть переменная, зависящая от человеческого выбора; это не константа с навеки фиксированной величиной.

Мнение Локка, что мышление есть активный процесс узнавания и оценки, противостоит теории ассоциаций, в которой процесс мышления рассматривается как более пассивный. Ее история восходит к Аристотелю. Упрощенно, простые сенсорные элементы из внешней реальности оставляют отпечаток у готового к их принятию организма и соединяются вместе в более сложные единицы согласно законам ассоциации, таким как сопряженность в пространстве и времени, или сходство, или контраст. Эта теория имеет применение в концепциях выработки произвольных и оперантных условных рефлексов, в которых предполагается, что способность распознавать и различать есть слепая реакция. Ассоциация элементов через сопряженность, сходство или контраст есть форма умственного процесса, которая предшествует мышлению по времени или является мышлением в зародыше.

Выготский (1975) говорил, что подлинное формирование понятий начинается только в подростковом возрасте,

но у детей функциональный эквивалент понятий, которые он назвал «комплексы», выводится на основании ассоциативных связей. Дети не абстрагируют единую характеристику, чтобы сформировать понятие. Хотя ребенок дошкольного возраста может использовать для предмета то же самое слово, что и взрослый, это не понятие, а комплекс ассоциаций. Например, когда взрослый указывает на утку, сажающуюся на воду, слово «утка» для маленького ребенка означает не только птицу, но и плещущую воду, звуки, рябь на озере и т.д. Все это – ассоциативные связи, образующие комплекс. Реальное значение слова «утка» еще не было абстрагировано. В зрелом мышлении, возникающем в подростковом возрасте, формально конструируется или абстрагируется, вместо того чтобы связывать два объекта через сходные или контрастирующие форму и цвет. Выготский говорил, что только в подростковом возрасте человек обретает способность рассортировывать и разбивать на категории по форме или структуре, т.е. по тому одному атрибуту, который связывает предметы. Легко заметить, что Бион, в основе теории мышления которого лежит представление об α -функции, придерживался конструктивистской теории мышления, как и Выготский. Здесь можно видеть огромный разрыв между Бионом и Фрейдом, чья теория мышления восходила к ассоциативной традиции. Бион, как и Выготский, видел в умственных процессах ассоциативного типа матрицу, из которой возникает мысль, но утверждал, что это еще не сама мысль. Каждый ассоциативный элемент, по формулировке Биона, является β -элементом. Философом, который в наше время довел конструктивистский взгляд до его высшей точки, был Сартр. Именно Сартр подчеркивал, что мы несем ответственность за нашу собственную жизнь, что мы конструируем ее. Именно по этой причине он делал особый акцент на способности к воображению. Некоторые философы полагали, что воображение в значительной мере обусловлено следами в памяти, тогда как Сартр утверждал, что оно обладает властью конструировать мир почти из ничего.

Философ Юм писал, что в воображении идеи соединяются вместе некой ассоциативной силой, которая начинает действовать благодаря качествам сопряженности по времени и месту, сходства и причины и следствия. Когда мы наблюдаем постоянное совпадение и регулярное повторение двух сходных событий, происходящее с постоянным паттерном сопряженности во времени и пространстве и следования одного за другим, это вызывает у нас ожидание, что за одним («причина») последует другое («следствие»). Юм говорил, что мы не можем вывести идею причинной связи из постоянной сопряженности¹ – представление о причинности является, скорее, проекцией на внешний мир естественной человеческой тенденции делать причинно-следственные выводы. Иными словами, после того как мы несколько раз наблюдали постоянную сопряженность, наш разум склонен переходить от одного предмета к другому, который всегда сопутствует ему, и таким образом возникает идея о существовании очевидной связи между ними. Бюкенен говорил, что причинно-следственный вывод, который мы делаем о событиях в неодушевленном мире, является проекцией на него моральной категории. Мы подозреваем, что Бюкенен имеет здесь в виду морализирующую категорию, происходящую из параноидной ментальности. Именно параноидная ментальность устанавливает некую линию атрибуции вины. В человеческом мире мы называем это виной, в неодушевленном мире мы называем это причиной. Бюкенен полагал, следовательно, что человеческое проецируется на неодушевленное. Идея Бюкенена о человеческом происхождении причин и следствий и его понятие постоянной сопряженности восходят к Юму.

На протяжении XIX века интерес к бессознательным аспектам психики вышел на передний план при изучении

1 В данном контексте (со ссылкой на Юма) и далее вариант перевода термина «constant conjunction» как «постоянная сопряженность» представляется более удачным, несмотря на то, что в ранних публикациях на русском языке (напр.: *Гринберг Л. и др. Введение в работы Бюкенена*. М.: Когито-Центр, 2007) был использован вариант «устойчивая связь». – Прим. ред.

диссоциированных состояний, гипноза, экспериментов со словесными ассоциациями, и с признанием иерархической структуры как психики, так и центральной нервной системы. Например, Хьюлингс Джексон высказал наблюдение, что разрушение функции более высокого центра в центральной нервной системе приводит к снятию ингибирования более низкого центра. Кроме того, теория константности Фехнера породила представление, что стимуляция нарушает психологическое или нейрологическое равновесие; после этого нарушения требуются меры, чтобы восстановить устойчивое состояние. Фрейд основывал свою теорию влечений на теории константности Фехнера¹. Эти идеи подтолкнули теории мышления в направлении ассоциационизма. По нашему мнению, мышление, основанное на ассоциационистских идеях, на самом деле вовсе мышлением не является. Собственно говоря, связь по ассоциации может вытеснять мысль, в Таблице Биона ее можно отнести в колонку 2. Мы можем также видеть, что представление Фрейда о существовании причинно-следственной связи между элементами свободной ассоциации опирается на ассоциационизм.

Теория мышления Фрейда охватывает многие из этих идей. Он считал, что репрезентации, выведенные из внешних фактов, а также те, которые являются результатом состояний внутреннего возбуждения, могут иметь форму образов, идей, ощущений, состояний напряжения и других чувств. Он выработал понятие двухуровневой иерархии мышления: первичные процессы, связанные с бессознательным, на которые накладываются вторичные процессы в предсознательной системе. Первичный процесс – это опять же психическая активность ассоциативного типа, тогда как вторичный процесс ближе к бионовской модели мышления, таким образом происходит метаморфоза из одного в другое. Блон исследовал это в *Transformations* (1965).

1 Сегодня теорию константности называют теорией гомеостаза – название, которое ей дал У.Б. Кэннон (W.B. Cannon).

Первичный процесс функционирует в соответствии с принципом удовольствия – боли, т. е. он основан на стремлении организма, когда тот выведен из равновесия состоянием напряжения, вызванным стимуляцией, вернуться к своему прежнему состоянию равновесия. Так что его корни – в гомеостатической теории. Первичный процесс мышления, следовательно, основан на модели рефлекса: наращивание напряжения, создающее неудовольствие, за которым следует разрядка напряжения, облегчение, которое переживается как удовольствие. На этом уровне функционирования мысль и действие – это одно и то же, так что галлюцинаторное удовлетворение, т. е. вызывание образа источника облегчения, фактически может, пусть всего лишь временно, облегчить напряжение.

Желание было определено как ток, который начинается от неудовольствия и нацелен на удовольствие; первым желанием было это галлюцинаторное катектирование памяти, или мнестического образа предшествующего удовольствия. Во вторичном процессе мнестическому катексису не позволено доходить до восприятия, т. е. не допускается галлюцинация. Вместо этого задержка разрядки напряжения достигается посредством мысли, пока организм ищет способ так воздействовать на среду, чтобы достичь источника удовлетворения. Когда идеи, выведенные из мышления, начали ассоциироваться со словами, мысли получили возможность сделаться предсознательными или сознательными.

Фрейд утверждал, что сновидения – это скрытые желания, использующие для своего отображения образы, полученные из воспоминаний и постоянно возникающей соматической стимуляции. Используемые в работе сновидения механизмы, такие как сгущение и смещение, делают желание доступным.

Если Фрейд рассматривал мысль как средство снизить напряжение, Бион видел в ней средство управления напряжением. Мнение Фрейда, что сновидения – это галлюцинаторное исполнение желаний, является последовательным

результатом его идеи о том, что мотивацией управляет потребность организма снизить напряжение. Бюнглер не разделяет этого взгляда, а понимает сновидения как процесс, при помощи которого фрустрация и напряжение соединяются и трансформируются мыслью.

Альфред Бине, французский психолог, был современником Фрейда, хотя и умер на 28 лет раньше. Он начал с ассоциационистской модели мышления, но в результате длительных наблюдений за шахматистами, людьми исключительно талантливыми в счете, литераторами и детьми (включая своих собственных) он изменил мнение и стал считать, что эмоция неотделима от мышления. Он утверждал, что мышление динамично и связано с позицией готовности к действию. Для того чтобы что-нибудь понять, требуется внутренний акт понимания,

который никакой образ... никогда не может отобразить... Более того, можно... достичь понимания без помощи какого бы то ни было образа. Это понимание... возникает из осознания позиции, конкретной, неопределимой позиции, которая создает впечатление легкости, преодоленной трудности, интеллектуальной мощи... Таким образом, понять слово, значит почувствовать наступление этой реакции; <...> мы признаем тот парадокс, что невозможно понимать без интеллектуального осознания; ощущение понимания появляется, когда вовсе еще ничего не понято; человек понимает, не понимая.

Это очень ясно показывает пропасть, разделяющую два взгляда на психическую жизнь: прежний взгляд – рациональный, объясняющий, логический, и другой –

теорию действия, согласно которой психическая жизнь никоим образом не есть разумная жизнь, а есть хаос тьмы, исчерченный вспышками света, нечто странное и прежде всего не непрерывное, оно всего лишь казалось непрерывным и рациональным, потому что, после того

как событие произойдет, его описывают при помощи языка, который всюду вносит порядок и ясность.

(Альфред Бине, цит. по: Reeves, 1965, p. 247–248)

Согласно этой последней точке зрения на мышление, разум зондирует тьму и тогда частички реальности внезапно оказываются освещены. Таким образом, она опирается на теорию действия и напоминает горизонтальную ось Таблицы Биона, конечной точкой которой являются зондирующие исследования и действия.

Прежний подход к мышлению предполагал его «рассмотрение» как аналога зрения, как серии состояний, порождаемых впечатлениями от сенсорного мира, проходящими перед глазами. В соответствии с ассоциационистской идеей мышления, соединение этих образов происходит в соответствии с принципами сходства, сопряженности в пространстве или времени: предметы связываются, скорее, через перцептивное, чем через формальное сходство. Взгляд на мышление с точки зрения действия, естественно, связан с идеей, что обретение знания происходит через деяние.

Бине, который начинал с ассоциационистской точки зрения, пришел к тому, чтобы рассматривать мышление как нечто аналогичное, скорее, действию или процессу, чем структуре или состоянию. С этой точки зрения психика *и есть* активность, тогда как с позиций ассоциационистов психика видится как некий мешок, внутри которого побрякивает великое множество разнообразных предметов.

Мелани Кляйн, хотя и придерживалась теории инстинктов, выработала идею фантазийного внутреннего мира объектных отношений, где эго и объекты могут расщепляться на различные части. Она описала механизм проективной идентификации, который позволяет в фантазии отщепить части своего Я и путем проекции поместить их внутри другого. Эти проецированные в кого-то объекты становятся преследующими, угрожающими аннигилировать эго, которое их исторгло. Это порождает тревогу преследования, которая

связана со страхом причинить вред своему Я, характерным для параноидно-шизоидной позиции. В этой позиции фрагментируется как эго, так и объект. Это состояние психики сменяется депрессивной позицией, в которой произошла интеграция Я и объекта и присутствует осознание цельного, амбивалентно любимого объекта. Доминирующая тревога в этой позиции – это тревога за безопасность объекта от наших собственных деструктивных устремлений. От этого ориентиры человека полностью меняются. Способность произвести этот переход от параноидно-шизоидной к депрессивной позиции есть основа психической стабильности. Она рассматривала этот переход не только как стадию развития, но также и как смену позиции, которую необходимо регулярно, время от времени, совершать на протяжении всей жизни. В депрессивной позиции индивидуум способен терпеть боль, сожаление, вину и стыд, вместо того чтобы избавляться от них. Этот взгляд, таким образом, противоречит точке зрения Фрейда, поскольку теория постоянства предполагает, что боль уменьшается за счет уменьшения напряжения. Идея о том, что психическая боль – это нечто, что следует пережить и что способствует росту, чужда схемам Фрейда.

Бион признавал значимость колебаний между этими позициями, которые он обозначил как движение $PS \leftrightarrow D$, в качестве важного для психической жизни момента по другой причине – потому, что оно отображает основной механизм мышления. Оно описывает перемещение из аморфного состояния хаоса в состояние когерентности, которое формируется под действием избранного факта. Таким образом, он акцентирует интегрирующую способность избранного факта, приводящую к переходу $PS \leftrightarrow D$ в направлении когерентности и «спонтанному обнажению» истины.

Мелани Кляйн описала, как инстинкт жизни ведет к перенаправлению младенцем инстинкта смерти вовне, поскольку он не может терпеть его внутри себя. Бион рассматривал это как нетерпимость к фрустрации, ведущую к полному освобождению от психических содержаний, которые вос-

принимаются как невыносимые. Преследующие чувства переживаются как вещь-в-себе, а не как мысль, и происходит умственное освобождение от них, сопровождающееся мускульным действием.

Понятие проективной идентификации, предложенное Мелани Кляйн, подкрепляется у Биона понятием $\varphi\sigma$ – взаимодействия, которое ведет к взаимному развитию или к взаимному уничтожению и обеднению смысла, в зависимости от того, какой будет эмоциональная связь: К (или L, или H) или –К (–L или –H). Например, если тревогу, вызванную проективной идентификацией, удастся терпеть достаточно долго, чтобы думать о ней, значит, имеет место К-связь и, следовательно, $\varphi\sigma$ является симбиотическим или комменсальным. Если, однако, чувство невозможно вытерпеть, значит, присутствует –К-связь и личность становится жертвой преследующих чувств, поскольку смыслу не позволено появиться.

Основной интерес Пиаже был направлен на развитие когнитивных структур. Он описал два адаптивных процесса – ассимиляцию и аккомодацию – как основные факторы развития мысли. Он понимал когнитивное мышление как некие действия, которые изначально производятся над внешней средой и постепенно интериоризируются. Более сложные интеллектуальные операции рассматриваются им как абстрактные формы более простых и предшествующих по времени операций. Он был убежден в существовании тесной связи между аффектом и когнитивным мышлением. Протицируем Пиаже:

Жизнь аффекта, подобно жизни интеллекта, представляет собой постоянную адаптацию, и эти два явления не только параллельны, но и взаимозависимы, поскольку чувства выражают интерес и ценность, вкладываемые в действия, которым интеллект придает структуру. <...>

Личные схемы, как и все прочие, являются и интеллектуальными, и аффективными. Мы не можем

любить, не пытаясь понять, мы не можем даже ненавидеть без тонкого использования суждения.

(Цит. по: Flavell, 1968, p. 80–81)

Мы не можем рассуждать даже в чистой математике, не переживая определенных чувств, и, напротив, никакой аффект не может существовать без некоего минимума понимания или различения.

(Пиаже, цит. по: Reeves, 1965, p. 265)

Исследования Пиаже подтверждают тот факт, что мысли всегда имеют эмоциональный компонент, а эмоции – компонент когнитивный. Описательный анализ Биона созвучен этой теории Пиаже.

Бион о мышлении

Чтобы перейти от фрейдовского понятия мышления как посредника между импульсом и действием, позволяющего найти более подходящие выходы для удовлетворения импульса, к формулировке Биона, нужно сделать большой шаг. Бион указывает, что мысль теперь требуется для того, чтобы думать о Я и о своих собственных мыслительных процессах; что аппарат для думания должен адаптировать себя к этой цели, а он все еще находится на зачаточной стадии. По мнению Биона, человеческая личность значительно лучше приспособлена думать о неодушевленных предметах, как в чистой науке, чем о личности. Его точка зрения предполагает, что мысль изначально использовалась людьми как средство овладения окружающей средой и помогала обратить ее на человеческие нужды и цели. Только теперь мысль начинает направляться на внутренний эмоциональный опыт.

Как нам начать осознавать наши собственные процессы мышления? Бион считал вероятным, что психический аппарат мышления развился из аппарата, отвечающего за функционирование респираторной, экскреторной и пищеварительной систем. Эта часть психики в курсе активных процессов, происходящих в этих системах, процессов принятия,

расщепления на основные составляющие, различения, распознавания и выбрасывания ненужного. Языковые конструкции, которые мы выработали, чтобы думать о психических процессах, часто основаны на этих телесных функциях. Когда мы применяем их к психике, мы делаем это метафорически. Описание этих процессов звучит очень похоже на основные операции разума по Локку.

Теперь возникает вопрос относительно данных, с которыми работают эти процессы. Помимо сенсорной информации, приходящей из внешних и внутренних источников, существуют ли заранее идеи и мысли, которые требуют обдумывания, или мысли производятся мыслительным процессом? И хотя Бион находит необходимым постулировать производство, по крайней мере, примитивных мыслей аппаратом думания, он считает полезным разделять два явления – мысли и аппарат для думания мыслей: «Есть основания предполагать, что примитивное „мышление“ в ходе развития мысли, следует отличать от мышления, необходимого для использования мыслей» (Bion, 1963, p. 35).

Идея Биона состоит в том, что заранее существуют мысли, которые «ожидают» того, кто обдумает их; следовательно, человеку нужно разработать мыслительный аппарат, чтобы эти мысли можно было сделать явными, думая их. Используя эту идею, можно отдельно рассматривать так называемый «аппарат» мышления и его развитие, но она порождает также картину бесконечного числа потенциальных мыслей, доступных разуму, который занят тем, что учится из опыта.

Использование модели младенчества предполагает, что когда ребенку нужна грудь для того, чтобы облегчить его дискомфорт, и ему приходится ждать, потому что грудь отсутствует, он переживает свою боль так, будто грудь присутствует, но не дается ему; иными словами, опыт, что груди нет, обращается опытом присутствия жестокой «не-груди». Это наличие внутри него отсутствующей груди, которая ощущается как нечто жестокое и депривующее, есть убеждение, которое заняло то место, где «могла бы быть» мысль.

Это отсутствие либо провоцирует создание мысли, либо порождает плохой отсутствующий объект, который можно затем изгнать – процесс, который фиксируется в личности как убеждение. Мысль подобна негативу предмета. Если мы думаем о дереве, то мысль появляется потому, что дерево в уме отсутствует. Его присутствие волшебным образом вызывается мыслью, но это присутствие подобно негативу реального объекта. Пациентка не переживала отсутствие своего аналитика как мучительное, но когда она вернулась после перерыва, то воспринимала аналитика как чудовище.

Поскольку младенец имеет конкретный опыт боли и фрустрации наряду с мыслью о депривующей не-груди, эта последняя ощущается как неотделимая от мучительного переживания, т. е. мысль есть то же самое, что и вещь-в-себе, не-грудь. На первый взгляд это выглядит как теоретизирование, далекое от клинического опыта. На самом же деле все прямо наоборот. Мы приведем для иллюстрации только одну маленькую виньетку. Аналитик должна была отсутствовать на протяжении пяти недель. Пациент сказал, что так даже легче; у него будет больше времени на семью, и он сможет по утрам дополнительно поработать. Незадолго до перерыва, однако, между ним и его партнером по работе вспыхнул жуткий конфликт. Он немало потрудился, создав на компьютере образный литературный текст, очень поэтичный по форме, который стал ему чрезвычайно дорог, а его партнер просто стер этот текст, сказав, что ничего в нем особенного нет. Пациент был глубоко уязвлен и говорил, что если бы мог себе это позволить, то просто уволился бы. В этом выразилась боль. Это была боль по поводу отсутствующего аналитика, не-груди, но переживаемая как бесчувственность его партнера. Приходится задаться вопросом: «Почему она не переживалась напрямую?» Боль отсутствия, боль не-груди, если о ней не думать, проецируется в объект, который становится преследующим. В этом случае боль была спроецирована в отношения с его партнером. Если бы она переживалась напрямую в отношениях с аналитиком, она была бы мы-

слюю. Аналитик сосредоточил свои интерпретации на боли пациента по поводу отсутствия аналитика. Эта не-грудь, этот мучительный опыт является β -элементом; а с мучительным опытом справляются путем опорожнения.

Когда грудь появляется и кормит его, он может переживать ее как изгнание плохой груди. Хорошая грудь у него во рту, это конкретный предмет, так же как и плохая грудь, которую он изгнал. Но плохая грудь, неприсутствующая хорошая грудь, отличается тем, что она не ассоциируется с чувственным объектом. Это β -элемент. Как конкретный опыт отделяется от мысли, от психической репрезентации? Мы опять можем приблизиться к пониманию этого благодаря клиническому примеру. Одна женщина не подавала никаких признаков того, что на нее болезненно влияют выходные дни и другие перерывы в ее анализе, но сразу же после перерыва она всегда начинала говорить об анализе с горечью и презрением. После нескольких сессий, однако, она успокаивалась и становилась довольной. «Кормление» явно позволяло ей отбросить плохой опыт отсутствия. Однако было ясно, что, хотя она чувствовала себя лучше в спокойном состоянии, это состояние содержало в себе и плохие элементы: она была покорна с аналитиком вне зависимости от того, что он говорил. Было также ясно, что когда она проявляет горечь и презрение, она выражает нечто истинное и точное, особенно некоторые очень уместные критические замечания в адрес аналитика. Для ребенка также определять отсутствие как нечто плохое, а кормление как нечто хорошее – значит прекратить владение объектами посредством мысли. Ясно, что разрешение этой примитивной морали, где хорошее и плохое привязаны к чувственному присутствию, происходит через трансформацию к психической репрезентации.

Проблема отделения конкретного переживания от мысли, которая является его репрезентацией, но не воспринимается как сама вещь, вероятно, может быть разрешена посредством процесса абстрагирования; существенные элементы распознаются в опыте и извлекаются из него. Нечто сходное должно

происходить под действием α -функции: существенные части опыта, матрица β -элементов, распознаются и выделяются из всего остального.

Можно представить себе зачаточные формы мышления, которые могут протекать только в присутствии самих реальных объектов, точно так же, как ребенок выполняет простые арифметические действия, перебирая реальные предметы: например, складывая три апельсина и два апельсина, чтобы получилось пять апельсинов. Как происходит переход, позволяющий ребенку думать об этих манипуляциях с предметами, вместо того чтобы быть способным произвести их, только держа реальные предметы в руках?

Младенец исследует предметы, засовывая их в рот или ощупывая руками. Приходит ли осознание, что такое исследование можно производить в уме без помощи источника сенсорной информации, интуитивно? Фрейд пытался подойти к этой проблеме через гипотезу, что, когда слова начинают ассоциироваться с идеями, эти последние можно обдумывать сознательно. Это объяснение неадекватно. Выготский (1975, р. 5) считал дуалистической ошибкой отделять мышление от речи, так как они связаны вместе через значения слов. Он говорил, что значение слова есть акт мысли, в том смысле, что оно представляет собой *обобщенное* отражение реальности, но в то же самое время принадлежит к сфере языка.

Младенцу нужна грудь, пациенту нужно присутствие аналитика. В какой момент младенец становится способен ощущать присутствие матери через психический образ, и когда пациент становится способен ощущать присутствие аналитика в мыслях? В какой момент желание младенца получить грудь переходит от потребности удовлетворить голод в жадность? И в какой момент потребность пациента в присутствии аналитика переходит из категории потребности в категорию пассивности? В какой момент пациент начинает генерировать мысли сам?

Основой мысли является отсутствие. Мысль сама по себе несет некую конструктивную функцию: она создает из ба-

зовых элементов опыта осмысленный паттерн. β -элементы, таким образом, являются базовыми элементами отсутствия. Однако единственный способ это эмоционально зарегистрировать – через мучительную преследующую идеацию, «частичками» которой являются β -элементы. Поскольку мысль имеет конструктивную функцию, корень ее лежит в α -функции, которая трансформирует преследующую идеацию в осмысленный паттерн.

Глава 9

ПСИХИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Всякий, кто не потрясен квантовой теорией, ее не понял.

(Нильс Бор, цит. по: Davies, 1984, p.100)

Генетическая (вертикальная) ось Таблицы связана с процессом извлечения формы из сенсорного/эмоционального опыта. В этой главе мы сопоставим психическую и сенсорную реальности, поговорим о процессе абстрагирования и моделях, которые мы используем для описания нашего эмоционального опыта.

Наука основана на наблюдении и эксперименте. Она пытается создавать гипотезы, которые являются суждениями о постоянных соотношениях, наблюдаемых между определенными предметами или событиями, которыми занимается данная конкретная область науки. Впоследствии может выясниться, что предложенная гипотеза является частным случаем обобщенного закона. Например, Коперник понял, что планеты движутся вокруг солнца, а Кеплер – что траектория их движения эллиптическая. Ньютон обратил внимание, что все тела падают в направлении Земли с одинаковым ускорением. Это были две гипотезы, каждая из которых утверждала, что определенные факты регулярно происходят вместе, т.е. гипотеза описывала постоянную сопряженность. Затем Ньютон (и вместе с ним Гук) понял, что и то, и другое явля-

ются примерами одного и того же закона – закона тяготения. Такое обобщение фактов происходит путем абстрагирования значимого соотношения между наблюдаемыми предметами; в данном случае силы, возникающей между двумя массами. Закон – это результат абстрагирования гипотезы, выведенной из наблюдаемых эмпирических фактов.

Закон объясняет явления, но не является их причиной. Эйнштейн понял, что гравитация не является окончательной силой, что она связана с искривлением пространства; иными словами, гравитация, в свою очередь, подпадает под еще более общий закон.

Абстрагирование позволяет нам иметь дело с предметами вообще, так что нам не приходится рассматривать множество конкретных отдельных примеров; это весьма облегчает задачу мышления. Затем можно посмотреть, проливает ли конкретная абстракция свет на какие-то примеры помимо тех, из которых она была выведена.

По большей части наука имеет дело с наблюдением неодушевленных фактов, даже когда ее предметом является нечто живое; например, проводятся измерения, сколько времени нужно крысе, находящейся под воздействием наркотиков, чтобы найти находящуюся под водой в искусственном водоеме платформу, или сколько проходит времени, прежде чем младенец начинает реже имитировать выражения лица матери.

В анализе рассматривается эмоциональная жизнь, внутреннее бытие. Реальность или психическое качество, с которыми мы имеем дело, могут быть постигнуты интуитивно, через живое взаимодействие между двумя людьми в аналитической ситуации. Этот процесс нельзя адекватно описать языком, применимым к неодушевленным предметам, но ведь другого языка у нас нет. Важно, что язык, который мы используем для описания психической реальности, весь состоит из аналогий. Мы не знаем, как, и в самом ли деле, наше восприятие этой психической реальности проходит через обычные сенсорные каналы, и если это так, то каким образом

мы его понимаем. Любовь, ненависть, зависть, даже тревога не могут быть описаны в терминах входящей сенсорной информации, и хотя изменение частоты пульса и кровяного давления, например, при тревоге, поддаются наблюдению, это ничего не говорит нам об эмоциональном содержании. Блон пишет, что «полезно постулировать для эмоционального опыта чувственные впечатления, аналогичные чувственным впечатлениям от конкретных предметов» (Blon, 1962b, p. 55–56).

Лексика и модели, которые мы используем, происходят по большей части из описания неодушевленных предметов, и поэтому дают обманчивое представление о психической реальности, о которой идет речь. Например, в этой книге мы используем такие слова, как «насыщение», «контейнер», «связь», «кристаллизация», «внутренние объекты», восходящие к неодушевленным предметам. Это, как правило, создает у нас в уме чрезвычайно обманчивую физическую картину психического мира. Те материи, которыми занимается анализ, не воспринимаются обычными органами чувств. Слова восходят корнями к сенсорному фону и поэтому не подходят для аналитического поиска, но, тем не менее, приходится пользоваться ими. Из-за этого несоответствия аналитическая терминология быстро теряет свою жизненность и становится механической. Идею того, что требуется для трансформации эмоционального опыта в средство коммуникации, выражает язык поэзии и искусства.

Возможно, здравый смысл говорит, что всем известно значение терминов «любовь», «ненависть» и т. д., но, в чем именно состоит различие между ними, можно ощутить только через психоанализ. Блон подчеркивал, что это очень несовершенный инструмент, но при нынешнем состоянии знания никакого другого не существует. Когда был изобретен микроскоп, он раскрыл новые факты, ранее не доступные для восприятия; однако электронный микроскоп позволил ученым увидеть значительно больше. Допустим, психоанализ эквивалентен микроскопу; в будущем кто-нибудь может открыть

электронный микроскоп. Когда эмоция реально присутствует в аналитической ситуации, возможно определить ее составляющие – то, что именно отграничивает любовь от ненависти, или зависть от восхищения. И хотя на основании здравого смысла все «знают» разницу между любовью и ненавистью, основания для научного их разграничения неизвестны.

Фрейд говорил, что для того, чтобы иметь дело с реальностью, организм вынужден был выработать мысль; что немедленный выброс доставляющих неудовольствие элементов не предоставляет никаких возможностей для изменения окружающей среды. Человеческие существа видоизменяют мир, как социальный, так и неодушевленный, для достижения своих целей. Внутренним источником конструктивной деятельности человеческих существ является мысль, корнем которой, по представлению Биона, является α -функция. Таким образом, мышление выработалось, чтобы быть посредником между импульсом и действием. Без осознания эмоционального опыта психика голодает и не развивается, а наоборот, разрушается, как можно видеть, когда психотические процессы продолжают, не ослабевая. Препятствия на пути этого процесса самоосознания эмоционального опыта возникают не только у явно психотичного пациента, но также и в психотической части личности, которая, как мы можем предполагать, в той или иной мере присутствует в каждом из нас.

Альфа-функция – это то действие в непсихотической части личности, которое каким-то образом позволяет выделить из этого эмоционального опыта значимые аспекты, необходимые для эмоционального развития.

Для того чтобы думать о нашем мышлении и о нашем эмоциональном опыте, мы создаем модели. Примерно так же, чтобы придать смысл наблюдаемым явлениям, аналитик образует модели того, что, как он думает, происходит в аналитических отношениях. Этот процесс создания моделей происходит путем одновременной корреляции сознательных и бессознательных данных, которая описывается термином *контактный барьер*, нечто вроде бинокулярного зрения. Эти

модели, которые могут относиться к любым аспектам жизни, обеспечивают аналогии для ситуации, как ее воспринимает аналитик. Например, абстракции на основе эмоциональных переживаний, связанных с пищеварением, применяются для обдумывания наших мыслительных процессов, которые часто выражены теми же словами, что используются для описания процессов пищеварения: такие, например, выражения, как разжевывать информацию для размышления; обсасывать тему; проглотить сказанное вместе с крючком и наживкой; переваривать и впитывать некую мысль; неудобоваримые факты.

Модель может происходить из любой сферы, например, из младенчества и детства, из химии и физики, или относиться к другим физиологическим сферам: экскреторной, респираторной, репродуктивной и т. д. Модель – это конкретная аналогия отношений, которые мы пытаемся описать. Поэтому она порождает яркий образ и легко понятна.

Мужчина средних лет, мистер Г., раз за разом прерывал поток своей речи замечаниями, содержащими самоинтерпретации, которые обычно состояли всего лишь в прямом переложении на себя того, что он только что рассказал о ком-то другом. Он начал свою сессию словами, что коллега на работе раскритиковал его отчет, на который он потратил столько времени в последние несколько дней. Он быстро продолжил: «Я знаю, что я критикую вас и вашу работу». Это звучало вкрадчиво и несколько неискренне. Он согласился, что счел: аналитик, наверное, тоже так думает, и хотел успеть сказать это первым.

Модель аналитика для этой ситуации была такова: некий вторгающийся третий, который действует как посредник, нарушающий ход событий своим сообщением. Другой моделью был бы маленький ребенок, которому хотелось верить, будто он помогает матери кормить малыша, взявшись контролировать грудь.

Пациент может прийти в анализ потому, что его процесс создания моделей застопорился, или потому, что модели,

которые он формирует на основании своей эмоциональной жизни, не те, что способствуют психическому развитию. Выражением неудачных моделей могут быть фантазии, создание моделей происходит также и в сновидениях.

После описанной выше сессии у мистера Г. было такое сновидение. Он только что переехал в другой дом, в более модной части Лондона, и возвращался в свое прежнее жилище, чтобы забрать автоответчик. Он думал, что две старушки – квартирные хозяйки – пожалеют, когда увидят, что аппарат уносят, но на самом деле они были чрезвычайно рады помочь ему забрать его. Аппарат был большим и выглядел немножко похожим на швейную машинку или ксерокс. Было ясно, что этот аппарат в сновидении – его модель некоего процесса, который мешал контакту в ходе сессий. Он не только встречал между ним и аналитиком, но и был его способом «сшивать» материал в одеяние на свой вкус, вместо того чтобы услышать от аналитика что-то менее лестное. Эта яркая модель оказалась полезна тем, что в ней присутствовали черты швейной машинки и ксерокса, причем последний относился к тенденции пациента просто повторять все, что он сказал о другом, применяя это без изменений к себе. Сновидение показывает также, что предшествующая сессия позволила ему отделиться от аналитика, представленного двумя старушками – квартирными хозяйками.

Многие модели происходят из мифов, которые возникают в обществе и используются им. Миф об Эдипе сыграл значительную роль в развитии психоаналитической мысли, и модели, происходящие из этого мифа, по-прежнему жизненны. Отдельные элементы мифов могут быть более важны, чем вся изложенная в них история, например, характер Эдипа, который добивался истины, невзирая на предостережения, а впоследствии ему потребовалось ослепить себя после того, как эта истина открылась.

Модели выражают материал в конкретных образах и часто предполагают причинно-следственные связи между одним событием и следующим. Преимущество присущего моде-

лям свойства конкретности в том, что они вновь привносят чувство реальности и яркости в то, что иногда слишком далеко отошло от своих корней, но у них есть и тот недостаток, что они могут оказаться слишком конкретными, слишком вещественными, чтобы точно представить ту реальность, которую мы пытаемся понять.

Поэтому нам следует обратиться также к процессам абстрагирования, при помощи которых извлекается сущность отношений. Абстракция должна быть способна точно передать не только модель, но также и отношения, отраженные в исходном эмоциональном опыте. Изначально абстрактную версию может быть труднее понять, но она более точна, и описывает конкретные отношения между предметами, а не сосредоточена на описании их деталей. Позднее может оказаться, что абстракция способна репрезентировать и другие эмоциональные ситуации, т. е. может быть генерализована.

Абстракция для материала мистера Г., описанного выше, была бы такова – помеха конструктивному взаимодействию. Примеры из области пищеварительной системы, приведенные выше, являются яркими конкретными моделями; можно почти видеть, как мысли разжевываются, перемалываются на более мелкие составляющие, которые затем впитываются в более крупную структуру, чтобы быть использованными в качестве строительных блоков. В этом случае абстракцией, имеющей более широкое применение, будет взаимодействие между контейнером и его содержимым, приводящее к росту. Такова природа связи между объектами, которая представляет собой абстракцию. Связь, описанная в материале мистера Г., – мешать выявлению истины.

Пациентка, миссис А., незадолго до каникул рассказала два сновидения. Первое сновидение было по существу о том, что, если отбросить весь мусор, удастся отыскать в ситуации, когда ее бросили, достаточно материала, чтобы выжить. Следующее сновидение – она в лифте, и внезапно этот лифт падает на этаж ниже. Интерпретации по поводу инфантильного

чувства, что ее бросили, но она способна выжить, спровоцировали появление материала об усыновленных детях и о постоянной тревоге матерей о них. Внезапно она поднимается и садится, но в ответ на интерпретацию о том, что ей нужно сесть, чтобы за всем приглядывать, и ощущать поддержку, пациентка заговорила о своей кухне, которая пришла и помогла ее маленькому сыну сесть и сидеть самостоятельно, и оказалось, что он уже может это. Ей самой на тот момент не приходило в голову сделать это; она не думала, что он сможет. Это явно относилось к ощущению пациентки, что у нее больше внутренней силы, чем полагает ее «тревожный» аналитик. У аналитика возникло воспоминание о беременной женщине, которая не желала до рождения знать пол своего младенца, хотя ей могли бы сказать. Это зрительное воспоминание аналитика, само по себе модель, породило после абстрагирования идею не только усилившейся способности терпеть ожидание, ассоциированной с ростом осознания матерью компетентности своего младенца, но также ожидания, сопровождающегося приятным чувством нетерпения, вместо необходимости знать заранее, чтобы не быть застигнутой врасплох. Сновидение, где она рылась в мусоре, чтобы найти достаточно ресурсов для выживания, было отрицанием реальной способности выжить. Следующей абстракцией была бы идея доверять отсутствующему объекту. Пациентка в данном случае показывала, что ее способность терпеть состояние незнания, и тем самым сепарации, более развита, чем до сих пор считал аналитик. Здесь в уме аналитика внезапно возникла модель, которая позволила понять суть материала. Ее можно было затем абстрагировать в интерпретацию о возросшей терпимости, связанной с ростом внутренней силы.

Абстракцию можно генерализовать, т. е. ее можно применять ко многим разным аналитическим ситуациям, тогда как модель, из-за ее конкретности, значительно более ограничена в своем применении к другим ситуациям.

Модель может быть слишком близка к реальному опыту, чтобы эффективно сделать его эмоционально ощутимым.

Например, молодой человек в начале сессии, на которую он пришел с пятиминутным опозданием, говорит, что на дороге пробки, потому что пятница. Используя это как модель, можно сказать, что его умственный трафик также затруднен из-за перерыва на выходные, и это заставило его опоздать на сессию. Такая интерпретация может быть полезна в анализе один раз, но повторять ее бесполезно, поскольку она слишком близка к реальному высказыванию пациента. Затем пациент вернулся к критике своего отца, который, по его мнению, чрезмерно его контролирует. Много сессий и масса времени были посвящены этой теме, несмотря на многократные попытки ее интерпретировать. Это реальные транспортные пробки, мешающие его анализу. Не содержание материала о его отце, а тот факт, что он снова и снова соскальзывает к нему, мешает реальному контакту между пациентом и аналитиком. Восприятие этой «транспортной пробки» возникает из переживаемого аналитиком во время сессии чувства, что его попытки пробиться к пациенту тормозятся.

Когда модель слишком близка к реальному переживанию, решение состоит в том, чтобы либо абстрагировать ее далее, как в данном примере, где аналитик через переживание преграды при контакте смог увидеть, что процесс блокировки носит общий характер, либо найти новую модель.

В клинической ситуации абстрагированное из модели используется для интерпретации, но сама модель или другая модель, производная из нее, также может задействоваться, чтобы обеспечить более яркую иллюстрацию того, о чем идет речь в интерпретации.

Так, в клиническом примере с миссис А. интерпретация, в которой модель использовалась практически напрямую, была бы такова: как ее малыш способен уже сидеть сам, так и у нее больше внутренних сил, чтобы справляться самостоятельно, чем признавалось ранее. Кроме того, используя другую модель, можно было бы высказать интерпретацию, что она теперь способна ждать и ей не нужно куда-то вторгаться и что-то выяснять, как той матери было не нужно

знать пол своего ребенка до его рождения. Дальнейшие интерпретации, основанные на абстрагировании от модели, могли бы касаться перехода от позиции, что ей необходимо знать и для этого забраться внутрь ума аналитика, к позиции, когда она готова рисковать быть отдельной и учиться через новое переживание. Дальнейшее абстрагирование – новое знание приходит через индивидуальное переживание ситуации, а не взгляд на нее глазами аналитика.

Когда мы предлагаем интерпретацию, не осуществляем ли мы просто подмену понятий, или же ей соответствует некая реализация; являются ли наши действия чем-то большим, нежели ловкой манипуляцией символами? Действительно ли пациент соприкасается с чем-то, способным пролить свет на ситуацию, переживает ли он некий изменяющий его эмоциональный опыт, или он просто вызубривает новый набор слов, так что теперь он может говорить о себе как-то по-новому, но не переживает в анализе никакого реального эмоционального опыта?

Глава 10

РАЗВИТИЕ МЫСЛИ

*За окном я не вижу звезд:
Что-то более близкое,
Хотя и более глубокое, в темноте
Пронизает одиночество.*

(Ted Hughes, 1982, p. 13)

ИЗБРАННЫЙ ФАКТ

Материал аналитической сессии включает высказывания пациента и восприятие пациента аналитиком вместе с его собственными переживаниями, прошлыми и нынешними. Аналитик создает модели из элементов, которые он переживает как значимые в материале, возникающем в процессе текущего взаимодействия между ним и пациентом. Эта модель кристаллизуется в осознание того, что Бийон назвал *избранным фактом*. Это тот или иной конкретный факт, который внезапно приходит на ум аналитику и придает смысл разнообразным элементам, привлечшим его внимание прежде. То, что раньше могло представлять собой мешанину фрагментированного материала, теперь становится неожиданно связным и понятным; его значение внезапно проясняется. Этот избранный факт описал французский математик Пуанкаре:

Новый результат мы ценим в том случае, если, связывая воедино элементы, давно известные, но до тех пор рассеянные и казавшиеся чуждыми друг другу, он внезапно вводит порядок там, где до тех пор царил, по-видимому,

хаос. Такой результат позволяет нам видеть одновременно каждый из этих элементов и место, занимаемое им в общем комплексе. Этот новый факт имеет цену не только сам по себе, но он – и только он один – придает сверх того значение всем старым фактам, связанным им в одно целое. Наш ум так же немощен, как и наши чувства; он растерялся бы среди сложности мира, если бы эта сложность не имела своей гармонии... Только те факты достойны нашего внимания, которые вводят порядок в этот хаос и делают его, таким образом, доступным нашему восприятию.

(Poincare, 1952, p. 30)¹

Некий высокопоставленный чиновник был очень доволен собой по причине того, сколь успешно он председательствовал в трудно управляемом комитете. Он сказал далее, что теперь чувствует себя более уверенно относительно всей своей жизни в целом и что он, конечно, понимает, что эти улучшения вызваны анализом. Аналитик при этих словах ничего не ощутил, скорее, он почувствовал себя лишним. В уме у аналитика зазвучала песенка, и, немного напрягшись, он вспомнил, что слова в ней такие: «Король был в чем мать родила», из музыкальной версии сказки «Новое платье короля». Это и был избранный факт, который пролил свет на то, как пациент красуется в своем ощущении превосходства, но в то же время нуждается в том, чтобы чей-то голос, как голос ребенка из сказки, крикнул: «А король-то голый».

Пациент почувствовал, что его вернули с небес на землю, и испытал облегчение, когда понял это. Приведенный пример показывает, как образ в уме аналитика высвечивает смысл сессии, но также и то, как аналитик, в свою очередь, осознал, что этот избранный факт проливает свет на значительно более общую ситуацию, приложимую к работе с другими пациентами, а именно, что он, словно королевские придворные,

1 Цит. по: Анри Пуанкаре. О науке / Под ред. Л. С. Понтрягина. М.: Наука, 1983. – Прим. пер.

соглашается с точкой зрения короля (пациента), вместо того чтобы посмотреть на ситуацию под независимым углом зрения. Помимо того, что этот инсайт проливает свет на некую особенность данного конкретного пациента, к тому же и та форма, которая таким образом абстрагируется из материала, применима к целому спектру явлений.

Вот еще один пример избранного факта: пациент, который приходил дважды в неделю, оказался в сложной ситуации, поэтому аналитик предложил ему сессию на следующий день. Пациент был изумлен и почувствовал, что о нем заботятся, что аналитик беспокоится о нем. Затем он сказал, что у него возникла мысль, которую ему не хочется высказывать: аналитик сказал это, потому что ему нужны деньги за дополнительную сессию. Два дня спустя он попросил изменить время встречи в конкретный день, но в завуалированной форме. Аналитика посетило осознание, и он сказал:

Мысль, что два дня назад я предложил вам дополнительное время за дополнительные деньги, теперь стала бредовым убеждением. В понедельник это была просто мысль, но на сегодняшний день она превратилась в убеждение, в страстную уверенность, которую нужно подтвердить. Если у меня масса свободного времени, значит, моя практика переживает не лучшие времена и я предлагаю вам дополнительные сессии по причине собственной жадности. Думаю, мы видим, почему вам трудно было озвучить эту мысль: внутренне вы понимаете, что подобная мысль перерастает в паранойальное убеждение.

Аналитик развил свою мысль дальше: препятствие тому, чтобы высказать мысль, вызвано бессознательным знанием, что эта мысль дегенерирует в ложное представление. Дальнейшие размышления позволили аналитику предположить, что затруднение в высказывании мысли было вызвано тем, что это была не мысль, а заблуждение. Этот инсайт представлял собой избранный факт, который пролил свет на другие

случаи зажатости, не только в поведении этого пациента, но также и в поведении других пациентов: затруднение в выражении мысли возникает потому, что эта мысль – ложное представление. Иными словами, зажатость есть механизм для сокрытия бредовой идеи. Этот избранный факт высветил не только определенное свойство структуры характера данного пациента, но также некую особенность психической жизни, которую можно наблюдать и у других пациентов, и в общественной жизни вообще.

Мелани Кляйн определила основное движение в психике как сдвиг от болезненной преследующей тревоги, когда кажется, что Я угрожает опасность со стороны фрагментированного психического мира, к депрессивной тревоге, когда ощущается тревога за объект, который теперь воспринимается как цельный, но находится под угрозой из-за разрушительности Я. Она описала это как перемещение между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями, колебания между которыми происходят на протяжении всей жизни, но психическое здоровье зависит от способности перемещаться в депрессивную позицию. Бйон обозначал это как движение $PS \leftrightarrow D$. Он осознал существенность этого сдвига для процесса мышления, а именно, что мышление представляет собой движение от бесформенного состояния, где образы и идеи рассеяны и хаотичны (параноидно-шизоидного состояния психики, состояния PS), к состоянию, когда связность становится очевидной и возникает новое понимание (состояние D). Это означает, что всякое понимание происходит благодаря этому движению ($PS \leftrightarrow D$) – от бессвязных и рассеянных идей к новому синтезу.

Перемещение вниз по Таблице происходит за счет повторяющегося соединения реализации с пре-концепцией, и возникающая в результате концепция становится новой пре-концепцией. Иными словами, при переходе от одной категории Таблицы к другой восстанавливается состояние бессвязности, вслед за чем происходит новая интеграция. Это и есть переход $PS \leftrightarrow D$.

Избранный факт является таковым потому, что он есть та общая точка, в которой сходится множество различных гипотез, возникающих по поводу конкретных аспектов рассматриваемого психоаналитического объекта. Таким образом, несколько избранных фактов можно собрать вместе, и путем дальнейшего абстрагирования и комбинации они могут образовать систему психоаналитических теорий (научную дедуктивную систему), которая позволит по-новому взглянуть на психоаналитический объект.

В науке научная дедуктивная система представляет собой некую иерархию научных гипотез, которые логически связаны друг с другом; и каждая гипотеза логически выводится из гипотезы, стоящей в иерархическом ряду выше ее. Это похоже на генеалогическое древо. Гипотезы высшего уровня являются наиболее абстрактными, например, законы, и эти наиболее абстрактные гипотезы действуют как предпосылки, из которых последовательно выводятся гипотезы более низких уровней. Подтверждение одной гипотезы в значительной мере помогает доказать гипотезы того же самого уровня.

Мы упоминали научные дедуктивные системы в психоанализе. Чем они отличаются от систем, выстроенных в других науках? В психоанализе мы строим модели (см. глава 9) на основании наблюдений за взаимодействием во время сессии. Абстракции, основанные на этих моделях, составляют гипотезы низкого уровня в дедуктивной системе. Путем дальнейшего абстрагирования выводятся новые аналитические теории, или же осознается, что абстракция, созданная на основе наблюдения, соответствует уже существующей теории. Теории образуют более высокие уровни психоаналитической научной дедуктивной системы. В такой системе, однако, отношения между элементами не являются логическими, т. е. не предполагают причинно-следственной связи. Психоанализ занимается глубинными паттернами, о присутствии которых дают знать проявления психоаналитического объекта. Отношения элементов внутри объекта не имеют никакого отношения к логике.

Науки по большей части имеют дело с неодушевленными предметами, и, даже когда предмет изучения является одушевленным, науки изолируют для наблюдения поддающиеся измерению неодушевленные факторы, тогда как психоанализ имеет дело с развивающимся процессом, связанным с ростом психики, т. е. с развитием мыслей и мыслительных процессов, в случае которых ожидание увидеть причинно-следственные связи обманчиво, поскольку оно препятствует пониманию процесса. Хотя внезапное понимание, наступающее, когда избранный факт вдруг заставляет прочие факты соединиться, создает видимость того, что его появление чем-то обусловлено, все эти факты существуют в одном и том же времени, так что категории времени и, следовательно, причинности в этом случае неприменимы. Объектом внезапного понимания является некая *форма*, собирающая воедино разрозненные до этого элементы.

Повествование пациента создает впечатление причинности. Однако психоаналитическое понимание предполагает обнаружение связей в ранее бессвязном наборе фактов и эмоциональный переход от параноидно-шизоидной к депрессивной позиции, который предворяется кристаллизацией избранного факта. Кристаллизация связи есть знак, что произошел переход $PS \leftrightarrow D$, и психоаналитический объект стал более ясным. Следовательно, те причинно-следственные элементы повествования пациента, которые ему самому могут казаться важными для аналитического исследования, вероятнее всего, никак не связаны с обнаружением избранного факта.

Здесь стоит заметить, что Блон осознал крайнюю ограниченность человеческой способности к мышлению. В своих поздних работах (Blon, 1991, p. 85) он особо отмечает, что наше восприятие событий как сменяющих друг друга во времени или как подчиняющихся определенным закономерностям или законам может определяться всего лишь спецификой нашего мышления. Он рассматривает идею каузальности как ложную и в большей мере связанную с желанием анали-

тика находится в спокойном состоянии ума, как рационализацию, призванную скрыть преследующие чувства. Осмысление эмоционального опыта все еще находится на зачаточной стадии своего развития.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ

Наука развивается через наблюдение явлений, которые постоянно совмещаются во времени. Например, палка в воде кажется переломленной, тела с различной массой падают с одинаковым ускорением, а объем газа уменьшается, когда увеличивается давление. Эти наблюдения касаются отношений между взаимозависимыми качествами или переменными. Декарт понял, что отношение между двумя коррелирующими переменными возможно отобразить визуально при помощи точек относительно двух перпендикулярных осей. Таким образом каждая точка будет отображать отношение этих двух переменных, скажем, x и y , и эти точки можно объединить графической кривой.

Но если переменные можно отобразить на числовой плоскости, то и геометрические фигуры можно представить алгебраическими уравнениями. Подчинив геометрию алгебре, можно освободить ее от ограничений, свойственных зрению. Тогда, например, становится явным, что суть геометрии, истинные базовые объекты геометрической мысли – это не точки и отрезки прямой, а, скорее, прямые, продолжающиеся бесконечно в обоих направлениях. Иными словами, та конфигурация, которая на плоскости казалась очевидной, оказалась значительно более всеобъемлющей.

Какое это имеет отношение к психоанализу? Бийон рассматривал личность как состоящую не из структур, что предполагают термины эго, ид, супер-эго и бессознательное, а как серию функций, переменных в соотношении с другими переменными. В качестве примера тому на уровне здравого смысла мы процитируем Уайтхеда: «Его настроение есть функция от его пищеварения» (Whitehead, 1958, p. 107). Т.е. он переносит на внешние ситуации те отношения, кото-

рые существуют между съеденной им пищей и его желудком, например, взаимно травмирующие. Мы можем наблюдать его раздражительность и то, как он вступает в травмирующие отношения со своими коллегами. Качество функции зависит от того, какие свойства или факторы ее составляют. Эти свойства могут быть описаны через определенные аналитические теории. Например, анальный эротизм и садизм – это факторы, относящиеся к функции речи у конкретного типа личности, указание на то, что в их речевой деятельности проявляется такое сочетание качеств, как плотно сжатые губы и мощное излияние безжизненного материала. Сочетание этих факторов обуславливает индивидуальные различия между людьми, так что качество функций, таких как α -функция, у разных людей оказывается разным.

Его настроение есть функция от его пищеварения. Пройденное расстояние есть функция времени, y есть функция x . Эти фразы описывают отношения между двумя переменными. Хотя Бион не желал связывать себя строго математическими дефинициями, он хотел, чтобы, когда он употребляет термины, такие как переменная и функция, они сохраняли бы что-то от своего математического значения. Он рассматривает мышление в свете отношений между переменными. Он рассматривает соединение пре-концепции с соответствующей реализацией как некое насыщение ненасыщенной переменной, т. е. придание ей некоего математического значения, смысла, что превращает ее в константу. Но она остается константой только очень недолгое время, а потом вновь становится ненасыщенной, чтобы образовать новую пре-концепцию. Если этот последний процесс не происходит и концепция либо пре-концепция остаются насыщенными, их математическое значение остается неизменным и понятие не может развиваться далее; таким образом, идея оказывается погребенной. Интерпретация-озарение превращается в догму. В приводимой ниже цитате приводится пример того, как переменная превращается в незыблемую константу, т. е. бог становится Богом: «Будь то ученые

или священники, они ограничены человеческим разумом, который цепляется за идеи, подобные идее бога; переменная заменяется константой, а затем почитается как Константа» (Bion, 1991, p. 414).

Бион использует термин «психоаналитический объект», чтобы указать, чем занимается психоанализ, что он стремится прояснить. Проявления психоаналитического объекта последовательно обнаруживаются в ходе аналитических отношений. Если оба участника пары открыты этому процессу, то он будет способствовать росту. Механизм такого роста мысли – пре-концепция, которая состоит из постоянной части и ненасыщенной части, ищущей насыщения. Бион обозначает это как $\psi(\xi)$, где (ξ) означает ненасыщенный аспект. Природа процесса насыщения неизвестна, но $\psi(\xi)$ обозначает сложную серию идей. О психоаналитическом объекте Бион говорит:

Его самая расширенная формула плоха тем, что для ее выражения и прояснения требуется целостный психоанализ, прошлый, настоящий и будущий. Его самая сжатая формулировка непонятна в отрыве от переживания. [Он] представляет собой некую константу, [включающую] неведомый компонент, некую переменную, некое бессознательное, которое остается бессознательным, почву для размышлений и беспокойства.

(Bion, 1990, p. 11)

Например, мы наблюдаем за женщиной и видим, что она оживленно говорит и часто смеется. Это внешнее проявление психоаналитического объекта, чего-то, что можно исследовать только психоаналитически. При таком исследовании может оказаться, что наблюдаемые эффекты являются внешними проявлениями состояния грусти, и это раскрылось при внезапной кристаллизации осознания в анализе. Произошло некое насыщение, которое привело к такому осознанию. Но это не все. По мере того как психоаналитический объект вновь становится ненасыщенным, следующим открытием окажется то, что грусть связана с неспособностью любить.

Дальнейшее прояснение психоаналитического объекта, таким образом, происходит, когда после насыщения возникает новое состояние ненасыщенности и за ним следует новая кристаллизация.

Развитие в мыслительной сфере происходит путем последовательного абстрагирования и обобщения. Декарт показал, что одну математическую форму, геометрическую, можно выразить через более абстрактную форму, алгебраическую. Благодаря этому открытию математика совершила огромный прыжок вперед, возросла возможность манипулировать понятиями. Бюссона считал, что прогрессирующее абстрагирование в ходе развития мысли может привести к аналогичному прорыву в нашем понимании.

Постоянная сопряженность

Термин «постоянная сопряженность» применим в тех случаях, когда наблюдается, что ряд фактов или событий регулярно происходят вместе. После того как такая постоянная сопряженность замечена, ей можно дать наименование, и после этого она может считаться психологическим фактом. Наименование связывает элементы вместе. Если их не называть, то, скорее всего, явление потеряется из виду и его элементы рассеются. Название означает только то, что эти факты постоянно возникают совместно. Оно никак не связано с причиной и следствием. Понятие можно выстроить в уме, отмечая постоянную сопряженность. Как только постоянная сопряженность поименована, она начинает накапливать значение. Поименованная постоянная сопряженность является одним из тех фактов, которые могут сойтись вместе и обрести смысл, когда появится избранный факт.

Один аналитик заметил, что каждый раз, когда пациент совершал ошибку, он приходил в состояние сильного возбуждения. Между этими двумя фактами наличествовала постоянная сопряженность, и, когда они были названы «радостной ошибкой», они стали единым явлением, смысл которого прояснялся постепенно.

Движение вниз по вертикальной оси Таблицы происходит, когда пре-концепция соединяется с реализацией. Образующаяся таким образом концепция представляет собой переформулировку формирующегося понятия. Она является также названием, и переживание, будучи таким образом поименовано, оказывается спасено от рассеивания и может начать накапливать смысл. Этот процесс повторяется вновь и вновь, и при происхождении обогащения значения.

В качестве модели развития понятия через постоянную сопряженность элементов Бюссон предлагает пример того, как у маленького ребенка может вырабатываться понятие «папа». Малыш начинает ассоциировать слово «папа» с группой переживаний; видеть конкретную фигуру, сопровождаемую уникальными звуками и запахами, ощущать потребность в нем и чувствовать его любовь, видеть его с мамой и слышать, как мама раз за разом говорит в присутствии этого человека, что это – папа.

Это эмоциональный опыт, и именно из него ребенок абстрагирует определенные элементы, которые для него репрезентируют «папу». Это название задействуется каждый раз, когда ребенок наблюдает все эти элементы одновременно, т. е. каждый раз, когда они находятся в постоянной сопряженности. Ребенок в этой воображаемой ситуации выстроил некую гипотезу. Он установил путем наблюдения, что определенные элементы постоянно сопряжены, и он назвал эту гипотезу «папа».

Когда ребенок встречается другого человека, которого тоже называют «папа», но это явно не тот же самый человек, он может либо отказаться от своей гипотезы, либо адаптировать ее так, чтобы она включала этот новый опыт, который явно имеет какие-то элементы, общие с его исходным переживанием, но в иных отношениях от него отличается. Таким образом, его иерархия гипотез может строиться на основе различных переживаний, спектр которых все расширяется, каждое из которых помечено ярлыком «папа». Эта иерархия гипотез, называемая «папа», является научной дедуктивной

системой и придает понятию значение более богатое, чем любая единичная гипотеза сама по себе. Она делает возможной генерализацию понятия «папа».

Слово «папа» может быть приложимо к одному из следующих четырех различных явлений, из которых первое – это объект, который, предположительно, существует в реальности, т. е. *вещь-в-себе*, по сути своей непознаваемая.

«Папа» есть также название, данное *избранному факту*, который подталкивает к осознанию того, что факты взаимосвязаны. Ребенок внезапно осознает, что все эти наблюдения: вид, запах, звук, любовь к объекту и от объекта и звучание слова «папа» – вместе собираются в единую гипотезу.

Третье «папа» – это название, данное *фактам, которые оказались связанными воедино избранным фактом*, группе возникших в уме абстрактных чувств и идей, родство которых, как описано в предшествующем параграфе, вдруг стало очевидным.

Наконец, оно применимо к гипотезе или *иерархии гипотез*, которые утверждают, что эти факты являются постоянно сопряженными.

После того как постоянная сопряженность идей, образов и чувств связана названием, может начаться наращивание смысла этой сопряженности. Мы делаем то же самое, обозначая процесс или процессы, необходимые для того, чтобы опыт можно было использовать в мышлении как α -функцию. После того как ярлык присвоен, его значение может начать накапливаться через психоаналитический опыт. Когда маленький ребенок обозначает постоянно сопряженные элементы понятием «папа», оно начинает наполняться смыслом и эмоциональное его значение может продолжать накапливаться фактически до бесконечности.

Постоянная сопряженность сама по себе является абстракцией относительно тех многочисленных элементов, которые имеются в наличии. Наименование постоянной сопряженности само по себе есть следующий шаг в абстрагировании. Это слово есть констатация того, что некие элементы

постоянно встречаются вместе. Если человек регулярно чувствует гнев, когда видит, как его девушка весело болтает с группой молодых людей, это может помочь ему обозначить его ярлыком «гневное чувство, которое у меня возникает, когда она с другими». Если переживанию дать название, это сохраняет его целостность. Тогда разные ветви значения, которым оно для него обладает, могут начинать сходиться воедино.

Теперь мы вновь обратимся к той связи, к поименованной абстракции, которая возникла из колебаний $PS \leftrightarrow D$. Это мысль, и она способна развиваться. Чтобы это развитие происходило, она должна быть способна функционировать как пре-концепция, т. е. быть открытой для удовлетворяющей ее реализации. После этого она станет концепцией. Это приведет к ее связыванию и тем самым предотвратит ее рассеяние. Таким образом консолидируется новая мысль. Затем она может вновь стать ненасыщенной и доступной для дальнейшего развития.

Каждое эмоциональное переживание можно сопоставить с некой абстракцией и с некой теорией (научной дедуктивной системой), даже если они еще не были открыты. Может оказаться возможным отобразить новый эмоциональный опыт при помощи научной дедуктивной системы, выведенной из предшествующего эмоционального опыта. Может оказаться возможным в какой-то момент, как в научных гипотезах, отобразить их в алгебраическом уравнении или исчислении — это дальнейшее абстрагирование.

Чем выше уровень абстракции, тем большую возможность для обобщения она предоставляет и тем больше число аналитических ситуаций, к которым она применима. Конкретная абстракция может соответствовать текущей психоаналитической теории. Например, в материале миссис А., представленном в предшествующей главе, ее возросшая способность терпеть не-знание и сепарацию соотносилась с ростом ее внутренней силы, и при абстрагировании становится ясно, что это соответствует теории Мелани Кляйн о соотношении внутренней психической силы с интроек-

цией хорошего объекта. Абстрагирование, таким образом, не позволяет множиться так называемым «новым» теориям, которые часто, если их в достаточной мере очистить от всего лишнего путем абстрагирования, оказываются частными случаями более ранних и давно проверенных теорий.

Абстракция может оказаться слишком общей, чтобы найти реализацию, которая может ей соответствовать, поэтому необходимо, чтобы абстракция могла быть конкретизирована, сдвинута обратно вверх по Таблице к строке С; на практике абстракцию можно описать в терминах модели (см. главу 9), что предполагает включение и мифов (см. главу 5). И хотя обращение к модели может сделать обсуждаемое более понятным и явным, в то же время может пострадать точность. Альтернативой будет более абстрактная репрезентация, которая точнее, но менее понятна.

Как упоминалось выше, производный психоаналитический объект (поскольку сам психоаналитический объект непознаваем) содержит в себе константу и переменную, или ненасыщенный элемент, $\psi(\xi)$, насыщение которого придает ему значение константы.

Подводя итог, можно сказать, что в ходе аналитической сессии аналитик внезапно осознает ранее не замеченную им связь элементов в материале пациента. Такое осознание, происходящее из того самого материала, который он пристально изучал уже какое-то время, может оказаться переживанием неожиданным, как внезапное видение обращенной перспективы рисунка. Когда эта связь осознана и снабжена ярлыком, начинает расти ее значение для пациента и вместе с тем тем – ценность конкретного проявления психоаналитического объекта. К-связь, или функция понимания аналитика, абстрагирует из проявления психоаналитического объекта нечто, что может функционировать как пре-концепция, которая отличается от врожденной пре-концепции тем, что она уже содержит множество значений. В силу этого она более ограничена по части смыслов, которыми ее можно насытить. Врожденная пре-концепция такого ограничения не имеет.

МЫСЛЬ КАК ОТСУТСТВИЕ ЖЕЛАЕМОГО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ

Выше мы описывали процесс мышления, или развитие мыслей. Бион считал полезным постулировать, что существуют мысли без того, кто их обдумывает, т. е. мысли, которые «ждут», чтобы некто думающий их «подумал». Это позволяет не только рассматривать мысли отдельно от процесса мышления, но также в мельчайших подробностях рассмотреть «спектр чувственного существования» (Bion, 1991, p. 160). Но, как было упомянуто ранее (см. главу 8), он также оставил место для развития мыслей внутри личности. Для этого он выдвинул модель младенца, ждущего грудь, которая не появляется. Младенец фрустрирован, поскольку его потребность в груди не встречает отклика. Само отсутствие груди переживается как присутствие чего-то неприятного; т. е. отсутствие груди есть некое присутствие, которое ощущается как отнимающее у младенца то, чего он хочет, поэтому оно воспринимается как жестокая, плохая грудь. И хотя мы обозначили это как некое присутствие, на чувственном уровне оно, конечно, отсутствует. Это отсутствие желаемого сенсорного удовлетворения само по себе есть мысль. Отсутствие вещи есть мысль. Как формулирует это Бион: «Если „чего-то“ нет, является ли „отсутствие чего-то“ мыслью, и не из-за того ли, что имеет место „отсутствие чего-то“, мы признаем, что это „что-то“ должно быть мыслью?» (Bion, 1962, p. 35). В этом случае именно несбывшееся ожидание привело к возникновению мысли и, следовательно, потенциально – к психическому развитию. Мышление может привести, например, к признанию, что хорошая, удовлетворяющая грудь на самом деле не здесь; что она все-таки не трансформировалась в нечто холодное, недающее и злобное, как представляется, если о ней не думать.

С другой стороны, могло случиться так, что неприятную не-грудь невозможно было бы вытерпеть в своей психике достаточно долго, чтобы она стала мыслью; вместо этого с ней

можно было бы обращаться как с чем-то бросовым, как с ино-
родным телом, которое нужно изгнать. Если о ней не думают,
т. е. если человек не думает активно об этом чувственном
переживании, то ему остается плохая фигура, которая затем
действует. В клинической практике мы видим, что те, кто пе-
режил тяжелые травмы в раннем детстве, часто действуют
злонамеренным и психопатическим образом: действие – путь,
альтернативный мысли. И точно так же, когда человек цепля-
ется за свои параноидные чувства или наказывает себя – это
аспекты не-думания мысли, не-груди. Кроме того, они явля-
ются *действиями*.

Если происходит устранение мучительного переживания,
в психическом развитии возникает затор. Это происходит
не только у тяжело больных – мы можем каждый день наблю-
дать такое в самих себе. Отвергание мучительного чувства,
отказ думать преграждает развитие мысли. Если подобное
входит в привычку, то развитие сводится на нет, поскольку
оно не допускает мышления того типа, которое могло бы
привести к росту. Мышление о собственном Я оказывается
заключенным в порочный круг.

ОБРАЩАЕМАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Бион (1962b, р. 50–60) обсуждает еще один способ, кото-
рым пациент избегает боли, который он называет *обращаемой*
перспективой. В этом случае интерпретация пациентом при-
нимается, но изменяется исходная предпосылка. Например,
предпосылка, что аналитик является аналитиком, может
молчаливо отрицаться. Это смещение ракурса впоследствии
не позволяет интерпретации спровоцировать изменение; оно
сохраняет ситуацию статичной. Точно так же, как с рисунком,
имеющим обратимую перспективу, невозможно определить,
видит ли человек на рисунке два лица или вазу, так и в ходе
сессии невозможно определить, какой ракурс видит пациент,
поскольку не существует никаких ощутимых проявлений,
по которым это можно было бы определить. Все, что мы
осознаем, – это согласие пациента с интерпретацией, но из-

менения не происходит. Тогда возникает вопрос – как аналитику заметить эту обратимую перспективу? Ответ Биона заключается в том, чтобы использовать Таблицу для определения, к какой категории относится вид реакции пациента на интерпретацию. Там, где интерпретация является собой F5, или F6, или G5, или G6, реакция пациента будет F1 или F2, т. е. с интерпретацией, которая призвана исследовать и создавать изменения, обращаются так, будто она всего лишь определяющая гипотеза, утверждение взглядов аналитика, не имеющее отношения к пациенту, или же ею пользуются, чтобы преградить дорогу истине. Вообще-то пациент не может всегда проявлять достаточную резвость ума, чтобы обратиться перспективу, и тогда он прибегает к бреду или галлюцинации. Когда аналитик видит эти более грубые защиты, то он может на этом основании заподозрить, что в остальное время работает обращаемая перспектива. Блон говорит, что обращаемая перспектива – свидетельство боли. Во время лекции в Тавистокке он однажды сказал, что пациент, переживающий психоаналитический процесс, говорит: «Больно!» Такое впечатление, что аналитики склонны об этом забывать.

Если непсихотическая личность через α -функцию потенциально имеет в своем распоряжении бесконечный поток образов, представляющих все сенсорные модальности, чтобы брать из них модели и мыслительные абстракции, то психотическая личность, из-за нарушения или реверсии α -функции, подобного источника не имеет. Не обладая способностью использовать свои внутренние продуцированные образы для отображения эмоциональной ситуации, которую ему нужно понять и выразить, он вынужден использовать внешний объект.

У Биона был пациент, который использовал внешние объекты как знаки для обозначения своих мыслей. Это можно было рассматривать как стадию между размышлением о понятиях при помощи манипулирования самими предметами и размышлением о предметах в их отсутствие. Если мебель в консультационной комнате – это мысли такого человека,

то перестановка мебели может приобретать для него внезапную значимость, поскольку она приравнивается к изменению внутри его психики.

Сенсорное впечатление можно интериоризировать и отправить на хранение неизменным до тех пор, пока его станет возможно использовать в мышлении. Блон писал о психотическом пациенте, который вспомнил случай, когда Блон был в солнечных очках. Этот образ был отправлен на хранение и вновь предъявлен месяцы и годы спустя в качестве носителя для отображения многих сложных идей, примерно так, как китайский иероглиф или идеограмма может означать множество вещей (Блон, 1967а, р. 56–58). Этот процесс отличается от нормального процесса отправления образов на хранение для того, чтобы позже использовать их для мыслей, тем, что в последнем случае в этих образах происходят постоянные изменения; им позволяет взаимодействовать, смешиваться и сливаться с другими. Образ солнечных очков не только не изменялся, он воспринимался как мысли как таковые, а не просто заменял эти мысли собой. Из-за ненависти к психической реальности солнечные очки превратились в мысль путем отмены всех эмоциональных качеств, с ними связанных.

Молодой человек, явно очень зависимый от своего аналитика, но неспособный выразить свои мысли сколь-нибудь связным образом, столкнулся с фактом рождения своего первого ребенка. В это время он пропустил две сессии, несмотря на то, что обнаружил в себе психологическую неспособность приехать в роддом вовремя к рождению младенца. На следующей сессии стало заметно поразительное изменение: впервые он оказался способен выражаться членораздельно. Похоже, новорожденный младенец и его потребности сделали его способным говорить со своим аналитиком таким образом, что аналитик смог пациента понимать. Конкретные события – рождение младенца и первые дни его жизни – функционировали для этого человека примерно в том же качестве, что «мебель» для пациента Блона: как конкретные вещи,

заменившие ему собственные мысли, которыми он теперь мог манипулировать таким образом, чтобы начать выражать какие-то аспекты своего собственного эмоционального опыта.

Эти примеры, в которых присутствует потребность полагаться на подходящий внешний предмет или случай, чтобы мыслить с его помощью, отражает различные стадии между потребностью манипулировать конкретными предметами, чтобы мыслить, и способностью думать о предметах и манипулировать ими в их отсутствие.

Аналитик, когда его забрасывают невыносимым, бессмысленным материалом, верит, что если он будет продолжать ждать, наблюдать и думать, то рано или поздно проявится смысл. Тем временем пациент, который не способен ждать, вынужден пытаться осмысливать материал, возможно, с помощью какой-нибудь теории. Эта попытка соединения лишена смысла, но пациент таким образом пытается сделать хоть что-то с невыносимым материалом, для которого нет никакого Ψ , поскольку осознание, что этот материал еще ждет переработки внутри аналитика, пока не пришло. Такое насильственное соединение элементов приводит к аккумуляции β -элементов, формирующих некий σ или сетчатый Ψ . Это похоже на $PS \leftrightarrow D$, но не совсем то же самое, поскольку что β -элементы не годятся для отображения мыслей, поэтому их накапливание, в отличие от связывания, не приводит к «спонтанному обнаружению» истины.

Глава 11

ТРАНСФОРМАЦИИ

Существует некая имманентная истина, которую нужно отделить от внешнего облика предмета, чтобы отобразить ее. Это единственная истина, которая имеет значение.

(Анри Матисс, цит. по: Read, 1974, p. 44)

Я стал свидетелем события, которое затронуло мои чувства. Я хочу описать его другому человеку. Я перевожу свое переживание в слова или, если я наделен неким талантом, могу взяться за краски или выразить его стихами. Это трансформации исходного эмоционально значимого события. Суть исходного переживания еще узнаваема в новой форме, при условии, что реципиент обладает достаточной способностью к пониманию, опытом и мотивацией.

Живописцу требуется передать зрительный эмоциональный опыт на двухмерной поверхности. Как это делается? Мы знаем, что используются различные правила, такие как законы перспективы и цвета, чтобы передать различие между близкими и отдаленными предметами. Далекое дерево может быть изображено мазками различных зеленых и синих тонов. Если нарисовать его со стволом и ветками, как может повелеть разум художника, оно уже не передаст сути исходной ситуации. Некое ранее пришедшее знание навязало себя и помешало точной передаче исходного переживания. Таким образом, чтобы передать исходное переживание с некоторой

долей точности, необходимо создать искусственную слепоту к тому, что знаешь. Эта новая версия исходного переживания является результатом трансформации. В поэзии также существуют различные законы стихосложения для трансформации исходного, не поддающегося описанию переживания в стихи – это правила рифмы, ритма и размера.

Аналитический опыт встречи двух личностей не может быть познан в своей сути, а только в его проявлениях для обоих участников – аналитика и пациента. Каждый из них переживает его своим собственным уникальным образом, создает его репрезентацию для себя, и это первая трансформация, а затем трансформирует в ходе коммуникации для передачи другому человеку, точно так же, как это делает художник или поэт. Тогда становится возможным сравнение двух версий одной и той же ситуации, т. е. трансформации пациента и трансформации аналитика. Трансформация пациента выражается в его поведении, как вербальном, так и невербальном; аналитик же старается ограничить свою трансформацию словами, интерпретацией. Аналитик в данном случае подобен художнику; его пре-концепции могут делать его слепым к переживанию и к способности адекватно трансформировать свое переживание.

Репрезентация первичной, но непознаваемой реальности, обозначенной как О, возникает путем трансформации, или переработки, в чем-то уме. Процесс трансформации, $T-\alpha$ приводит к продукту, $T-\beta$, который доступен наблюдению другим человеком. $T-\beta$ может быть картиной, научной формулой, высказыванием пациента, интерпретацией. Может существовать множество разных трансформаций одного и того же О. Аналитик в начале сессии оказывается перед лицом О, с которым он пытается войти в соприкосновение посредством свободно плавающего внимания и сохранения своего разума искусственно слепым относительно своих ожиданий, чтобы оставаться как можно более открытым этому новому опыту. В терминах Биона, он, насколько это возможно, сохраняет свой ум, свои пре-концепции, не насыщенными более ранни-

ми смыслами, чтобы быть готовым к принятию избранного факта, который, в свою очередь, связывает названием, и с течением времени тот будет постепенно накапливать смысл, исходя из событий сессии.

Эти трансформации – поэтическая, художественная, научная, психоаналитическая – все являются конструкциями ума, выраженными тем или иным способом. В математических трансформациях формулы, геометрические чертежи и графики являются знаками отношений, которыми занимается математика; они не являются «вещами в себе». Они являются трансформациями О математики. Трансформации происходят последовательными циклами. Прямая на графике может быть трансформирована в алгебраическое уравнение, такое как $x - 2y = 0$. Это трансформация из зрительного образа, выраженного относительно двумерного пространства, в абстрактную репрезентацию, которая является более гибкой, но которой не хватает визуального воздействия и чувственной реальности геометрической фигуры.

Сходными по природе с психоаналитическими трансформациями будут трансформации геометрии, особенно проективной и алгебраической. Бюен часто использует конструкции из этих областей, и ряд его терминов, таких как инвариант, вертекс, точка и прямая, проективная трансформация и другие, взяты непосредственно из этой области математики. Геометрия занимается логическими отношениями, существующими между данными допущениями. Психоанализ занимается отношениями между объектами.

Проективная геометрия, как и предполагает ее название, есть геометрия точки, прямой и пространства, проецированная на некое поле с конкретного вертекса; таким образом, геометрическая фигура спроецирована на плоскость или поверхность, которая может быть параллельна плоскости или поверхности исходной фигуры, а может быть, и нет. (Картина художника является проекцией на плоскую поверхность некоего трехмерного предмета, который художник желает нарисовать.) Определенные отношения или свойства

при проекции остаются неизменными. Например, в исходной фигуре две точки *A* и *B* лежат между двумя другими точками – *C* и *D*. Это утверждение остается справедливым и для спроецированной фигуры, несмотря на то, что соответствующее расположение *C* и *D* изменилось. Такое свойство называют *инвариантным* относительно проекции.

Если фигуру спроецировать на последовательную серию плоскостей, определенные черты объекта останутся неизменными. Это инварианты в проекции.

Для того чтобы адекватно выразить подлинную, непознаваемую по сути своей реальность *O*, трансформации должны содержать эти инварианты, или элементы, которые остаются неизменными в процессе трансформации, т. е. должны быть определенные базовые черты, которые позволяют нам узнать трансформацию как репрезентацию исходной ситуации, например, узнавать, что на двухмерной поверхности картины параллельные прямые отображены двумя прямыми, которые сходятся в какой-то точке на горизонте. Инвариант есть неизменяющийся элемент в психоаналитическом объекте, ранее обозначавшийся как ψ , вместе с его ненасыщенной частью ξ .

Чтобы продемонстрировать инварианты в аналитической ситуации, Блон дает яркую иллюстрацию трансформации, сравнивая состояние анализа до и после нервного срыва, т. е. ситуацию, которая содержится в аналитической сессии, по сравнению с тем, когда она не контейнируется и выплескивается в другие ситуации во внешнем мире. На пред-катастрофической стадии анализ является

безэмоциональным, теоретическим и лишенным какого-либо заметного внешнего изменения. На переднем плане находятся ипохондрические симптомы. Материал поддается интерпретациям, основанным на клейн-аналитических теориях проективной идентификации и внутреннего, и внешнего объектов. Насилие ограничено явлениями, переживаемыми путем психоаналитического инсайта; это как бы теоретическое насилие.

В противоположность этому, в посткатастрофической стадии

насилие очевидно <...> эмоция ясно видна и возбуждается в аналитике. Ипохондрические элементы вторгаются меньше...

В этой ситуации аналитик должен рассматривать материал в поисках инвариантов пред- и посткатастрофических стадий... определенных, по видимости внешних, эмоционально нагруженных событий – это на самом деле те же самые события, что и те, которые появлялись на предкатастрофической стадии под именами, данными им пациентом, – боли в колене, в ногах, в нижней части живота и т. д., и под именами, данными аналитиком – внутренних объектов. Коротко говоря, то, что предъявляет себя внешнему чувству аналитика и пациента в виде тревожащихся родственников, грозящих судебных разбирательств, госпитализации в психиатрические клиники, психиатрического диагноза и других сложных ситуаций, казалось бы, представляющих собой изменение обстоятельств, – это на самом деле ипохондрические боли и другие свидетельства внутренних объектов, принявшие внешность, соответствующую их новому статусу объектов внешних. Они, таким образом, являются инвариантами, или объектами, в которых можно найти инвариантность.

(Bion, 1965, p. 8–9)

После катастрофы одна из американских аналитиков стала спать со своими пациентами. До катастрофы она как аналитик вызывала всеобщее восхищение. В посткатастрофической ситуации многие коллеги были шокированы. В предкатастрофической ситуации несколько аналитиков были шокированы тем, как она идеализирует аналитиков и очерняет терапевтов. Инвариант, таким образом, следовало искать в волнах шока, которые исходили от нее как до, так и после. Внутреннее соотношение лучше всего изображено на картине Мунка *Крик*.

Назвав этот процесс трансформацией, Блон продолжает исследовать его значение и полезность в арсенале аналитика. Он считает, что наличие теории трансформаций поможет аналитическому наблюдению, что признание и, следовательно, связывание и называние определенных типов трансформации не только позволит достичь более полного понимания значения, но может также помочь в коммуникации с другими аналитиками, обученными на основе других теорий, путем распознавания инвариантов в аналитической ситуации.

Так же, как и с художником, если мы можем понять что-то, связанное с процессом отображения в аналитической трансформации, мы можем начать очерчивать конкретные типы трансформации, которые могут затем пролить свет на сходные проблемы у других пациентов. Чтобы помочь признанию процесса отображения, акцент делается не на содержании коммуникации, а, скорее, на стадии развития мысли, которая выражена, и на том, каким способом она используется в данный момент, т. е. делается попытка поместить конкретное утверждение, T-β пациента, в одну из категорий Таблицы.

Блон предлагает в качестве примера момент, когда пациент и аналитик пожимают друг другу руки в начале сессии. С точки зрения пациента этот жест есть отрицание его чувства враждебности к аналитику. Таким образом, оно попадает в категорию C2; в C – из-за его описательного качества, а в колонку 2 – потому, что оно используется для введения в заблуждение, т. е. для отрицания его враждебности. В дальнейшем становится очевидно, что рукопожатие аналитика переживается пациентом как сексуальное нападение. Это не мысль или фантазия на тему, оно переживается как реальное сексуальное нападение. Значит, категория будет ряд A, β-элементы, и оно стоит в колонке 1, потому что оно определяет отношения такими, как их переживает пациент. Трансформация в целом, следовательно, выражается как T = из C2 в A1. Возможно, что этот паттерн трансформации можно увидеть и у других пациентов, а значит, он поможет понять их.

Теория трансформаций в своем использовании категорий Таблицы позволяет аналитику продолжать работать над проблемой в отсутствие пациента. В этом отношении она похожа на математику; реальные объекты не обязательно должны физически присутствовать, чтобы о них можно было думать.

Рост или прогресс в думании на какую-то тему представлен в Таблице последовательными насыщениями пре-концепций, которые порождают концепции, которые, в свою очередь, становятся новыми пре-концепциями, нуждающимися в насыщении. Этот процесс может, предположительно, продолжаться неопределенно долго. Он представлен в Таблице движением сверху вниз и слева направо.

Согласно Фрейду, желательное состояние ума аналитика – это состояние свободно плавающего внимания; в терминах Таблицы – D4 и E4. Но поскольку аналитик привносит свои теоретические знания и свой опыт, его состояние ума следует отображать более широким диапазоном – ряды от C до F и колонки 1, 3, 4 и 5. Например, как только постоянная сопряженность выкристаллизовалась, ей дается название; это передвижение из колонки 1 в колонку 3. В этот момент она становится пре-концепцией – ряд D. Ее значение постепенно накапливается. Сдвиг из колонки 4 через 5 к 6 и одновременно от ряда D к E и F. Вездесущая теория Эдипа в ее многочисленных вариантах, включая ее проявление в виде частичных объектов, может также классифицироваться по Таблице, когда она появляется в материале. Бюн отметил следующие способы использования теории трансформаций.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕОРИИ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ОТЛИЧЕНИИ НЕВРОЗА ОТ ПСИХОЗА

В классическом психоанализе в переносе в аналитической ситуации воспроизводятся инфантильные объектные отношения, в которые вовлечен сам аналитик или некто, его замещающий. Эдипальные отношения обычно не слишком трудно распознать. Этот тип трансформации является жест-

кой *двигательной трансформацией* и типичен для невротической личности.

Используя способ мышления, принятый в геометрии, мы можем смотреть на такого рода трансформацию как на некое подобие проекции фотографического слайда на параллельный ему экран. Проецируемая на него картинка почти идентична исходному слайду. Фигуры и предметы не искажены, и находятся в том же соотношении друг с другом, как и в оригинале. Так же при жестком двигательном типе трансформации отношения в переносе являются более или менее прямыми отображениями внутренних объектных отношений.

В противоположность этому трансформация, типичная для психотической части личности, благодаря активному использованию механизмов расщепления и проективной идентификации, характеризуется большой путаницей, возникающей между пациентом и аналитиком. Создается впечатление фрагментации и рассеяния, которое не обязательно ограничивается личностью аналитика или ситуацией между аналитиком и пациентом. Скорее, это может быть модель взрыва во внешнее пространство, который порождает значительно более вычурную картину, и поэтому ее значительно труднее наблюдать и понимать. Это *проективная трансформация*. Пациент-психотик не может выносить мысли из-за их фрустрирующего качества; мысль является отсутствием вещи, и фрустрация неотделима от нее по самой ее природе. Его α -функция уничтожена, и поэтому у него нет никаких зрительных образов и никакой концепции трехмерного пространства; поэтому его проекции ощущаются как взрывающиеся в бесконечное пространство, без каких-либо координат, которыми можно было бы руководствоваться.

В такого типа трансформации проектор теперь накладывает наш фотографический слайд, в лучшем случае на поверхность, находящуюся к слайду под углом, а в худшем – и вовсе в космическое пространство. Проецируемая картина искажена целым рядом различных способов, однако определенные черты остаются инвариантными.

В проективной трансформации пациент может приписывать личности аналитика нечто, что произошло на значительном удалении и не имеет к нему никакого отношения. Это, конечно, неожиданность для аналитика, и он может ее не распознать, что приведет к ситуации, когда пациент думает, что аналитик безумен, потому что, похоже, не знает, каковы его собственные действия.

В своей книге *Further Learning from the Patient* Кейсмент (Casement, 1990, p. 79) приводит пример жесткой двигательной трансформации. Отец пациента умер, пока он был в школе, поэтому, говорит Кейсмент, отсутствие стало ассоциироваться со смертью, и рассказывает: «В иллюзии переноса я стал (в промежутках между сессиями) умершим отцом».

Другой пациент жаловался, что в пятницу вечером его жена была в отвратительном настроении. Это была ярость на отсутствие аналитика, но она не была признана им в самом себе, а была спроецирована на жену. В другом примере пациент увидел в галлюцинации фрагментированные образы на стенах консультационного кабинета. Это была проективная трансформация завистливой ненависти к аналитику.

ГИПЕРБОЛА

Бион наблюдал обычное состояние психики, в которой есть очень сильные эмоции, но они мощно проецируются вовне. Он присвоил этому состоянию название «гипербола». Этимологические корни гиперболы происходят от греческого слова, означающего «переход через, чрезмерность». В геометрии концы гиперболы уносятся в бесконечность. Таким образом, идеи, связанные с гиперболой, – это идеи одновременно и улетания на огромное расстояние, и преувеличенности. Мощные эмоции могут быть любого сорта, но в основе своей – идеализирующие или очерняющие. Появление гиперболы в аналитической сессии является показателем того, что происходит некая трансформация, ассоциируемая с соперничеством, завистью и освобождающейся от чего-то проекцией. Это может происходить с любой связью, L, H или K, и вполне

может включать отыгрывание, ненависть, любовь или манию величия. Эмоция преувеличена, чтобы привлечь внимание к себе и чтобы пробиться к объекту. Если объект непробиваемый и отвергающий, то преувеличенные попытки пробиться к объекту сталкиваются со столь же бурным отвержением. Оно, в свою очередь, увеличивает силу выражаемых эмоций, и так далее, по нарастающей.

Антирост

Как уже подчеркивалось, психический рост выражается в Таблице передвижением слева направо, и вниз по вертикальной оси. Мы теперь смотрим на ту часть Я, которая противостоит развитию и посвящена жадному и завистливому пожиранию всех и любых аспектов существования, аннигилируя каждый осмысленный объект и происшествие. Это обозначается как \neg , что означает отрицательное значение двух осей Таблицы. Аспект антироста передается стрелкой, указывающей вверх, отображающей обратное движение по вертикальной, или генетической, оси Таблицы, от развития сложных смыслов к бессмысленным β -элементам. Стрелка, указывающая влево, означает не движение от колонок 6 и 5 к колонке 1, а скорее, отрицательное значение этой горизонтальной оси в смысле колонки 2; таким образом, все способы использования, возможные для мысли и выражаемые колонками 1, 3, 4, 5 и 6, теперь используются для того, чтобы предотвратить выяснение какой-то истины. Негативная Таблица, таким образом, есть сложная версия категории колонки 2, версии со знаком минус категорий в колонках 1, 3, 4, 5, 6, и в любых колонках, которые могут быть добавлены к Таблице в будущем ($n-1$). Утверждение, которое попадает в категорию минус колонки 4, например, будет иметь функцию привлечения к чему-то внимания с целью отрицать существование потенциально способствующего росту состояния, т. е. не допустить выявления истины.

Эта негативная Таблица является царством –К. Бион считает, что ступор имеет ту же самую конфигурацию, как и эта

буйная, жадно честолюбивая часть. Он связывает это с пугающим качеством бесконечного пространства, ассоциируемого с $-K$, то есть взрывной проекции в «огромность столь великую, что она не может быть представлена даже астрономическим пространством, потому что она не может быть представлена вообще» (Bion, 1970, р. 12). В ступоре содержится крайняя оппозиция любому движению или живости, но обычно периодически бывает и насилие. Он обозначает это \perp . Этот знак используется для того, чтобы его значение могло оставаться в определенной мере открытым и не затоплялось другими ассоциациями на слова «жадность», «зависть», «честолюбие» и так далее.

Пример изменения на $-K$ можно видеть, когда, после того как пациент оценил интерпретацию, немедленно следуют ассоциации, указывающие, что он воспринимает то, что он только что получил, как нечто противное, оскорбительное и намеренно ранящее. Осмысленность интерпретации изъята из нее. Иногда можно видеть, как интерпретация попадает одновременно и в позитивную, и в негативную сетку, порождая как положительную оценку, так и презрительное отвержение.

Другим примером¹ отступления в $-K$ будет пример пациентки, у которой внезапно начался приступ сенной лихорадки, она стала чихать, и у нее зачесалось в горле сразу же после мучительного инсайта – реверсия, превращающая осмысленный опыт в β -элементы, от которых затем избавляются.

Когда доминирует \perp , то пациентка боится, что она сделала все бессмысленным, жадно нападая на значение и уничтожая его. Поэтому то, как она использует анализ, определяется потребностью заставить аналитика говорить. И интерпретации являются доказательством пациентки, что в ее собственных словах и в ее жизни в конечном итоге есть смысл. Интерпретация принимается только как утешение, а не ради ее потенциальной способности стимулировать рост. Если аналитик этого не понимает, то результатом может быть топтание на месте в анализе, отношения паразитического

1 См. также пример реверсии α -функции в главе 7.

типа, когда пациентка нуждается только в утешении, которое, по самой его природе, необходимо постоянно повторять. Поэтому никакого психического развития не происходит.

Некоторые из этих пациентов производят впечатление хрупких существ, живущих на последние гроши. Их страх перед бессмысленностью жизни маскируется их явной удовлетворенностью таким образом жизни, довольством, которое представляется безосновательным, ввиду явной бесцельности такой пустой траты времени. Одной из характеристик часто являются аддикции, а также их аддиктивная зависимость от анализа. Раз за разом повторяются попытки, часто крайне тонкие, спровоцировать аналитика на критические замечания. Любые молчаливые размышления со стороны аналитика воспринимаются пациентом как неодобрение. Однако когда аналитик что-то говорит, в пациенте немедленно происходит изменение на возбужденное удовольствие и разговорчивость. Когда использование анализа, чтобы успокоить страх, что его жизнь бессмысленна, было интерпретировано одному пациенту, он ответил с пониманием, сказав, что точно то же самое происходит с музыкой; когда он слушает определенного рода музыку, он чувствует себя могущественным, чувствует, что он может достичь всего, чего желает, но, когда музыка прекращается, он вновь оказывается в немотивированном состоянии. Музыка была доказательством, что смысл и жизнь в конечном итоге не уничтожены.

Истина способствует росту, а антиистина психически лишает сил. Психотик или психотическая часть личности не принимает этого утверждения, фактически продвигая противоположную точку зрения, что ложь питательна, а истина деструктивна. Это можно ясно видеть в действии при *трансформациях в галлюцинозе*.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В ГАЛЛЮЦИНОЗ

Это конкретная форма трансформации раскрывает неадекватность наших обычных аналитических методов наблюдения и обозначения. Распознавая эту конкретную трансфор-

мацию, аналитик тем самым способен переориентироваться в материале пациента и не попасться в некую конкретную ловушку. В этом преобразовании¹ пациент соперничает с аналитиком, считая, что его способ так называемого самоисцеления лучше, чем анализ. Т.е. он верит, что аналитик, выполняя свою аналитическую функцию, пытается соперничать с ним, доказать, что его метод лучше, чем метод пациента. Если, однако, аналитик не анализирует, то пациент предполагает, с торжеством, что его собственная техника лучше, чем техника аналитика. Такой «Уловки 22»² можно избежать, если рассматривать ее как преобразование в галлюциноз.

Это также трансформация психотической частью личности, с ее ненавистью к психической реальности. Нетерпимость к фрустрации приводит к тому, что разум используется как мускульный орган выталкивания, подобно прямой кишке или мочевому пузырю. Поэтому во время сессии необходимо понимать, что значение речи пациента может быть только в том, что он избавляется от чего-то, ему ненужного, выталкивая это в форме произнесенных слов. Он избавляется от значимого опыта путем изгнания, как будто это вещь, а не мысль. Опытному слушателю слова могут передавать привкус переживания, которое изгоняется. Категория Таблицы, на которой здесь следует сосредоточиться, – А6, изгнание β -элементов, мыслей, которые ощущаются как реальные предметы сами по себе.

- 1 «Преобразование» и «трансформация» – это два синонимичных варианта перевода одного термина «transformation». Здесь и далее второй вариант перевода используется в контексте описания трансформации вообще; все конкретные формы трансформаций обозначаются единообразно как «преобразования», продолжая таким образом ряд математических аналогий. – *Прим. ред.*
- 2 «Уловка 22» – роман американского писателя Джозефа Хеллера, построенный на многочисленных парадоксах. Один из них, давший название роману, состоит в том, что, согласно некоему правительственному постановлению, всякий, кто заявляет о себе, что он сумасшедший, и пытается тем самым освободиться от военной обязанности, на самом деле сумасшедшим не является, так как такое заявление явно говорит о здравомыслии. – *Прим. ред.*

Пациент верит, что он независим от аналитика, что он может быть совершенным объектом для самого себя, так как он способен создавать все, что необходимо для его выживания в каждый момент, когда ощущается нужда. В результате фрустрация, зависть и другие тревоги исчезают и существует готовое решение для постоянно присутствующей жадности. Все, что захочется, может быть продуцировано галлюцинаторными методами.

Это происходит следующим образом. Чувственные органы функционируют в обратном режиме; вместо их нормальной функции, принятия сенсорных данных, чувственные органы, в любой избранной сенсорной модальности, как бы экскретируют образы во внешний мир. Эти галлюцинируемые образы затем «воспринимаются»: видятся, слышатся, обоняются, осязаются так, как будто они реальны, и обеспечивают мгновенное удовлетворение всемогущего Я. Эмоциональное переживание, реальность сессии трансформируются в чувственные впечатления, которые затем извергаются как галлюцинации, давая удовольствие или боль, но не смысл. Последний может возникнуть, только если терпеть фрустрацию достаточно долго, чтобы распознать и назвать – «даже если название есть не более чем стон или вопль» (Bion, 1970, р. 10), чтобы возникла постоянная сопряженность, после которой начинает накапливаться значение.

Анализ имеет тенденцию нарушать этот процесс, бросая сомнение на то, действительно ли галлюцинаторное удовлетворение столь же удовлетворительно, как и реальность. Происходит уменьшение всемогущества, и возникает чувство, что способность к мгновенному удовлетворению желаний утрачена. Поэтому предполагается, что аналитик украл или уничтожил эту способность, причем мотивом аналитика, несомненно, было соперничество с предполагаемыми лучшими методами «исцеления», которыми обладает пациент. Единственная форма отношений в преобразованиях в галлюциноз – это отношение высшего к низшему.

Это ситуация, при которой аналитик и пациент воспринимаются как проповедующие соперничающие методы лечения, способствует особой трудности в анализе. Делая интерпретации, которые оказывают воздействие, уменьшающее способность пациента получать пользу от галлюциноза, аналитик воспринимается тем самым как соревнующийся и соперничающий с пациентом, как будто он твердо намерен доказать превосходство своего психоаналитического метода. Если он не интерпретирует, однако, то предполагается, что он признал свое поражение перед превосходящим его противником. Вся ситуация этой ложной поляризации, следовательно, нуждается в том, чтобы ею занялись в интерпретациях таким образом, чтобы пациент не оставался с уверенностью в том, что аналитик соперничает с ним.

ЦАРСТВО МЫСЛИ

Нельзя вообразить такое состояние как ничто, но о нем можно думать или выражать его в математических символах. Если сказать, что за пределами Вселенной находится ничто, мы можем вообразить некий ограничивающий забор в конце Вселенной и мы не можем помешать себе воображать, на что это будет похоже, если заглянуть через этот забор; невозможно вообразить ничто. Так что мы думаем о психоанализе в зрительных терминах внутренних объектов, в мысленном трехмерном пространстве, в которое мы проецируем части самих себя. Это ограничивает наше думание таким образом, как была ограничена математика, когда она выражалась исключительно геометрией. Нам нужно, чтобы мы могли отобразить мысленное царство более абстрактным, или алгебраическим, способом, так, чтобы оно могло сохранять потенциал к развитию, отображенный ненасыщенной частью ψ (ξ). Это также открыло бы возможность выведения формулы, достаточно обобщенной, чтобы охватывать большой диапазон возможных вариантов. Психическое пространство непознаваемо, но его можно отобразить, например, в виде точек и прямых.

Бион постулирует, что геометрия возникла из эмоционального опыта, что она развивалась как способ попытаться выразить место или пространство, где находится чувство или объект. Он использует точку и прямую разнообразными способами. Точка используется, чтобы отобразить место, где находились объект или эмоция. Если отсутствие объекта невозможно терпеть, а следовательно, и думать о нем, то точка становится отображением «не-вещи», пугающего призрака поврежденной и умаленной груди. Пространство, где может возникнуть мысль, уже наполнено; оно насыщено, следовательно, не может быть никакой мысли и никакого развития. Точка, таким образом, отображает также место, где что-то могло бы быть. Так она может отобразить пре-концепцию, которая доступна для соединения с реализацией, чтобы сформировать концепцию и тем самым способствовать психическому росту. Точка как пре-концепция относится к вертикальной оси Таблицы.

Царство мысли можно представить себе состоящим из отсутствующих вещей, ожидающих, что станут мыслями, и потенциальных постоянных сопряженностей, ожидающих наблюдения. То место, где объект более не существует, становится эмоциональным переживанием, которое может быть трансформировано в нечто значимое, если окажется возможным вытерпеть связанную с этим фрустрацию и боль. Терпимость к фрустрации, возникающая из опыта отсутствия объекта, может привести к мысли или к распознаванию постоянной сопряженности или паттерна, после чего можно искать соответствующую реализацию, которая к ней подойдет. Реализация делает возможным превращение пре-концепции в концепцию и дальнейшее развитие ее значения. Когда фрустрацию и боль невозможно терпеть, отсутствие вещи ощущается как некая вещь, от которой нужно избавиться, поэтому нет никакой постоянной сопряженности, которую можно было бы заметить. Несовершенство любой реализации, которая вступает в соединение с пре-концепцией, также порождает фрустрацию, которая, если ее не вытерпеть, поме-

шает подобрать одно к другому. У психотика подборка должна быть чрезвычайно близкой, чтобы произошло соединение. В результате пре-концепция часто остается ненасыщенной или же вступает в соединение с неподходящей реализацией, что приводит к неверной концепции или заблуждению.

Пациенты могут насыщать элементы в анализе, используя слова таким образом, что их смысл уничтожается; они просто занимают то место, где раньше был смысл. Слова практически становятся β -элементами. В результате вы слышите описание повседневных событий, и оно не порождает никаких мыслей, идей, чувств или значений. Это отражает неспособность трансформировать реальность сессии – О, блокирование пространства или точки, где может возникнуть нечто. Пространство становится мертвым пространством, не может происходить ничего, дающего жизнь. Пациенты-психотики боятся ненасыщенных слов, потому что приравнивают их к жадности, из проекции и фрагментации завистливо жадного аспекта, стремящегося проглотить все сущее, с чем оно сталкивается. Поэтому им хочется, чтобы слова оставались насыщены устаревшим значением. Это может проявляться клинически в монотонности описаний событий.

Используя идею, что геометрия возникла для выражения эмоционального значения, Блон рассматривает прямую как отображение места, куда может направляться точка, или, в других выражениях, как способ использования, на что может употребляться мысль, т. е. она соотносится с горизонтальной осью Таблицы. И опять же, прямая несет в себе значение места, где находился пенис, а также где что-то может находиться в будущем. Чтобы произошел рост, эти два понятия должны быть сведены воедино.

Блон ищет способ точного описания инвариантов трансформаций, происходящих в аналитической сессии, так, чтобы можно было видеть их сущность. Точка и прямая, место, где что-то находилось, и место, где что-то может возникнуть, грудь и пенис, две оси Таблицы – это все способы выразить отношения, которые являются инвариантом в трансфор-

мации. Этот инвариант есть то, что является общим между эллипсом на картине и круглым прудом, который он отображает, рисунком железнодорожных рельсов, сходящихся в точку, и реальностью параллельных железнодорожных путей. «Если существует „отсутствие вещи“, то должна существовать „вещь“... инвариант в психоанализе есть математическое отношение, *ratio*, отсутствия вещи к вещи» (Bion 1965: 103). Например, при клаустрофобии и агорафобии существует общий знаменатель или инвариант, хотя исходная клиническая картина может быть весьма различна. Пространство, либо внутри объекта, как при клаустрофобии, либо вне объекта, как при агорафобии, невыносимо. Это пространство отображает эмоции, неотличимые от «места, где что-то было»; т. е. в этих пациентах, которые не могут выносить отсутствие объекта, присутствует несуществующий объект, который делает «пространство» пугающим, независимо от того, переживается ли оно как находящееся внутри или вне объекта. Паника оказалась заперта в ловушке этого пространства и не находит из него выхода, т. е. нет никакой мысли, при помощи которой можно было бы осуществить бегство. Это инвариант, как при клаустрофобии, так и при агорафобии, и это также то пространство, которое отображено геометрическим пространством. Геометрическую фигуру, таким образом, можно рассматривать как отображающую отношения между объектами; клаустрофобическая ситуация может быть представлена точкой внутри окружности, агорафобическая – точкой, лежащей вне окружности и не соприкасающейся с ней. Понимание инвариантов избавляет от необходимости в обоих терминах, агорафобия и клаустрофобия; они являются различными проявлениями одной и той же проблемы.

Трансформации – это способы, которыми пациент пытается решить свою проблему. Его конкретные трансформации неуспешны. В аналитических отношениях у него есть возможность сравнить свои трансформации конкретной ситуации с трансформациями аналитика.

Аналитик может решать, какую из ряда возможных трансформаций своего опыта с пациентом ему выбрать. Нет какой-то одной правильной интерпретации, но выбор аналитика одновременно и возникает из его отношений с пациентом, и накладывает на него обязательства в связи с этими отношениями, с О. Утверждения аналитика, надо надеяться, ограничены К-связью; они не должны включать Н- или L-связей, и в Таблице они находятся в категориях F1, 3, 4, 5. Эти понятия, которые образуют интерпретацию аналитика, возникают из его понимания, т. е. его пре-концепции, которая столкнулась с реализацией, возникающей из чего-то, что находится вне его, т. е. возникающей из его отношений с его пациентом.

Высказывания пациента, однако, могут подсоединяться при помощи любой из связей, L, Н или К, включая –К (а значит, включая и –L, и –Н), и они могут подпадать под любую категорию Таблицы. Интерпретацию аналитика он тоже может понимать каким ему будет угодно образом, например, как инструмент для самобичевания, как подтверждение своего слияния с аналитиком, как свидетельство, что аналитик крадет у него его идеи и т. д.

ТРАНСФОРМАЦИИ в –К

Бывает ненависть и страх перед трансформациями в К, потому что они могут привести к более близкой аппроксимации тому, чтобы стать О, или единению с О. Интерпретация может быть принята в К, т. е. в смысле знания о ней, но отвергнута в О, в смысле, чтобы стать ею. Пациент приходит на сессию, но начинает активность –К в преобразовании проекции, и это категория А6. Это работает гипербола. Так что мы теперь опять смотрим на \perp и трансформации в –К, чтобы увидеть, какими способами можно было бы что-то делать с этим во время сессии, т. е. попытаться увидеть смысл обеднения значения в связи –К. \perp может рассматриваться как некое несуществующее «нечто», чьей целью является высосать существование

из любого предмета или ситуации, которые ему повстречаются.

Как трансформация в $-K$ проявляется клинически? Мы имеем дело с преобразованием проекции в многомерное «пространство». Область проекции не ограничена очерченной областью обычного преобразования жесткого движения (сдвига) на аналитика или его представителя. Вместо этого она многомерна и, следовательно, не может быть понята нами зрительно. Проекция может быть отчасти в аналитика, в разнообразный набор внешних объектов и в космическое пространство, т. е. в неограниченный, многомерный мысленный космос. Появляются туманные упоминания разнообразных субъектов и объектов, некоторые из которых могут быть галлюцинациями. Это пространство $-K$, и оно наполнено отсутствием объектов, которые жаждут объектов существующих и завидуют им. Категоризация по Таблице высказываний пациента позволяют элементу мысли оставаться не насыщенным смыслом, так что он свободен аккумулировать постепенно выявляющийся смысл активности $-K$ для конкретного пациента.

ВЕРТЕКС

Один из инвариантов в психоанализе – это инвариант сознания или осознания. Это качество сознания или осознания подобно вертексу в проективной геометрии, с которого рассматривается наблюдаемая фигура. Таким образом, это точка зрения. Есть беспредельное число возможных вертексов – религиозный, эстетический, научный, финансовый, зрительный, слуховой, пищеварительный, дыхательный, репродуктивный и т. д. Это придает гибкость и позволяет рассматривать объект, т. е. $T-\beta$ (пациент) и $T-\beta$ (аналитик), в разных ракурсах, примерно так, как человек с фотоаппаратом может сделать много снимков фигуры с множества различных ракурсов, чтобы получить наиболее полное отображение ее. Результаты отразят в себе тот тип вертекса, с которого их рассматривали.

Аналитик может найти полезным сменить вертекс, чтобы посмотреть по новому на то, что представляется застрявшей ситуацией. В некотором смысле эта смена вертекса происходит всегда, когда мы внезапно «видим» смысл поведения пациента. Например, во взбешенном, издевающемся над другими человеке, который надумал бросать работу из-за того, что там его, по его словам, «смешивают с дерьмом», внезапно видишь маленького мальчика, закатывающего истерику в неуправляемой ярости из-за того, что его оставили в одиночестве.

Часто человек попадает в ловушку садомазохистических отношений в качестве защиты от изменений. Пациент раз за разом говорил аналитику, что он никуда не годится, что анализ бесполезен и что он, пациент, уйдет, но не строил никаких планов по поводу этого. Материала он не рассказывал, если не считать вышеупомянутых жалоб и угроз. Периодически возникали жалобы на то, что во внешнем мире с ним жестоко обращаются. Аналитик осознавал, что его провоцируют на ответный гнев или беспомощность. Когда удалось распознать в жестокой виктимизации аналитика примитивную сексуальность, а в ней в результате удалось увидеть способ этого пациента строить отношения с аналитиком, чувство провокации исчезло. Это пример такого изменения угла зрения, которое привело к развитию.

Даже β -элементы, которые не являются частью мысли, можно рассматривать как имеющие некоего рода protoосознанность того, как β -элемент находится в поисках существования. Бйон предпочитает называть эти поиски *тропизмом*, «осознанием отсутствия существования, которое требует существования», «поиском психикой физического обиталища, которое дало бы ей существование, ♀, ищущим себе ♂» (Bion, 1965, p. 109). Последнее означает ♀, который ищет что-то, что можно контейнировать, чтобы придать себе связность, а значит, возможность накопления значений. Его можно, следовательно, связать с *интуицией*, которая сама тогда может быть приведена к реализации. Отношения, вы-

раженные внутри и при помощи постоянной сопряженности, интуитивны и позднее реализуются; паттерн отмечается и позднее накапливает значение. Это напоминает нам одно из описаний у Бiona β -элемента как «чего-то, что может существовать; не мысль, но что-то, что может стать тем, что думающие называют мыслью, например, когда собака приходит, если ее зовут» (Bion, 1991, p. 589).

ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ В О

Существует высшая реальность, которая не может быть познана, которой можно только «стать», т. е. есть возможно быть в единении с нею. Она – истина любого предмета. Она «ни хороша, ни дурна; она не может быть познаваема, любима или ненавидима» (Bion, 1965, p. 139). Мы все сознательно или бессознательно верим, что лучше не «становиться» ею, что лучше сохранять какой-то барьер между собой и истиной. О есть эта высшая реальность, приравниваемая к истине, и приближение к ней происходит путем психического роста, так, как он выражен движением вниз по Таблице.

Соппротивление в анализе или в группе есть сопротивление выявлению О, сопротивление тому, чтобы нести в себе новую мысль. Часто в научной дискуссии постепенное выявление взаимного понимания между противоположными сторонами прерывается высказыванием, сделанным «из лучших побуждений» и, по видимости, нацеленным на дальнейшее прояснение, но вместо этого приводящим к тому, что все возвращаются на противоположные друг другу позиции.

Мы не можем познать само О, а только эманации его, которые воспринимаются как явления. То, что мы знаем об О, суть наши трансформации его. Можно только знать что-нибудь об О. Мы можем также идентифицироваться с О, но это не то же самое, что быть О. Но войти в контакт с чем-то, что мы воспринимаем как прекрасное или хорошее, например, когда мы переживаем мгновения, когда нас глубоко поразила некая истина, – это напоминание нам об О, точно так же, как Платон считал, что нам приходит напоминание

о высших Идеях Красоты и Добра. Несколько иначе кратковременные переживания, что мы стали О, можно ощутить как «дозволенные» нам объектом; это переживание, что мы в единении с О, пусть на сколь угодно краткое время, и это переживание подобно инкарнации, когда плоть становится едина. Это переживание единства с О, того, что мы являемся О, следует четко дифференцировать от процесса проективной идентификации, в которой человек становится Богом. Там – безумие, мегаломания.

Как указывает Бюн (1965, р. 139), эти переживания случаются только после того, как происходит подчинение «суровой дисциплине отношений». Первое требование дисциплины предполагает отказ зависеть от обычных форм успокоения, выводимых из свидетельства чувств; например, от использования содержания высказываний пациента как конкретного свидетельства правильности собственной интерпретации. Если полагаться на такого рода свидетельства, результатом будут интерпретации колонки 2, в которых проявляется сопротивление аналитика тому, чтобы столкнуться с неизбежной неуверенностью, которая может быть очень глубока в ходе аналитической встречи. Необходимо также отказаться от памяти и желания, поскольку они наполняют потенциальное пространство психики благоразумными явлениями.

Другое требование дисциплины – это «акт веры» (F) в потребность избегать такого рода подтверждений, чтобы наш разум мог оставаться открытым «принятию» понимания истинного аспекта текущих отношений. «F раскрывает и делает возможными переживания, которые часто мучительно и трудно переносить отдельно аналитику и анализанту» (Бюн, 1970, р. 6). Третье требование дисциплины – преодоление конкретно страха трансформации из знания об О к тому, чтобы стать О. Это страх сойти с ума в смысле мегаломании, стать «Богом», вместо того чтобы оказаться в единении с О; трансформацией, ведущей к тому, чтобы стать «Богом», управляет, скорее, –К, нежели О.

Значительно легче знать о чем-то, чем стать им. Знать об анализе легко, но учиться, проживая этот аспект собственного Я, т. е. через то, чтобы быть им, непросто. Мы охотнее знали бы о себе, чем быть собой, особенно теми аспектами себя, которые анализ извлекает из тьмы, в которую мы их отправили. «Я просто хочу знать факты о себе и ничего не знать об этом интерактивном процессе».

Сопротивление истине выражается обратным движением к явлениям колонки 2; ложь предпочтительнее правды, смотреть и не видеть предпочтительнее, чем сосредоточить взгляд на факте, говорить только о так называемых «относящихся к делу» фактах предпочтительнее, чем пытаться комментировать то, что мы осознаем, включая то, что, как мы чувствуем, нам не хочется выносить на поверхность. Длительный анализ с очень малыми изменениями происходит тогда, когда регулярное прибегание к механизмам колонки 2 становится привычкой ума, так что «состояние «быть О» откладывается на неопределенное время» (Bion, 1965, p. 149). Потому так важно отмечать эти высказывания колонки 2. Конечно, обычно не один только аналитик чувствует неудовлетворенность малыми результатами вышеуказанных явлений колонки 2. Как указывает Бион, никакого сопротивления не будет, если нет также противоположного чувства, что самый полезный подход – это осознать в себе что-то незнакомое.

Высшая реальность может мыслиться как гигантский резервуар бесконечных возможностей, мыслей, ожидающих мыслителя, из производных которого, трансформаций, мы время от времени выбираем для себя элементы, которые, похоже, должны находиться вместе, которые образуют паттерн или постоянную сопряженность. Эти элементы мы связываем вместе именем или числом, так что они становятся доступны для наполнения их значением, так что мы начинаем понимать эмоциональную важность для нас этого конкретного кусочка реальности. Это понимание может затем соединиться с другой постоянной сопряженно-

стью, чтобы накапливать дальнейшие значения, и так далее, до бесконечности.

ЦИКЛЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

О, содержащееся в сессии, непознаваемое само по себе, выражается через явления, которые его отображают. $T-\alpha$ пациента трансформирует это переживание, и возникающая при этом трансформация $T-\beta$ (пациент) – это то, что выражается в высказывании пациента.

Явления, отображающие О сессии, примерно так же трансформируются для аналитика, чтобы создать $T-\beta$ (аналитик). Трансформация аналитика должна проходить через К-связь, тогда как трансформация пациента может быть в L, Н, К или –К. Могут происходить последовательные циклы трансформации, в зависимости от того, что обнаружит аналитик.

Чтобы проиллюстрировать это, воспользуемся одним из примеров Биона. Он берет высказывание: «Солнце взойдет завтра». Его можно классифицировать по Таблице, что сосредоточит внимание аналитика на том, какого рода утверждение делает пациент. Если это неверное утверждение по поводу погоды, то оно используется не с целью ввести в заблуждение, а, скорее, для целей нотации или привлечения внимания. Тогда оно функционирует как пре-концепция, т. е. D3 или 4. Если такое высказывание делается в анализе как полный надежды отклик на интерпретацию, это будет трансформация в О. Если, однако, это идеализированное утверждение о прогулке со своей девушкой, тогда это описательный преувеличенный термин, используемый для передачи информации – С3. Это пример гиперболы с L-связью, и это пример преобразования жесткого движения: качества восхода солнца проецируются на его отношения с его девушкой. Мы можем принять это как первый цикл трансформации аналитика. Позднее, однако, аналитик может счесть, что это было отрицание чувства враждебности пациента по отношению к нему. Связью в этом втором цикле трансформации аналитика будет Н; гипербола

все еще присутствует, поскольку враждебность проецируется далеко прочь и отрицается, следовательно, это колонка 2, С2. Это преобразование проекции с целью избавить себя от враждебности.

Мы можем посмотреть на то, какого рода объект предлагается в материале пациента: фрагментирован он или целостен, присутствует или отсутствует? Используется ли К-связь (сведение вместе) или Н (раскол и разделение), или –К (отсутствие смысла)? Высказывание может быть определено по категориям Таблицы и оценено относительно его положения в изменении от трансформаций в К к трансформациям в О. Необходимо достичь этой последней трансформации, чтобы стать реальным. Многие пациенты завершают анализ, так никогда и не испытав личного просветления, единения с О.

Например, высказывание пациента «Как это случилось, что я так долго хожу на анализ, а у меня все еще нет никакой уверенности в себе?» было произнесено с провоцирующим раздражением, так что можно было поддержать садомазохистическое статус-кво. В ответ от аналитика прозвучало: «Но, возможно, вы *ничего и не получили* от анализа», как утверждение возможного факта. Это вызвало шок и ярость, и тут наступил момент, когда пациент стал реален для самого себя.

Глава 12

ИЗУЧЕНИЕ ГРУПП

...Самообман, в силу которого единичный человек считает себя действительным в своей отдельности ото всего, и такую свою мнимую обособленность предполагает как настоящую основу и даже единственно возможную исходную точку для всех своих отношений, – этот самообман отвлеченного субъективизма производит опустошения не только в области метафизики (которая с этой точки зрения даже совсем упраздняется), но и в сфере нравственной и политической жизни.

(Solovyov, 1918, p. 200)¹

До зрелых своих исследований о природе психоаналитического процесса и мышления Бион уже вел новаторскую терапию с группами. По ходу этой деятельности мы видим истоки многих аспектов его более поздних публикаций. Проследивая его терапию с группами, мы стараемся показать нити, соединяющие эту работу с его более зрелыми идеями.

Когда Биону исполнилось пятьдесят лет, Ученый Совет Тэвистокской Клиники попросил его брать терапевтические группы, используя его собственные техники. В ответ на эту просьбу он написал:

1 Соловьев В. С. *Оправдание добра. Нравственная философия.* Т. 1. – Прим. пер.

Меня смутило открытие, что Ученый Совет, похоже, верит, будто пациентов в таких группах можно вылечить. Это заставило меня с самого начала считать, что их ожидания того, что произойдет в группах, где я буду участником, очень сильно отличаются от моих. На самом деле единственное исцеление, о котором я мог говорить с уверенностью, касалось моего собственного сравнительно легкого симптома – веры, будто группы могут доброжелательно отнестись к моим усилиям.

(Bion, 1961, p. 29)

Он упоминает, что у него уже был опыт попыток убедить группы пациентов сделать изучение своих напряжений групповой задачей. Это был, как его потом стали называть, Нортфилдский эксперимент, который мы рассмотрим ниже.

Бион занялся изучением групп путем наблюдения и интерпретации. Затем он соединил методы наблюдения и эксперимента. Интерпретации – это такие виды вмешательства, которые изменяют поведение группы, поэтому он наблюдал за воздействием этих интерпретаций. Поскольку группа была предметом его изучения, он не интерпретировал поведение индивидуумов, хотя такое искушение у него было. Поэтому члены группы занимали свои места и ожидали, что он что-нибудь скажет, объяснит, как они должны действовать или что делать, чтобы он как-то заставил действие начаться. Вместо того чтобы исполнять их ожидания, он интерпретировал то, чего они ожидают от него, и обнаружил, что такие виды вмешательства группа встречает весьма неблагоприятно. При помощи такой процедуры он наблюдал за функционированием группы и формулировал определенные его принципы.

У каждой группы есть сознательно поставленная задача. Ту сотrudничающую психическую деятельность, которая занимается этой задачей, Бион назвал рабочей группой. Термин *рабочая группа* относится не к людям, которые составляют группу, а к психической активности, которой они занимаются. Это та группа, которая пытается посмотреть на себя и на групповой процесс научным образом, наблюдать себя,

контейнировать чувства и говорить о них, вместо того чтобы сразу давать им разрядку. Бион, однако, наблюдал другой уровень психической активности. Сосредоточиться на этом уровне было все равно, что сосредоточиться на другом уровне слишком толстого среза на микроскопе; одна фокусировка показывает рабочую группу, но сдвиг в мысленной фокусировке раскрывает другой уровень умственной активности, в котором группа, похоже, не берет на себя никакой ответственности за то, что происходит, например, банальный уровень разговоров, и, похоже, не слушает, когда Бион предлагает интерпретацию. Этот другой уровень психической активности Бион назвал *базовыми допущениями*.

Активность рабочей группы встречает препятствие, отклоняется и временами получает помощь от определенных других видов психической активности, которые объединяет наличие мощных эмоциональных драйвов. Эти виды активности, на первый взгляд хаотичные, обретают определенную связность, если предположить, что они происходят из базовых допущений, общих для всей группы.

(Bion, 1961, p. 146)

В каждый данный момент времени в группе всегда присутствует какое-то активное базовое допущение. Существует три базовых допущения, и если присутствует одно из них, то тем самым исключаются два другие. Базовые допущения – это зависимая группа, группа борьбы–бегства и группа пар, и, как и рабочая группа, каждое из этих названий описывает способ психического функционирования группы, а не людей, которые ее составляют.

В зависимой группе выбирается один человек, и затем от него ожидают, что он будет выполнять роль обеспечивающего других членов группы, или, как это выражает Бион:

Базовое допущение в этой групповой культуре, по-видимому, таково, что существует некий внешний объект,

функция которого – обеспечивать безопасность незрелому организму. Это означает, что один человек всегда воспринимается как находящийся в таком положении, чтобы обеспечивать нужды группы, а остальные – в таком положении, когда эти нужды обеспечиваются.

(Bion, 1961, p. 74)

Выбранный человек освобождает остальных от необходимости быть ответственными, думать и разбираться в чем-то самостоятельно. В терапевтической группе выбранный человек – это обычно психиатр, психолог или психоаналитик. Когда аналитик интерпретирует то, как функционирует группа, его интервенции встречают весьма нерадостно. Группа верит, что она имеет право ожидать, чтобы этот назначенный лидер вел себя таким образом, как она хочет. Когда он не ведет себя согласно ожиданиям, то группа считает, что это с его стороны извращение и намеренная провокация.

Зависимая групповая культура присутствует в каждом из нас, но становится доступна наблюдению только тогда, когда человеческие существа находятся в видимых и слышимых отношениях друг с другом. Бион не согласен с точкой зрения, что некий инстинкт – стадный инстинкт – начинает действовать, когда люди собираются вместе в каком-то количестве, но отсутствует, когда индивидуум изолирован от группы. Он говорит, что мы существа групповые и что эти элементы действуют в нас все время, но становятся доступны наблюдению только тогда, когда мы в группе. «Кажущееся различие между групповой психологией и индивидуальной психологией есть иллюзия, создаваемая тем фактом, что группа выводит на передний план явления, которые представляются чуждыми наблюдателю, непривычному к использованию групп» (Bion, 1968, p. 134).

Наше индивидуальное психическое устройство интимно связано с другими, как наша тенденция образовывать конструктивно работающие группы, так и способность или, как это называл Бион, валентность к образованию каждого

из психических состояний базового допущения, когда мы физически находимся в группе с другими людьми.

Бион говорит, что базовое допущение группы – это то, что «люди сходятся вместе как группа для целей сохранения группы» (Bion, 1968, p. 63). То, что тенденция группироваться делается явной в акте схождения вместе, ясно, но постулировать, что базовое допущение индивидуумов в группе – это то, что они исходно собираются с целью сохранить группу, предполагает, что они чувствуют, что группа имеет естественную тенденцию к распаду. Это то, чего члены группы боятся и что они бесконечно обсуждают, когда, например, один из участников отсутствует. Но нет никакой соответствующей тенденции работать, чтобы сделать группу достойной сохранения. Есть ощущение, что в течение длительного времени все, что нужно, – это находиться в группе.

В группах Биону было показано ясно, что, хотя предпосылка была, что люди собрались для того, чтобы сохранить группу, целью этого сохранения было функционирование группы под одной из базовых допущений. Многочисленные жалобы членов группы, что они не видят, какое отношение интерпретации, те эмоции, к которым Бион пытался привлечь их внимание, имеют к их проблемам, что они не способны помнить, что происходило на предшествующих сессиях, показывала, как трудно им учиться из опыта. Процесс развития сам по себе вызывает ненависть. Бион, однако, говорит далее:

Это не просто негативная позиция; процесс развития на самом деле сравнивается с каким-то другим состоянием... подобным появлению на свет полностью экипированными в качестве взрослых людей, снабженными инстинктом, чтобы в точности знать, без обучения или развития, как жить и двигаться и как существовать в группе. Есть только один тип группы, который приблизительно похож на эту мечту, и это... группа, где доминирует одно из трех базовых допущений.

(Bion, 1961, p. 89)

Бион понимал, что эта антипатия к обучению на опыте – основной фактор, лежащий в основе всех защитных позиций. Он назвал одну из своих книг *Learning from Experience*, и трудом всей его жизни стала подробная разработка этой темы.

Индивидуум может делать свой вклад в группу анонимно, и ему не приходится брать на себя индивидуальную ответственность за него. Но за этим следует наказание; в результате этот человек не получает признания как индивидуум, и проблемы, которые привели его или ее в группу, не будут решаться как таковые. Менталитет базовых допущений игнорирует индивидуума, который поэтому не вполне уверен в собственном членстве в группе.

Другое групповое базовое допущение – это чувство, что единственные механизмы, которые можно использовать, чтобы сохранить группу, суть борьба и бегство. В группе борьбы–бегства сама идея, что можно использовать понимание, предается анафеме.

Ключом к пониманию группы борьбы–бегства будет следующая фраза:

Возникает такое чувство, что благополучие индивидуума не имеет значения, пока длится группа, и еще возникает чувство, что любой метод справляться с неврозом, который состоит не в том, чтобы бороться с неврозом, и не в том, чтобы убегать от его носителя, либо не существует, либо прямо противоположен благополучию группы; такой метод, как мой, не признается правильным ни для одной из базовых техник группы.

(Bion, 1961, p. 64)

Группа ищет лидера, который поведет группу либо в бегство от неприятеля, т. е. от пугающего состояния ума, либо в борьбу со страдающей жертвой; когда психоаналитик или психолог, являющийся лидером рабочей группы, не принимает участия в этой позиции, появляется ощущение, что он пренебрегает своими обязанностями. Тогда находят более подходящего лидера в ком-то, у кого уже есть на уме противник,

например, кого-то паранойяльного. Группа, следовательно, может выбрать лидера, который часто бывает самым проблемным ее членом; если не явного параноика, то, возможно, кого-то с психопатическими тенденциями. Врагом в глазах группы является умственный настрой рабочей группы и то, чем он грозит, – инсайт и мучительные чувства.

Метод Биона, т. е. менталитет рабочей группы, враждебен базовым техникам группы, потому что он продолжает искать прояснения той психопатологии, от которой группа предпочла бы убежать, или убрать ее еще каким-нибудь способом. Парадоксально, но метод Биона заботится об индивидууме через принятие позиции для наблюдения и думания, которая затем поведет к психическому развитию. Он не станет вступать в сговор с желанием группы определить «врага», возможно, в индивидууме или даже в какой-то идее. Вместо этого он интерпретирует желание группы поступать таким именно образом. Точно так же, как в зависимой группе одного человека выбирают как обеспечивающего группу; в группе борьбы–бегства выбирают врага, и либо через борьбу, либо через бегство от этого врага группа «ощущает» себя связанной. В реальности, однако, группа не разрешила лежащей в ее основе тенденции к распаду, а просто временно спрятала от себя это знание. Через механизм борьбы или бегства группа пытается уничтожить знание через действие. Бцион смог достичь знания через контейнирование тревог, которые были навязаны ему в группе.

Иногда в группе два человека начинают общаться друг с другом и остальные участники это терпят. Такое изменение в настроении группы было определено Бионом как «группа образования пары». Группа принимает новое базовое допущение, что, когда два человека встречаются вместе, они делают это для сексуальных целей. Бцион предположил, что другие члены группы терпят такой исключаящий их обмен репликами потому, что секс порождает надежду, что в будущем родится дитя, то, что Бцион назвал идеей мессианства, и это будет иметь позитивные последствия для группы в смысле

освобождения их от их чувства порабощенности. Таким образом, в группе пар лидером является еще не рожденный. Чувство порабощенности для группы – это настрой рабочей группы, которая угрожает им мучительными чувствами, связанными с изменением.

Именно за позицию полных надежды ожиданий группа цепляется в своем тревожном желании избавиться от угрозы, что придется извлекать знание из опыта. Должны существовать только полные надежды ожидания; важный момент – это то, что ребенок возникшей пары никогда не должен родиться. Рождение новой идеи, например, будет означать и утрату надежды, и изменение. Поэтому новую идею необходимо отрицать такими высказываниями, как: «В конце концов, в этой идее нет ничего нового. Она просто...». В группах и общественных институтах такая антипатия к новым идеям настолько повсеместна, что проходит почти незамеченной.

Дифференцированная сосредоточенность на деятельности рабочей группы и на базовом допущении текущего момента напоминают нам описанное Бионем психическое «бинокулярное зрение», создаваемое контактным барьером из α -элементов, который позволяет одновременное переплетение бессознательных и сознательных элементов, порождающее глубину и резонанс в мышлении и в аналитической интуиции. Отсюда позднее он, уйдя от дихотомии бессознательного и сознательного, пришел к идее рассмотрения психоаналитического объекта со множеством вертексов, а также к идее обратной перспективы. Тем самым Блон увел психоанализ от позитивистской позиции.

Пересматривая свои представления о функционировании группы, Блон в последнем разделе своей книги о группах, исходя из своего нового понимания Клейнианской теории, постулировал, что групповой менталитет базового допущения есть попытка убрать преследующие чувства, потому что

представление о группе в умах составляющих ее индивидуумов слишком близко подходит к очень примитивным фантазиям о содержимом тела матери. Попытке

произвести рациональное исследование динамики группы, таким образом, мешают страхи и механизмы, предназначенные справляться со страхами, которые характерны для паноидно-шизоидной позиции.

(Bion, 1961, p. 162)

Бион позднее видел нечто похожее в отчаянных попытках психотика предотвратить интеграцию, даже вплоть до уничтожения своего собственного психического аппарата. Во время работы над статьями о психозе Бион писал о страхе психотика, что интеграция приведет к появлению ужасающего свирепого супер-эго. Позднее он вместо этого заговорил о катастрофической тревоге, которая возникает в моменты психического изменения, и что именно от этого так энергично защищаются позицией, представленной ментальностью базовых допущений, которую можно также рассматривать как не-думание и поэтому ассоциировать с –К, или безэмоциональной связью. Иными словами, согласно его более поздним формулировкам, ужас вызывают не просто преследующие фигуры и чувства, такие как тревога и вина, но также катастрофическая утрата чувства собственной безопасности, которая ассоциируется с психическим изменением.

В попытке понять, что стоит за групповой активностью, связанной с базовыми допущениями, Бион выдвигает фигуры из фрагментированного примитивного мифа об Эдипе. В зависимой группе есть один зрелый родитель, связанный с одним ребенком, как Эдип со своей матерью, по мере того как каждый участник группы пытается заявить свои личные права на лидера. В группе борьбы–бегства можно видеть как бегство от предсказания оракула, так и бегство от истины; аспект борьбы – это убийство Лая, занимающее место стирания необходимой границы между Я и Другим, между индивидуумом и группой. В группе пар есть двое родителей, но ребенок, будущий лидер, должен оставаться нерожденным. Чего не наблюдается ни в одном из менталитетов, связанных с базовыми допущениями, так это, чтобы

двое взрослых родителей сошлись вместе и произвели на свет живого и активного ребенка, которым символически будет новая и угрожающая идея.

Это предвосхищает более позднюю работу Биона о мифологии и его осознание, что важно вовсе не повествование всех этих мифов, а, скорее, отдельные элементы; что эти элементы можно распознать в аналитической сессии и что они могут проливать свет. И кроме того, он понял, что в психической жизни значимы не только сексуальные элементы истории Эдипа, но что элементы этого рассказа, в отличие от всего повествования, необычайно важны в структуре наших мыслительных процессов. Например, в этой работе о группах выходит на передний план значимость угрожающей фигуры сфинкса.

Поскольку меня воспринимают как лидера функции рабочей группы, и редко бывает, чтобы этот факт вдруг перестали признавать, в меня и в функцию рабочей группы, с которой меня отождествляют, инвестированы чувства, которые были бы вполне уместны в отношении загадочного, мрачно задумчивого и задающего вопросы сфинкса, от которого веет несчастьем. Собственно, эти термины иногда используют в тех случаях, когда моя интервенция спровоцировала более сильную, чем обычно, тревогу, и практически нет надобности интерпретировать, чтобы группа сумела ухватить сходство. Я не знаю никакого опыта, который бы более ясно, чем опыт группы, показывал тот ужас, с которым относятся к позиции вопрошающего.

(Bion, p. 1961, p. 162)

Рабочая группа в своем исследовании представляет собой именно это. Группа чувствует себя под величайшей угрозой от этого исследования, из-за страха перед тем, что раскроется – вред, убийство, инцест, вина, преследование, т. е., по сути, разрушительный переворот всего прежнего порядка вещей. Та активность группы, что связана с базовым допущением,

направлена против исследования, поскольку группа боится боли от его эмоциональных последствий.

Первая глава книги *Experiences in Groups* представляет собой репринт статьи, которую Бион и Джон Рикман опубликовали в журнале *Lancet* в 1943 г., статьи, в которой они вместе описывают эксперимент в военном психиатрическом госпитале в Нортфилде, где Биона поставили во главе обучающего отделения. Бион обнаружил, что он там не может заниматься никаким серьезным планированием, поскольку в его кабинет постоянно приходят с различными докучливыми просьбами. Он знал уже тогда, что тут потребуются дисциплина, и создал себе модель начальника, командующего «батальоном разгильдяев». Нужны были два элемента: общий враг и командир, который верит в цельность своих людей и не боится ни их восхищения, ни их враждебности. Врагом он объявил «чрезмерные проявления невроза».

Мы хотим здесь привлечь внимание к явлению, которое для Биона стоит в центре понимания самого себя. Когда он обнаружил, что ему не удастся заняться никакой работой из-за постоянных помех, невротических по происхождению, он вполне мог бы издать приказ, чтобы его не беспокоили с 10:00 до полудня, но это было бы не в его духе. Он пришел к выводу, что фрустрация, которую он испытывает, характерна не только для него, но что все люди на его отделении также испытывают помехи от воздействия «чрезмерных проявлений невроза». Позиция Биона была одновременно научной и человеколюбивой и, как писал Джон Донн, была «увязана с человечеством». Донн понимал так, что его Я, его существование не отделено от существования других людей, а является частью единого субстрата. Такое восприятие своего Я выражали провидцы, более 2500 лет назад писавшие Упанишады, и его же придерживался Бион, когда писал: «Группа есть элемент, существенно важный для того, чтобы психическая жизнь человека стала состоявшейся» (Bion, 1961, p. 53).

Командир, который издает приказ, что ему не должны мешать с 10:00 до полудня, не придерживается мнения, что он

всего лишь один из многих, кто страдает от такой фрустрации. Его действие не имеет статуса мысли. Он не думает вообще. Его действия мотивируются желанием избавиться от возникшей фрустрации, и он, оставаясь на чувственном уровне, избавляется от нее путем отданного приказа. Ему внутренне присуще то, что другие люди не фигурируют в рамках его эмоционального ландшафта. Подход Биона иной. Он испытывает фрустрацию, но он наблюдает себя, и чувство фрустрации достигает статуса мысли. Свойство мысли таково, что она является хранилищем отношений, т. е. «не замкнутой реальностью, в которой нет никакого завершения» (Bion, 1992, р. 371). Административные меры, которые принял Блон, происходят из мысли, которая является продуктом восприятия его Я в его реальности, включающей Я других людей. В этом его отличие от всемогущего Я, которое, со своим чувством собственной личности, является иллюзией и не способно на эмоциональную или зрелую мысль. Мысль порождается научным человеколюбивым Я, которое «увязано с человечеством», и то, что при этом берутся в расчет другие люди, неизбежно. Мы остановились на этом так подробно потому, что Пайнз критикует Биона за то, что тот не берет в расчет индивидуума. Он спрашивает,

почему Блон не видит группу в свете своей модели матери и ребенка и их способности образовывать умелую пару. Блон был изумительно чутким наблюдателем психологических явлений, но в своей ранней работе о группах он, похоже, никак не может принять в расчет воздействие собственной личности и собственной техники на ситуацию, которую он наблюдает. Он полагал, что научные и объективные данные можно получить при помощи такого аналитического инструмента, как психика терапевта, и что ему нужно лишь тестировать точность своих интерпретаций, чтобы выполнить свою роль как терапевта. Блон был впечатляющей личностью, но держался отстраненно. Его замечания часто

были загадочны и трудны для понимания, и они всегда были адресованы группе в целом, никогда напрямую какому-либо одному индивидууму, как бы ни жаждал этот индивидуум прямого контакта с ним. Потому для этих людей Блон не был матерью, реверси которой возвратит им их мучительные нужды в более удобоваримой форме. Его техникой было взрастить фрустрацию и из мощных сил отпущенной на волю фрустрации развить регрессивные групповые менталитеты, которые он столь красиво описывал.

(Pines, 1987, p. 259)

Мы полагаем, что мнение Пайнза является восприятием столь радикально ошибочным и настолько широко распространенным, что стоит уделить время тому, чтобы его опровергнуть. Его мнение не учитывает, что интерпретации Блона основывались на уважении к индивидуальному мышлению. Блон ясно видел себя как одного из группы, участвующего как в рабочем менталитете, так и в менталитете базовых допущений. Например, периодически группа принимала то, что он пытался показать им что-то о них самих как группе. Когда такое случалось, Блон наблюдал, как он чувствует облегчение и немедленное стремление раскрыться перед членами группы, дать им что-то, что они хотели, предоставить им лидера, который им все объяснит, и тем самым успокоит их тревогу по поводу этого нового опыта. Поборов это стремление, которое было результатом того, что он поддался базовому допущению зависимой группы, т. е. пожелал стать их лидером, от которого они могли бы зависеть, он вновь обнаруживал, что стал объектом групповой враждебности.

Его способность к наблюдению и рефлексии была такова, что он мог думать об этих переживаниях, пока находился посреди давления группы, и затем сообщать членам группы свои мысли. Способность Блона думать в «боевых условиях» — это то, что, как мы полагаем, Пайнз ошибочно называет его отстраненностью.

Поначалу Бион попадался на удочку и давал индивидуальные интерпретации в попытке, как он это выразил, «получить индивидуальное лечение» (Bion, 1961. p. 115), полечить самого себя, под чем он подразумевает избавиться от плохости. Он признавал, что плохость, от которой он пытался избавиться, заключалась в том, что группа казалась неподходящей в качестве терапевтического инструмента. Он осознавал, однако, что реальная проблема заключается в том, что он не сумел использовать группу терапевтическим образом и что давать индивидуальные интерпретации – это результат того, что он попался на базовое допущение группы зависимости, с ним в качестве лидера, вместо того чтобы поддерживать менталитет рабочей группы. Он пишет:

Я весьма сомневаюсь, что какая-либо реальная терапия могла бы произойти, если не обнажить эти психотические паттерны, неважно, в какой группе. В некоторых группах их существование различимо рано; в других необходимо проделать работу, прежде чем они станут явными. Эти группы похожи на аналитического пациента, который выглядит значительно более больным после нескольких месяцев анализа, чем он выглядел до того, как начал получать вообще какой бы то ни было анализ.

(Bion, 1961, p. 181)

Таким образом, когда Бион не делал интерпретации кому-то индивидуально, это выглядело так, будто он отталкивает этого человека от себя, но он делал как раз противоположное; он признавал индивидуальность другого. Бион считал, что разделение между индивидуальной психологией и социальной психологией основывается на иллюзии. Бион считал, что то, что чувствует он сам, разделяли и члены группы. Его групповая интерпретация, следовательно, давала силу индивидуумам в группе. Мы полагаем, что Пайнз ошибался, когда думал, что Бион не заботится об индивидууме; скорее, его забота выражалась иначе, чем забота Пайнза.

В Нортфилде Бион ввел следующую систему дисциплины:

1. Каждый человек обязан сделать часовую физическую зарядку ежедневно, если у него нет медицинской справки об освобождении.
2. Каждый человек должен быть членом одной или более групп – групп по обучению ручным ремеслам, курсов военных корреспондентов, плотницкого дела, чтения карт, полировки столов и т. д.
3. Каждый человек может сформировать новую группу, если пожелает, либо потому, что не существует никакой группы для его конкретного вида деятельности, либо потому, что по какой-либо причине он не может присоединиться к существующей похожей группе.
4. Человек, который чувствует, что не способен присутствовать в своей группе, должен отправиться в комнату отдыха.
5. Комната отдыха находится под наблюдением медицинского санитара, и в ней должна сохраняться тишина...

(Bion, 1961, p. 15–16)

Кроме того, каждый день был тридцатиминутный парад, скрытая, но истинная цель которого была дать людям понаблюдать самих себя в этих видах активности.

Чрезмерные проявления невроза были врагом группы и проблемой, которую должна решать группа в целом. На первый взгляд это звучит так, будто такого рода действие несет все признаки группы борьбы–бегства. Был общий враг, с которым группа боролась. Однако этот враг не был помещен в индивидууме, а, скорее, являлся болезнью группы в целом. Тем не менее, некоторый элемент механизма борьбы–бегства присутствовал в центральности общего врага, вместо конструирования группового идеала. Бион говорит абсолютно четко, что моделью, которую он использовал, была модель военного командира с «батальоном разгильдяев» и модель группы военного времени, для которого типична группа

борьбы–бегства, как он указывал позднее при обсуждении специализированных рабочих групп. Скажем тогда, что в обучающем отделении Нортфилдского военного госпиталя он максимально использовал механизм борьбы–бегства, но поднял его на такой уровень, когда пациентов поощряли искать врага, скорее, внутри себя, чем используя более примитивный механизм проецирования его в другого, которого затем воспринимают как того, кто *является* врагом.

Прошло лет шесть, и в 1948 г. Тэвисток попросил Биона взять несколько терапевтических групп. Он использовал тот же самый принцип, что в Нортфилде, т. е. то, что выражающееся в индивидууме обозначает конфигурацию группы, и занялся изучением группы по этой модели. Человек, чьи мысли и чувства он знал лучше всего, был он сам. Совсем нетрудно увидеть в терапевтических группах, которые он взялся вести в Тэвистоке, продолжение группового эксперимента в Нортфилде. Однако есть подозрение, что его способность справляться с проекциями группы на него стала более глубоко интернализированной. Быть объектом мощных проекций от индивидуума – это трудно выдержать, но группа многократно усиливает индивидуальные проекции. Способность Биона справляться с давлением, оказываемым на него теми первыми тэвистокскими группами, и достаточно хорошо переносить его, чтобы делать интерпретации, была, по нашему впечатлению, по меньшей мере героической. После него многие другие аналитики и терапевты брались вести группы по его методу, но быть первопроходцем означало, что ему приходилось также терпеть страх, что то, что он делает, может быть безумием. После Биона групповые терапевты могли опираться на авторитет традиции.

До Второй мировой войны Блон прошел некоторое количество анализа у Рикмана. После войны Блон не мог продолжать этот анализ, поскольку они вместе работали во время войны в психиатрии. В 1945 г. он начал анализ с Мелани Кляйн и был, вероятно, в анализе с ней в то время, когда вел группы в Тэвистоке. По нашим предположениям, рост его

эмоциональной выносливости можно приписать отчасти его личному анализу с ней. Он постепенно приходил также к убеждению в «важности клейнианских теорий проективной идентификации и взаимодействия между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями» (Bion, 1961, p. 8).

Примером специализированных рабочих групп являются Армия и Церковь. Они, видимо, возникли из основных общественных групп для целей контролирования и управления активностью, основанной на менталитете базового допущения: соответственно одна – борьбы–бегства, а другая – зависимости, так, чтобы эти базовые допущения не мешали функционированию рабочей группы. Армия предоставляет врага и соответствующее обучение против него, а церковь – идеализированного защищающего лидера, от которого всем можно зависеть. В этих двух институтах, таким образом, мы наблюдаем, как менталитет базового допущения конструктивно вводится в рабочую группу. Определенные виды активности встроены в эти учреждения, чтобы обеспечить, чтобы другая активность на основе базовых допущений не мешала гладкому функционированию группы. Например, после того, как церковная группа эффективно поработает, чтобы достичь какого-то значительного результата, Церковь быстро вклинивается и благодарит Бога за то, что он позволил случиться этому достижению, вместо того чтобы благодарить рабочую группу, которая на самом деле его добилась. Это для того, чтобы группа непременно осталась зависимой от лидера, которого нельзя сделать явным и который поэтому не может быть лидером более активным способом, так как это могло бы привести к нарушению статус-кво.

Как упоминалось выше, как только Бион начал в работать в Нортфилдском военном госпитале, люди засыпали его просьбами. Это можно рассматривать как попытку военнослужащих сформировать группу с базовым допущением зависимости, поскольку им не хотелось принимать ответственность за самих себя, и они обращаются к Биону как к лидеру, от которого они могли бы зависеть во всем. Он действовал

так, как действовала бы специализированная рабочая группа, восстановив армейский менталитет борьбы–бегства путем указания на общего врага, невроз.

В норме в группе присутствуют одновременно рабочая группа и доминирующая группа базового допущения. В специализированной рабочей группе, подобной Церкви или Армии, рабочая группа старается обеспечить соответствующему базовому допущению доминирующее положение и чтобы ей не мешала какая-нибудь из групп двух других базовых допущений, которые могли бы своим появлением привести к нарушению функционирования всей организации. Примерно так же в терапевтической группе рабочая группа присутствует вместе с одной из групп базового допущения, которая доминирует в это же время. В этом случае нет необходимости обороняться от той готовности, с которой группа одного базового допущения может быть заменена другой, как в случае Церкви или Армии; вместо того эти изменения могут быть использованы рабочей группой через наблюдение и интерпретацию.

Исходя из своих наблюдений в армии и в этих терапевтических группах, Бион находил, что состояние паники связано с менталитетом борьбы–бегства. Он считал, что лидер группы, находящейся в паническом бегстве, легко может заставить группу повернуть вспять и стать боевой единицей; таким образом, при состоянии паники бегство и агрессия взаимозаменяемы.

Бион заметил, что когда в группе присутствует одно базовое допущение, остальные два отсутствуют, поэтому он задался вопросом: «Где они находятся?» Чтобы ответить на этот вопрос, он предложил «протоментальную систему». Он высказал предположение, что в личности существует некоторый субстрат, в котором телесное и психологическое пока еще не дифференцированы. Телесное событие, так же как и психологическое событие, могут являться эманацией протоментальной системы. Таким образом, болезнь или психическое страдание могут быть альтернативными сигналами

от системы. Протоментальная система не является ни ментальной, ни физической, а является состоянием, в котором то и другое не дифференцировано. Существует очевидное сходство между этой теорией и теорией Хартмана, который верил, что в раннем младенчестве Эго и Ид не дифференцированы. По теории Хартмана, Эго не стало дифференцированным на этой стадии, так что личность вся состоит из влечения или инстинкта. У Биона болезнь, несчастный случай или произнесение голосом все являются «речью» протоментальной системы. В его более поздних работах протоментальная система превратилась в концепцию β -элементов, которые могут проявляться как несчастный случай, болезнь или произнесенное голосом. Трудно вообразить себе такое положение вещей, когда физическое и психическое не разделены, а являются чем-то единым, но именно это постулирует Блон. Когда в группе оперирует одно базовое допущение, другие два исключены. Они изгнаны в протоментальную систему.

Блон полагал, что эти базовые допущения присутствуют не только в малой терапевтической группе, но также и в тех больших массовых группировках, которые составляют общество. Он думал, что возможно посмотреть на матрицу процессов болезни, используя эту идею протоментальной системы.

Те базовые допущения, которые находятся внутри протоментальной системы, тем не менее, все еще активны, так что когда, например, болезнь становится явной физически, у нее будут психологические сопровождающие компоненты, возникающие из подавленных базовых допущений, остающихся в протоментальной системе.

Блон приводит в пример туберкулез, который встречается, когда в обществе доминирует менталитет базового допущения борьбы–бегства и находящиеся в аффилиации с ним эмоции – эмоции подавленной зависимой группы. Лечение туберкулеза состоит в том, чтобы поместить туберкулезного пациента в положение значительной зависимости, предписать

ему постельный режим, или же режим минимальной активности, изолировать его от стрессов мира и перевести на диету с большим количеством молока; иными словами, это возвращение взрослого в младенческое зависимое состояние. Это менталитет подавленного базового допущения зависимости, выражающий себя в союзе с явно проявляющейся болезнью.

Можно, например, выдвинуть гипотезу, что базовое допущение, доминирующее в западном обществе в настоящий момент, – это базовое допущение зависимости, с его требованием все больших и больших ресурсов, выходящих далеко за пределы его потребностей. Менталитеты базовых допущений группы пар и группы борьбы–бегства, следовательно, подавлены в протоментальной системе в том состоянии, в котором физическое и психическое еще не дифференцировано. Может возникнуть физическая болезнь, у которой есть аффилиации с эмоциями, преобладающими в группе пар или борьбы–бегства. Причина болезни будет в доминирующем базовом допущении, т. е. в базовом допущении зависимости. Болезнь, которая могла бы соответствовать этому паттерну и которая появилась в эпидемической форме в последние несколько лет, – это СПИД, с его обертонами «менталитета „мы против них“».

Бион также считал, что колебания ценности денег могут коррелировать с изменением базовых допущений. Он подчеркивает, что соотношение между базовыми допущениями и болезнью или стоимостью денег являются, скорее, реципрокными, чем каузальными. Как дождь, океаны и испарения находятся в отношениях, скорее, круговорота, чем в причинно-следственных одно к другому, также и протоментальная система, базовые допущения и заболевания или изменения стоимости денег: «Когда происходят действия на основе одного базового допущения, чувства, ассоциируемые с ним, всегда связаны друг с другом с той прочностью и исключительностью, не более и не менее, которую ожидаешь встретить в химических соединениях» (Bion, 1961, p. 95–56). Так, например, обида и фрустрация неразлучно связаны с конфигурацией

зависимой группы. Блон предлагал, чтобы какой-нибудь исследователь протестировал его гипотезу с использованием статистических методов.

Необходимо добавить небольшое дополнение к тому, что было сказано о протоментальной системе. В заключении к своей книге *Experiences in Groups* Блон (1961, р. 189) говорит, что он считает, что примитивные тревоги, связанные с отношениями с частичным объектом, содержат высший источник любого группового поведения. Ранее на той же самой странице он говорит, что базовые допущения, по-видимому, являются защитными реакциями на психотическую тревогу. Но является ли это новой теоретической позицией? Совместима ли она с его теорией протоментальной системы? Или же она находится в конфликте с ней? Очень мало сомнений в том, что в этом заключении к книге он пытается интегрировать свои исследования и свою теорию как со взглядом Фрейда на групповое поведение, так и с теорией Мелани Кляйн о тревоге и отношениях с частичными объектами. Ясно одно: в этом заключении он соскальзывает в объясняющие схемы, основанные, скорее, на причинных отношениях, чем на реципрокных. Мы поэтому полагаем, что здесь он пошел против своих собственных взглядов, пытаясь принять в расчет взгляды Фрейда и Мелани Кляйн.

Однако является ли протоментальная система композитом примитивных отношений с частичным объектом? И являются ли примитивные отношения с частичным объектом протоментальными? Различимо ли физическое и ментальное в их составе? Мы склоняемся к точке зрения, что это именно так, потому что психотические явления проявляются и физически, и психологически. Это свидетельствует о том, что протоментальная система состоит из примитивных отношений с частичными объектами. Психологическое является объектно-ориентированным.

В своих более поздних работах Блон не пользовался термином «протоментальная система», потому что его заменила та часть психики, которая состоит из « β -элементов».

Его определение « β -элементов» в точности соответствует его описанию протоментальной системы, а именно:

... β -элементы. Этот термин обозначает самую первичную матрицу, на которой возможно возникновение мысли. По своим свойствам она напоминает и неживой объект, и психический объект без каких-либо отличий между ними. Мысли – вещи, вещи – это мысли, при этом они имеют личностный характер.

(Bion, 1963, p. 22)

Исследование групп было для Биона ступенькой по направлению к его зрелой теории, которую мы обрисовали в предшествующих главах. Опыт анализа позволил ему прояснить и расширить свое мышление. Его α -функционирование развилось и стало явным в его зрелой теории. Протоментальная система, инкорпорирующая базовые допущения, превратилась в β -элементы. Сам Бион являлся матерью в состоянии реверси, помогающей процессу трансформирования β -элементов в α -элементы. Эти α -элементы со временем трансформировались в понятие, а затем в гипотетико-научную систему, концепция которой вложена в Таблицу.

Бионовское исследование групп стало классическим и проложило путь подходу к групповой психотерапии, который сохранился в тэвистокской клинике до сегодняшнего дня. Его методы подвергались некоторыми суровой критике. Однако Бион видел возможность применения более широкого, чем одна групповая терапия. Он изучал группы, как люди функционируют в группах и склонность индивидуума входить в группы, существующую до того, как он или она встретит других людей. Он рассматривал более широкое значение своей теории.

В психотерапевтической или аналитической паре, в группе из двух человек мы видим ту же самую готовность или валентность формировать группы базовых допущений, от полной надежды «хорошей работы вместе» (группа пар) до застрявшего садомазохистического отношения (борьба–

бегство). Группа зависимости еще легче маскируется готовностью соглашаться на то, чтобы аналитик или терапевт был благожелательным человеком, который «знает лучше» и в конечном итоге принимает на себя полную ответственность за работу. Тенденция образовывать группы есть в каждом из нас, включая психоаналитиков и терапевтов.

Работа Биона *A Memoir of the Future* (1991) иллюстрирует множественные части личности, показывая различные группы людей, встречающихся вместе. В этих встречах, помимо попыток понять смысл, мы видим образование группировок базовых допущений, которые противостоят этой активности рабочей группы. Здесь Бцион передает идею группы внутри индивидуума, которая противостоит работе, направленной на обучение из опыта и на раскрытие разума бесконечным мыслям, которые ждут, чтобы их подумали.

Культура зависимой группы является проявлением непроработанного эдипова комплекса. Когда Фрейд впервые очерчивает эту клиническую единицу, он изображает ее как парадигму сексуальных желаний ребенка, направленных на родителя противоположного пола. Скорее, эмоциональное, чем сексуальное, значение этого было прояснено более поздними аналитиками. Эрих Фромм сказал яснее всего:

Полное значение открытия Фрейда можно узнать, только если мы переведем его из области секса в область межличностных отношений. Сущность инцеста не в сексуальном устремлении к членам той же семьи. Это устремление в той мере, в которой его можно обнаружить, есть лишь одно выражение значительно более глубокого и фундаментального желания оставаться ребенком, привязанным к тем защищающим фигурам, из которых мать является самой ранней и наиболее влиятельной. Эмбрион живет с матерью и от матери, и акт рождения есть лишь один шаг по направлению к свободе и независимости. Младенец после рождения все еще во многих отношениях составляет нечто единое

с матерью, и его рождение как независимого человека является процессом, который занимает много лет – который, собственно говоря, занимает всю жизнь. Перерезать пуповину не физически, но в психологическом смысле есть великий вызов человеческого развития, а также его наиболее трудная задача. Пока человек связан этими первичными узами с матерью, отцом, семьей, он чувствует себя защищенным и в безопасности. Он все еще эмбрион, за него отвечает кто-то другой. Он избегает беспокойного пугающего переживания, рассмотрения себя как отдельной единицы, наделенной всей ответственностью за свои собственные действия, с задачей проводить свои собственные суждения, «взять свою жизнь в свои собственные руки». Оставаясь ребенком, человек не только избегает фундаментальной тревоги, непременно связанной с полным осознанием своего я как отдельной единицы, он также наслаждается удовольствием защиты и тепла и несомненной принадлежности к кому-то, которой он некогда наслаждался ребенком; но он платит высокую цену. Он не становится полностью человеческим существом, не развивает свои способности разума и любви.

(Фромм, 1972, р. 77–78)

Если Фромм осуществил перевод от сексуальных к межличностным отношениям, то Бион совершил перевод от сексуального к эмоциональному.

Глава 13

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПСИХОЗА

Как человек знает о боли... столь неощутимой, что ее интенсивность, чистая интенсивность, так сильна, что ее невозможно выдержать, ее необходимо уничтожить, даже если это означает убийство «анатомического» индивидуума?

(Bion, 1991, p. 51–52)

Бион написал несколько работ о психотических процессах, которые были опубликованы между 1950 и 1958 гг., т. е. до изложения его новых теорий в книгах *Learning from Experience*, *Elements of Psycho-Analysis* и *Transformations*. Его работа с психотическими пациентами сформировала его теорию мышления. Его ранние статьи о психозе опубликованы в *Second Thoughts* вместе с его *Комментарием* к этим статьям, написанным в 1967 г., после выхода вышеупомянутой трилогии. В своем Введении в эту книгу, когда он говорит о подробных описаниях сессий, Бион пишет:

Мне всегда казалось, что против таких описаний можно выдвинуть довод, что повествование и данные интерпретации суть только два разных способа сказать одно и то же, или две разные вещи, сказанные об одном и том же факте. С годами мое подозрение перешло в глубокую убежденность.

(Bion, 1967, p. 1)

Каждое высказывание всегда является трансформацией, и потому повествование и интерпретация суть два различных выражения одной и той же вещи.

Для Биона мышление есть трансформация. Это сущность его теории мышления, которая разрабатывается в трилогии и, наконец, наиболее полно выражена в *Transformations*; а именно, что то, что происходит в аналитической сессии, представляет собой различные трансформации одного и того же эмоционального события – О. Поэтому мы поместили эту главу о психозе после тех глав, где излагается теория Биона. Эта глава сосредоточена на наблюдениях Биона во время его первоначальной работы с психотиками и другими серьезно нарушенными пациентами и перекидывает мостики к дальнейшему развитию его теории.

Когда Блон пишет о пациентах-психотиках, он говорит не только о явных случаях шизофрении с очевидным нарушением мышления, но также и о психотической части личности у пограничных и невротических пациентов. Таким образом, механизмы, описанные для пациентов-психотиков, представляют собой не какую-то эзотерическую теорию, а применимы ко всем пациентам, включая самого себя. Доминирование психотической части над непсихотической частью в любой личности является помехой психическому функционированию.

В этих статьях Блон говорит о вербальной мысли как о способности, которая психотику дается с трудом, и затем он ее ненавидит, потому что она заставляет его войти в соприкосновение с реальностью его психического мира. Блон представляет себе довербальную мысль как некие идеографы, мысленные картинки, которые передают тот или иной аспект реальности и которые способны соединяться вместе. С развитием его теории мышления эти термины будут введены в аппарат мышления в целом, идеографы как подобие зрительных образов, произведенных из α -элементов.

ШИЗОФРЕНИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

В своей работе *Notes on the theory of schizophrenia* Бион описывает неуместное использование языка шизофреником, который, например, использует его как способ мышления там, где более уместно было бы использовать действие. Например, женщина собирается купить мясо, но оказывается в рыбном магазине. Тогда она решает, что рыбак продаст ей мяса. Язык можно использовать как действие; например, в проективной идентификации заталкивать в аналитика слова, словно предметы, или, особенно когда аналитик воспринимается как преследующий, расщеплять психику аналитика, порождая в нем противоречивые мысли и конфликтующие интерпретации.

Мы видим из этих примеров, как могла прийти на ум Биону идея горизонтальной оси Таблицы. Позднее он увидит эти способы думания как действие, как попытки психотической части личности мешать отношениям думания, которые могут привести к изменению.

Эта статья и следующая, *Development of schizophrenic thought*, сосредоточены на речи и вербальной мысли, для того чтобы очертить роль расщепления и проективной идентификации в атаках на аппарат осознания, которого требует принцип реальности.

Искалечив свой аппарат осознания, который тесно связан с развитием вербальной мысли, шизофреник чувствует, что оказался пленником состояния собственной психики, потому что он не может бежать из него, используя мысль, выраженную словами, т. е. он не может вербализовать свои чувства или назвать какую-нибудь постоянную сопряженность, которая позволила бы развиваться смыслу. Он уничтожил ключ к собственному побегу. В ходе анализа он начинает развивать эту способность к вербальной мысли, и бегство из плена становится для него возможно. Но теперь он лучше осознает свои чувства мучительной подавленности, вины и тревоги. Поэтому он отщепляет свою новообетенную способность к вербальной мысли и проецирует ее в аналитика. Однако теперь отсутствие ее заставляет его чувствовать себя

безумным. Иногда ему представляется, что, подобно Прометею, он терпит кару за то, что решился обрести ее, или же что аналитик ее у него украл.

Достижение способности к вербальной мысли является поворотной точкой анализа, но Блон подчеркивает, что, оказавшись в этой точке, пациент, который теперь осознает, что у него есть галлюцинации и бредовые идеи, начинает ненавидеть аналитика за то, что тот привел к возникновению этого крайне неприятного осознания. Он может попытаться обратить процесс вспять путем мельчайшей фрагментации.

Если использовать созданную Блоном теорию мышления, обретение вербальной мысли включено в развитие мыслительного аппарата в целом. В *Комментарии* Блон говорит также, что он бы теперь рассматривал ощущение плена, ассоциируемое с разрушением мыслительных процессов, в свете ♀♂, когда ♀ сдавливает или берет в плен ♂. Психотик избегает эмоциональной боли только для того, чтобы оказаться сдавленным ♀ до состояния бессмысленности и ригидности, подобного смерти.

В *Notes on the theory of schizophrenia* Блон (Bion, 1967a, p. 24) также утверждает, что контрперенос должен играть важную роль в анализе шизофреника. В его более поздних работах, однако, он использует исходное фрейдовское определение контрпереноса, то, «что возникает в аналитике в результате влияния пациента на бессознательные чувства аналитика» (Freud, 1971c, p.144–145), и несколько раз повторяет, что контрпереносу нет места в анализе; единственное, что он означает, – это то, что аналитику нужно проходить дальнейший анализ. Это похоже на отход от позиции: «Что этот пациент делает со мной?», чтобы сосредоточиться на совместном переживании и его трансформациях.

ТОРЖЕСТВО СМЕРТНОСТИ

В своих статьях о психозе Блон подчеркивает важность в понимании шизофреника конфликта между инстинктами жизни и смерти, который никогда не разрешается (Bion, 1967a,

р. 38). Кроме того, он говорит, что «шизофреник очень озабочен конфликтом, который никогда до конца не разрешается, между деструктивностью, с одной стороны, и садизмом, с другой» (Bion, 1967а, р. 37). Это связано с засильем деструктивных импульсов, характерным для шизофренической личности (1967а, р. 37), так что даже импульсы любви оказываются окрашены ими и превращаются в садизм. Этот никогда не разрешаемый конфликт, таким образом, является одним из аспектов психотической части личности и способствует появлению охватывающего пациента чувства безнадежности; надежда, возникшая вновь при доминировании импульсов жизни, оказывается подорванной, когда деструктивные и садистические импульсы возвращают себе главенство, часто как бы атакуя или разрушая любой достигнутый прогресс. В действие вновь вступает сдавливающее ♀.

Один наркоман после больших усилий смог отказаться от наркотиков. Он чувствовал себя значительно более живым и способным думать. Он говорил о том, чтобы вернуться к учебе. В очередную пятницу его материал был по качеству банален, он выглядел равнодушным и отстраненным, не выказывал интереса и радости по поводу своего развития или тревоги о будущем. У аналитика, тем не менее, было впечатление, что тот насторожен и все контролирует. В тот вечер он вновь принял большую дозу наркотиков, рассорился с друзьями и потерял работу. Незадолго до того, как он решил принять наркотик, он испытал чувство одиночества, которое он нашел невыносимым. Этот замкнутый круг повторялся с вариациями много раз. Как только жизненная сила утверждала себя, вместе с надеждой приходили болезненные чувства. Их невозможно было вытерпеть, по крайней мере, на начальных стадиях, и деструктивная сторона брала верх, перебарывая робкий шаг вперед и готовясь уничтожить весь достигнутый прогресс. К тому же он получал удовольствие, разбивая, как ему представлялось, надежды аналитика; собственно говоря, возникновение надежды часто вызывает садистическое нападение.

Бион подчеркивал в своих более поздних работах, что дело не только в том, что поднимаются болезненные депрессивные эмоции, но что, кроме того, существует еще глубочайший страх перед изменением, перед неведомым, перед открытостью новому опыту.

После какого-то периода деструктивности жизненная сила вновь утверждает себя, порождая дальнейшее развитие, пока ей не бросает вызов деструктивность. Отношения переноса формируются слишком рано и примечательны тем, что они цепкие и одновременно тонкие.

Один пациент рано в своем анализе сказал, что сессии для него не имеют значения; ему совершенно неважно, ходит он на них или нет; что ему удобно, когда аналитик уходит в отпуск. Это пример истонченности, которую описывает Бион, но тот пациент был прочно привязан к аналитику, это видно было по тому, как он вглядывался в выражение лица аналитика, когда входил в кабинет, как тщательно отслеживал все, что аналитик делает во время сессии, как постоянно размышлял о том, что аналитик думает, и, кроме того, проявлял интерес, если слышал имя аналитика в гостях, употреблял психоаналитические слова, читал книги о психологии, и т. д. Но эмоциональный контакт в результате всего этого не становился сильнее.

В своем *Комментарии* 1967 г. (1967а, р. 153) Бион описывает перенос как постоянно меняющийся и использует зрительные образы из геометрии, чтобы описать эти различия. Линейный перенос – это такой, в котором связующим звеном между аналитиком и пациентом является линия, не имеющая толщины, но эта тончайшая и цепкая линия трансформируется в одно мгновение в мономолекулярную поверхность или плоскость. Пациент, кажется, находится в близком контакте с аналитиком, и это видно в переносе. Например, одна пациентка всегда точно угадывала, куда ее аналитик едет в отпуск. У другого аналитика перед самой сессией разболелась голова. В начале сессии пациентка-психотик произнесла: «Эти детишки там, этажом выше; от них поне-

воле голова заболит», но перенос настолько тонок, что, хотя пациентка угадывает различные настроения аналитика, она не проводит различия между ними. Так что, например, горе аналитика будет значить не больше, чем легкое раздражение.

По мере того как пациент пытается расширить отношения переноса, на него нападает состояние замешательства, которое возникает под действием чрезмерно активной проективной идентификации.

Подгоняемый желанием уйти от состояния замешательства и измотанный искажениями [доминирующего импульса под влиянием временно подчиненного инстинкта], пациент силится восстановить ограниченные отношения; перенос вновь наделяется характерным для него отсутствием черт.

(Bion, 1967a, p. 37)

Поэтому переходы от ограниченного состояния к более открытому и обратно бывают характерны для анализа, когда доминирует психотическая часть. Такое бывает, когда осознание психической реальности достигается, но за ним сразу же следуют сессии, характеризующиеся отсутствием материала.

НЕНАВИСТЬ К ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Как описано в главе 7, пациент-психотик боится интеграции мысли, поскольку это ставит перед ним пугающие аспекты его Я, которых он предпочел бы не осознавать, а особенно свирепое Супер-Эго. Когда внутри личности есть свирепый, все рушащий тиран, вполне понятно, что человек предпочитает не знать о нем и живет в ужасе перед этим примитивным Супер-Эго, которое нападает на Я с безжалостной и мстительной критикой. Один пациент был отсечен от своих чувств; понадобилось несколько лет анализа, прежде чем выяснилась причина: он чувствовал себя, как в аду, и ему пришлось отсечь чувства, чтобы выжить. Но это было выживание дорогой ценой – неспособности любить или получать удовлетворение от работы.

Однако психотическая часть боится не только свирепого Супер-Эго. Существует ненависть к реальности как психической, так и внешней, и ко всему, что ведет к осознанию ее. Собственно говоря, позднее Блон высказал мнение, что никогда не находил особых свидетельств существования Супер-Эго, Эго и Ид, имея в виду, что он находил свидетельства, скорее, сдавливающей, обедняющей морали, какого-то ♀, которое сдавливает жизнь и живость. В своем *Комментарии* в *Second Thoughts*, который был написан примерно через десять лет после статей о психозе, Блон утверждает, что у пациента-психотика, «похоже, особое осознание психической реальности, преследующей его... до самых пределов психического удовольствия и боли» (Bion, 1967a, p. 154). Особая трудность психотика в том, что еще в начале своей жизни он, похоже, чересчур рано осознал, что перед ним стоит психическая проблема, с которой нельзя справиться физическими мерами; принцип удовольствия–боли вынужден функционировать в эндопсихическом мире, в противовес возможности достичь удовлетворения через физические чувства. Нам нужно углубиться в это немного дальше. Парадоксально, что психотик «знает», что у него есть проблема, которую нельзя разрешить, найдя себе подходящую жену, удовлетворяющую работу, поселившись в хорошем районе или имея достаточно денег для обеспеченной жизни. Мы предполагаем, что это знание помещается в непсихотической части личности. Похоже, таким образом, что принцип удовольствия–боли помещается, скорее, в психическом мире, чем в сфере физических чувств. Возможный вывод здесь – это, что у «нормального» человека в психической сфере правит иной принцип, иными словами, принцип реальности. Эта реальность, однако, укоренена в системе ценностей: ее нельзя приравнять к неодушевленному миру.

Один ребенок сумел отчасти поведать об этом нестерпимом положении аналитику так: сначала он изо всех сил дул в бутылочку с соской, как будто хотел надувать объект чувств, пока тот не лопнет. Затем, хотя день был очень жаркий,

он закрыл окна, включил нагреватель и, пока крутил ручки, гудел, как мотор, когда заводят машину. Он сказал аналитику, что одна его приятельница так сильно заводила свою машину, что температура поднялась до кипения. Температура в комнате все росла, а он сказал, что ему холодно, и съезжился возле нагревателя. Аналитик чувствовала, что жара становится удушающей, и гадала, что ей делать, в состоянии нарастающей паники.

Это передает в какой-то мере ту беспомощность и панику, которая связана с переживанием не поддающихся контролю чувств, как будто в вас что-то с силой нагнетается все быстрее и быстрее и вы не знаете, когда этот процесс остановится и остановится ли вообще. Таков опыт психотика, у которого, чтобы справляться с миром психики, есть только принцип удовольствия–боли. У него нет способности терпеть, что позволило бы ему начать думать, а значит, облегчить себе отчасти это бремя при помощи мысли.

Психотик чувствует, что на него отовсюду летят стимулы, которые накапливаются у него внутри и с которыми он не способен справиться. Он чувствует, как растет паника, но не может остановить входящие в него данные, поэтому он вдребезги разбивает свой психический аппарат, чтобы уничтожить это переживание. Для того чтобы стереть эту подавляющую психическую реальность, психотическая часть уничтожает все, что может привести к осознанию ее; любой процесс, ведущий к мысли, и тем самым и к появлению смысла, уничтожается. Сюда входит все, что подпадает под термины « α -функция», $\varphi\sigma$ и механизм $PS \leftrightarrow D$, все, что угодно, что имеет функцию связывания двух мыслей вместе. Этот деструктивный акт происходит в самый ранний период жизни, и в результате него развитие психотической части с этого момента и далее будет совершенно иным, чем развитие непсихотической части.

Даже аппарат восприятия, который обеспечивает материал для процессов мысли, может подвергнуться атаке и быть уничтожен, как и осознанное восприятие, внимание, сужде-

ние и память. Эти атаки наносят грубые увечья и приводят к тому, что различные аспекты психики, способствующие осознанию внутренней или внешней реальности, оказываются разбитыми на мелкие кусочки, вдребезги. Возникающие в результате частицы затем яростно проецируются вовне, как в пространство, так и во внешние объекты, которые воспринимаются как поглощающие их или же поглощаемые ими. Пациент чувствует, что его окружают множественные разнообразные угрожающие объекты. Эти дробящие атаки на психический аппарат и последующее проецирование фрагментов вовне есть основная характеристика, которая отличает психотическую часть личности от непсихотической части.

Объекты, в которые произведена проекция, которые Бюнн называет *странные объекты*, каждый состоит из воспринимаемого внешнего объекта, в который была изгнана частица личности, сочетаемая с ее конкретной функцией. Этот объект кажется столь же враждебным, или даже более, чем та сила, с которой ненавистный фрагмент был изгнан из личности. Таким образом, если вытолкнутое – это функция зрения, то поглощенный или поглощающий объект воспринимается как наблюдающий за пациентом с великой враждебностью. Психотический элемент легко обнаружить, если объектом, злобно наблюдающим за пациентом, является чашка, фотография или очки; однако он значительно более скрыт, если таким объектом является другой человек. Например, изгнавший функцию зрения может быть убежден, что за ним злобно наблюдает его мать, отец, брат, сестра, жена, дети или соседи. Аналитик или терапевт часто могут сказать, что мать пациента была склонна к тайному коварству, т.е. она была в реальности такой, как описывает пациент. Это не дает предположить, что происходит проекция атакующего элемента в мать и, следовательно, утрата части себя. Психоз часто прячется таким способом.

Читатель помнит, что реверсия α -функции приводит к продуцированию β -элементов со следами личности, налипшими на них. Они, вероятно, суть то же самое, что странные

объекты, описанные выше; мысли обращаются в не-мысли, но с угрожающей окраской, из-за той ненависти, с которой их выбросило.

Психоз: бредовый мир

Взрыв, выбрасывающий из ума эти частицы психического аппарата, играет роль в формировании бредовых идей, которые часто кристаллизуются в результате бредового настроения, в котором окружение, заряженное этими частицами, переживается как жутковатое и пугающее. Пациент пытается использовать странные объекты в попытке конструировать какой-то смысл для своего психического состояния, очень похоже на то, как Фрейд описывал попытки Шребера восстановить свой мир при помощи бредовых идей. Присутствие в этих странных частицах фрагментированного суждения пациента придает бредовому восприятию чувство убежденности.

У пограничного индивидуума или психотика сильно чувство, что события внешнего мира связаны с ним лично – бредовые идеи собственной значимости. Например, девочка-подросток, сидя перед телевизором, считала, что диктор обращается лично к ней, поэтому произносимые новости приобретали колоссальную личную значимость, потому что они были все равно, как если бы часть ее ума разговаривала с нею. Бывает ощущение, что радиоволны или даже сама атмосфера наполнены мельчайшими враждебными фрагментами личности и тем опасны для психотика.

Странные объекты не могут связываться друг с другом, они могут представлять собой только агломерат.

Странные объекты подобны или тождественны β -элементам. Хотя β -элементы не являются мыслями, они, как уже было сказано, могут иметь тенденцию становиться мыслями. При описании проецирования β -элементов вовне Бийон предположил, что их дисперсия может образовать сеть, напоминающую прототип φ , поиск чего-то, что сделало бы их доступными пониманию, т. е. связными. Можно также рассматривать

их как ищущих себе ♀, и если они его найдут, то они могли бы агломерироваться, чтобы сформировать ♂. Однако, если никакого ♀ не найдется, то сеть β -элементов становится более депрессивно-преследующей, жадной, угрожающей объекту, который их изверг.

Бион (1965, р. 137) также описывает бредовые идеи как возникающие, когда пре-концепция вступает в соединение с реализацией, но не насыщается ею полностью, потому что она недостаточно близко ей соответствует; тем не менее, формируется концепция или ложная концепция.

Тот факт, что психотик не может символизировать, соотносится с этим способом, которым внешние события приобретают крайнюю личностную значимость для него, потому что они содержат фрагменты функций его собственной личности. Так, определенные внешние события воспринимаются психотиком как «символические». Они на самом деле являются псевдосимволами, в том смысле, что это не те символы, которые могут разделять другие люди; скорее, они являются попытками психотика осмыслить свой внутренний мир. Хорошо известный пример такого псевдосимвола предложила одна из пациенток Блейлера, которая, полагая, что она беременна, сказала: «Я слышу, как в моем теле бьет крыльями аист» (цит. по: Fish, 1962, р. 19). То, что на горизонте показался «приносящий младенцев» аист, хлопающий крыльями, *и есть* ее беременность.

Окруженная угрожающими странными объектами, пациентка живет в ужасе перед аннигиляцией, которая вот-вот наступит; так получается, что те способы, которыми она решала свою исходную проблему – то, что она находится в почти невыносимой ситуации, – привело ее в столь же пугающее состояние ума. Эти объекты, которые для не-психотика являются неодушевленными, психотика ставят в тупик, потому что ему они представляются наделенными жизнью. Они являют собой смесь внешних объектов и психических объектов – идей, чувств и функций Супер-Эго или Эго, таких как внимание и суждение. Они также на-

поминают анальные объекты, из-за фантазии извергания их через анус.

АТАКИ НА СВЯЗИ

Атаки на процессы мышления уничтожают способность к осознанию внешней и внутренней реальности. Эффективным способом сделать это было бы атаковать любую функцию, которая соединяет довербальные идеограммы и их более поздние производные, которые приводят к вербальной мысли. Теперь будем считать, что связь, на которую будет произведена атака, соотносится с каким-либо из механизмов аппарата мышления. Связь, на которую производится атака, продуктивно соединяет какую-то пару; например, это связь, соединяющая мать и младенца, аналитика и пациента, различные части Я или пре-концепцию и реализацию. В своей статье «Атака на связи» (1967a) Бийон предлагает примеры атак на родительскую пару, атак на самый язык коммуникации, как при заикании, и атак на примитивную проективную идентификацию, связь, соединяющую мать и младенца, от успешности которого зависит психическое развитие ребенка. На эту связь может завистливо напасть младенец, не в силах вынести того, что мать спокойна, т. е. ее способности терпеть болезненные чувства, проецируемые в нее этим самым младенцем.

В «Комментарии» Бийон далее говорит, что пациент-психотик пытается атаковать потенциальную связь между аналитиком и пациентом при помощи попыток насытить пре-концепции аналитика, например, стимулируя в аналитике память или желание, так что его пре-концепции более недоступны для того, чтобы подобрать к ним соответствующую реализацию. Они уже насыщены «чувством» памяти и желания (Bion, 1967a, p. 162).

Когда связь разрушена, два объекта не могут быть соединены вместе продуктивным образом, прототипом которого является комменсальный механизм ♀♂, из которого происходит нечто взаимно благотворное. Таким образом, формиро-

вание символа, в котором два объекта соединяются вместе, чтобы раскрыть их сходство (инвариант), но сохранить их отдельную идентичность, становится затруднено. Например, кошка, с ее способностью проскальзывать в дом и из дома, может быть символом проскальзывания в разум другого. Для юного психотика, который увидел кошку по пути на свою аналитическую сессию, это явилось доказательством, что он уже проскользнул внутрь ума аналитика.

Когда происходит такая атака, связи фрагментируются и проецируются вовне, что приводит к тому, что пациент оказывается окружен крошечными жестокими связями, которые могут соединять вместе странные объекты, но с примесью жестокости.

Чрезмерное и яростное изгнание мешает также гладкой интроекции и ассимиляции, которые необходимы, чтобы обеспечить твердую основу для создания вербальной мысли. Изгнание переживается как более или менее бурный процесс, который мешает потоку материала в ходе сессии. Это еще одна атака на связи.

Это проиллюстрировал мальчик-психотик, который вынул мягкую подушку из ее жесткой наволочки и нянчил ее, как младенца, легонько покачивая и говоря ей что-то утешительное, и вдруг внезапно начинал кричать на нее, демонстрируя затем, как она трясется от страха. Этому предшествовали много месяцев сессий, в течение которых совершались внезапные и неожиданные нападения на аналитика, что вело к общему состоянию настороженности, мешавшей спокойному принятию: в терминах теории мышления Биона, это создавало помехи процессу, при помощи которого к преконцепции могла бы быть подобрана реализация, отношению контейнер–контейнируемое, которые привели бы к установлению чего-то надежного. Это – именно та связь, на которую велась атака.

Психотическая часть разрушает любое взаимодействие, которое может привести к инсайту со стороны аналитика, потому что оно угрожает изменением и эмоциональной болью.

Например, в анализе проходит много дней, пока у аналитика появится ясное понимание проблемы. Затем происходит одно из двух: либо оказывается, что пациент полностью стер у себя в уме интерпретации и ассоциации этой сессии, либо он отменяет следующую сессию, тем самым прерывая поток понимания. Это еще один пример атаки на связь, поскольку именно в этот момент аналитик занимался интегрированием разных элементов.

Этот создающий помехи процесс может также быть выражен в двигательной активности, когда пациент внезапно поднимается на кушетке в сидячее положение, уходит вон с сессии или отказывается говорить, пытается втянуть аналитика в сговор, например, садомазохистический, или более тонко, в содержании или манере речи, которая снабжает аналитика большим количеством информации, но не передает ничего, что вызывало бы чувства. Все эти внешние формы активности, получаемые аналитиком, являются символами внутренних действий, направленных против собственной психики пациента.

Надменность, любопытство и тупость

Еще один пример атак, совершаемых на особенно важную связь, дается в статье «О надменности». Блон понимал, что определенные способы использования проективной идентификации нужны для того, чтобы обеспечить переживания, вознаграждающие эмоционально, такие как помещение плохих частей своего Я в объект, чтобы их сделали более терпимыми, или проецирование хороших частей, которое приводит к идеализированному объекту: «С этими переживаниями было связано чувство, что они находятся в контакте со мной, которое, как я склонен полагать, является примитивной формой коммуникации, которая обеспечивает фундамент, от которого в конечном итоге зависит вербальная коммуникация» (Blon, 1967a, p. 92). Это тот способ, при помощи которого младенец сообщает о своем эмоциональном состоянии матери. Ее способность терпеть и перерабатывать эти

состояния чувств, особенно пугающие, позволяет младенцу принять их обратно в поддающейся управлению форме, а также постепенно интроецировать саму эту способность перерабатывать эмоциональные переживания. Если материнский объект не принимает этих проекций и не позволяет им войти, мать переживается как неспособная вытерпеть этот метод коммуникации и, следовательно, враждебная попыткам ребенка думать. Это катастрофическая ситуация для ребенка, который, предположительно, чувствует, что каждая его попытка осмыслить этот мир наталкивается на преграды. В результате вырабатывается враждебное Супер-Эго с особыми качествами, включающими качества отказа в использовании проективной идентификации, т. е. непроницаемости. Такого рода Супер-Эго присутствует у пограничных пациентов и психотиков.

Сходная ситуация выявилась у пациента, у которого Бион наблюдал постоянную сопряженность любопытства, тупости и надменности. В этой статье Бион определяет надменность следующим образом: «Значение, которое я хочу вложить в термин „надменность“, можно видеть из предположения, что в личности, где доминируют инстинкты жизни, гордость превращается в самоуважение, а там, где доминируют инстинкты смерти, гордость становится надменностью» (Bion, 1967a, p. 86). Для Биона безрассудная погоня Эдипа за истиной под воздействием инстинкта смерти является примером такой «надменности»¹. Он рассматривает ее как центральную проблему, тем самым придавая мифу новый ракурс. Эдип был не способен справиться с той истиной, которую обнаружил; она возбудила в нем разрушительные импульсы, вместо импульсов репаративных.

Стремление любой ценой добиться истины в анализе воспринимается как скрытая претензия на способность прини-

1 Определение надменного человека в «Оксфордском словаре английского языка» – прямо или намеком заявляющий безосновательные претензии на почет, власть или знания; агрессивно тщеславный, высокомерный или чванливый. – *Прим. пер.*

мать и контейнировать любые проективные идентификации, не теряя спокойствия духа. Такая претензия провоцирует ненависть и завистливые атаки.

Работая с неким пациентом, проявлявшим явную негативную терапевтическую реакцию, Бион заметил, что в клиническом материале присутствуют разбросанные тут и там проявления любопытства, тупости и надменности. Это пример постоянной сопряженности, которая, после того как ее заметили и назвали, в конечном итоге указала значение примитивной психологической катастрофы.

Бион описывает раз за разом срывавшиеся попытки вербального собеседования между ним и конкретным пациентом. Иногда ему казалось, что препятствие в нем, иногда – что в пациенте, а иногда – что между ними. Некоторое прояснение произошло, когда пациент указал на аналитика как препятствующую силу, добавив, что он, аналитик, не способен вынести «этого».

Тем временем раз за разом повторялись упоминания любопытства и тупости, которые, казалось, нарастали или убывали параллельно. В своем более позднем *Комментарии* по поводу «надменности» Бион говорит, что очень важно, чтобы действие любопытства было продемонстрировано; названо ли оно, не так важно. Иными словами, важной является именно сопряженность этих черт в действии, а вовсе не то, упомянули ли их название. Надменность возникала в различных формах и под разными названиями. Позднее стало очевидно, что то, чего объект, на тот момент это был аналитик, не может вынести, был метод коммуникации пациента, происходившей не вербально, а напротив, при помощи проективной идентификации. У пациента было такое чувство, что аналитик, используя вербальную коммуникацию, тем самым нападает на его методы коммуникации.

Создающий помехи объект воспринимался как любопытствующий о нем, но враждебный его методу коммуникации, т. е. проективной идентификации. Объект, соответственно, производил разрушающие, увечающие атаки

на нее через разнообразные виды тупости, т. е. объект притворялся слишком тупым, чтобы понимать проецируемый опыт. Результатом этого была психологическая катастрофа из-за разрушения этой примитивной связи между ними. Другим результатом было развитие примитивного Супер-Эго, которое отрицало использование проективной идентификации.

Эти процессы были продемонстрированы у пациентки, которая проявляла интенсивное любопытство относительно внешности аналитика, его одежды и его публикаций, но которая отшатывалась от любого инсайта в перенос, утверждая, что она не хочет ничего об этом знать. Она не чувствовала, что ее понимают, а аналитик чувствовал, что она блокирует его интерпретации. Она проявляла значительную надменность в своем отношении к окружающим на работе и иногда по отношению к аналитику. Некоторые сессии проходили практически без диалога, и в течение их аналитик мог осознать присутствие младенческого ужаса, как будто вот-вот упадешь с высоты, показатель довербальной тревоги, выражение которой так долго блокировалось.

Эта примитивная катастрофа атак на коммуникативную ценность проективной идентификации может оставаться скрытой, а тем временем анализ, похоже, заходит в тупик.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СВИРЕПОГО СУПЕР-ЭГО

Свирепое Супер-Эго возникает следующим образом. Когда внешний объект не принимает проекции младенца, он воспринимается как враждебный попыткам младенца исследовать его. Если внешний объект ощущается как понимающий, это вызывает зависть и ненависть младенца, в результате чего объект трансформируется в жадный и завистливый, прожорливо принимающий внутрь эмоциональные переживания и «обдирающий» с них все хорошее. Вместо того чтобы сделать переживания терпимыми, придавая им смысл, такой объект приводит к их вырождению. Младенец получает обратно от матери бессмысленный и усиленный страх.

Это приводит к становлению внутри младенца структуры, которая не только враждебна проективной идентификации, но и намеренно понимает ее ложно. Альфа-функция не устанавливается. Младенец не может начать осознавать себя и не может использовать восприятие для того, чтобы сделать мир осмысленным. Его зачаточное сознание, следовательно, не справляется, и, кроме того, у него есть вышеупомянутый внутренний объект, или Супер-Эго, который ставит целью неправильно понимать коммуникации и переживания.

Психотические попытки думать

Психотик использует слова необычным образом, не как название явления, т. е. вещи, такой, как она видится наблюдателю, и в то же время не как вещи в себе, т. е. вещи, как она, предположительно, есть в реальности, без наблюдателя, т. е. того, что не может быть познано. Вместо этого он использует слово так, будто оно тождественно вещи в себе; иными словами, он понимает вещь в себе как нечто тождественное идее, так что если на объект, о котором идет речь, каким-то образом воздействовать, то пациент-психотик считает, что вмешиваются в его разум.

Хотя пациент-психотик не хочет переживать мучительное осознание своей реальности, его решение проблемы привело к тому, что он теперь находится в плену такого состояния психики, от которого он не может получить никакого удовлетворения; он не может более осмысливать свой мир, он потерял свою способность осознавать реальность, он не может видеть сны или дойти до стадии использования символов. Он уничтожил те способы, при помощи которых он мог осознать себя, и при помощи мысли вырваться наружу.

Психотик пытается использовать странные объекты как идеи, мысли или слова, и не может понять, почему ими нельзя манипулировать таким образом. Пытаясь думать, он старается вернуть их обратно внутрь себя. Поскольку он не может должным образом интроецировать, он должен вернуть их внутрь путем полного обращения вспять того,

как он их исторгал. Он чувствует поэтому, что те аспекты его, которые вкраплены во множество внешних странных объектов, необходимо вынудить вернуться внутрь него через то же самое телесное отверстие, через которое в фантазии они были выведены. Благодаря тому факту, что связи были уничтожены, эти изгнанные фрагменты, когда их принимают обратно, невозможно соединить, как было. Вместо этого они агломерируются, сжимаются или сплавляются, и любое присоединение совершается мстительно, поскольку они были выброшены с ненавистью. Их можно поэтому переживать как физически болезненные галлюцинации.

Мальчик с пограничным психозом, когда с ним заговорили о его отчаянии, что его никогда не будут признавать или любить, выкрикнул, что его аналитик не сидит рядом с ним, а забирается ему в попу. Он переживал слова аналитика как болезненные предметы, которые заталкивают ему в зад, а не в его уши или разум. Как указано выше, психотик использует слова, скорее, как будто они являются конкретными предметами, а не знаками для постоянной сопряженности идей. Он яростно выбросил болезненные аспекты себя, в этом случае – мучительные чувства, вызываемые у него тем, что его поняли. Их попытки вернуться воспринимались как жесткие болезненные предметы, которые аналитик пытается затолкать обратно в него, возможно, с коннотациями сексуального нападения. Бион говорит: «Чувствует ли [пациент], что в него что-то вкладывают, или же он чувствует, что он это интроецировал, он воспринимает вхождение как нападение, и как месть объекта за то, что он сам яростно в него вторгался» (Bion, 1967a, p. 40–41).

НЕТЕРПИМОСТЬ К ФРУСТРАЦИИ

Психотическая часть нетерпима к фрустрации, поэтому процессы (α -функция), которые повели бы к мыслям и думанию, не активируются. Фактически α -функция уничтожается или перевертывается. Эмоциональные переживания, вместо того чтобы стать осмысленными, обедняются в своем зна-

чении; механизм контейнер–контейнируемое функционирует, уничтожая смысл, вместо того чтобы способствовать взаимному росту. Как упомянуто выше, уже сформированные α -элементы превращаются обратно во что-то, похожее на β -элементы, но с аспектами личности, прилипшими к ним, например, пугающими качествами, ассоциируемыми с анальными объектами или Супер-Эго. Эти персонализированные β -элементы и есть странные объекты.

Женщина смогла понять интерпретацию, и между ней и ее аналитиком было чувство сотрудничества, но на следующий день аналитик был превращен в чудовищного нацисоподобного садиста, который говорил с ней, только чтобы причинить ей боль и подорвать ее уверенность. Она также чувствовала, что на нее нападают и принижают ее на работе. Произошла реверсия α -функции, и аналитик и ее коллеги на работе превратились в странные объекты.

Вышеупомянутые процессы, работа психотической части личности, приводят к нарушениям мышления, разрушению смысла, аномалиям в восприятии, включая галлюцинации, и ухудшение личности. Нарушения мысли – это попытки находящегося в плену пациента к коммуникации, после того как он уничтожил все средства, при помощи которых нормальным образом происходит такая коммуникация с собой и с другими. Кроме того, он напуган угрожающим присутствием странных объектов и испытывает ужас перед аннигиляцией.

Во время анализа пациент-психотик может пожелать вступить в коммуникацию с аналитиком, но он не способен сделать это обычными вербальными средствами, поскольку он сильно повредил свою способность к вербальному мышлению. То, что он хочет передать в коммуникации, нельзя называть; вместо того аналитик должен уловить это интуитивно, любыми способами, которые способен предоставить пациент. Достичь этого можно сложными телодвижениями или используя образ или идеограф, который он, возможно, припасал в памяти в течение весьма длительного времени.

Этот идеограф может быть использован, чтобы передать множество значений. Это не символ, а аггломерация фактов из психики, которые пациент хочет передать аналитику. Можно делать это с большим искусством (см. главу 10).

ДРУГИЕ КЛИНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Когда вы анализируете шизофреника, говорит Бюн, приходится создавать нужный психический аппарат по ходу дела. Модели использовать нельзя, так что это все равно как вынужденно решать задачу, используя исходный предмет, вместо того чтобы иметь в помощь какой-то его заменитель, которым можно манипулировать. Модели использовать нельзя из-за того, что психотик думает настолько конкретно, что путает модель с реальностью.

Например, мальчик-подросток, психотик, сбросил несколько игрушечных животных со стола, а затем сказал, что он не слышит никакого шума с верхнего этажа, где, как он считал, сидели на уроках дети. Он думал, что, выбрасывая животных, он конкретно избавился от детей не только на верхнем этаже, но также и у себя в уме, и в уме аналитика. Интерпретацию, говорящую, что он, сбрасывая животных, показывает, как ему хотелось бы избавиться от предмета ревности у себя в уме и в уме аналитика, словно выбросив нежелательный мусор, он бы просто не смог понять. Он конкретно верил, что сделал это.

Если более невротичный пациент способен делать скидки для не очень точных интерпретаций и заполнять пробелы, как бы перебрасывая мостик через неточности, пациент-психотик может принимать только очень точные интерпретации и часто делает это очень конкретным образом. Иногда крайний садизм в адрес аналитика мешает ему принимать любые интерпретации, которые не являются полностью верными. Садистический элемент радуется ошибочному аспекту интерпретации и поэтому уничтожает ее; пациент не может терпеть интерпретацию, которая, возможно, не в точности верна, но «на верном пути», говоря словами Бюна.

Пациент может также очень пристально вслушиваться в тон голоса аналитика и может регистрировать только интонацию, а не словесное содержание. Если интонация аналитика раздраженная, невротик может регистрировать этот факт, но тем не менее способен принять интерпретацию; пациент-психотик, однако, считает, что интерпретация была сделана для того, чтобы использовать его как вместилище нежелательного для аналитика психического содержания.

Сохраняя неосознанным избранный факт, который бы способствовал сдвигу $PS \leftrightarrow D$, психотическая часть приостанавливает интеграцию, но индивидуум остается с чувствами преследования, для которых он пытается найти некую причину. Эта попытка, так же как и любая найденная «причина», есть явление из колонки 2, потому что это попытка предотвратить выявления истины, а именно, что преследующее чувство ассоциируется с отказом допустить интеграцию. Эта попытка видна в пациенте, который, осознав свою разрушительную ненависть к анализу, спрашивает, почему это он такой, и с надеждой ищет в своем воспитании факты, которые вызвали в нем этот аспект, который он хотел бы отвергнуть.

Когда сталкиваешься с психотической частью личности, необходимо прояснить вместе с пациентом дефекты в этих областях, то, в чем мыслительный аппарат функционирует неверно. Например, аппарат контейнер–контейнируемое может функционировать таким образом, чтобы скорее уничтожать смысл, чем наращивать его, или эдипальная пре-концепция может оказаться разбитой вдребезги, так что интерпретации эдипального уровня, охватывающие понятие родительских сношений, не будут поняты.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

Галлюцинации – это яркие сенсорные мысленные впечатления без адекватных им внешних стимулов. Бюнглер считал, что они продуцируются органами чувств, функционирующими в обратном направлении: глаза как бы экскретируют зрительное впечатление, уши – слуховое впечатление, и то же

самое относительно чувств обоняния, осязания и вкуса. Если пограничный или психотичный пациент говорит, что он что-то видит, возможно, что он не воспринимает внешний предмет, а скорее, галлюцинирует.

Посреди сессии молодая женщина с пограничными психотическими симптомами внезапно обращает глаза в сторону или вверх на потолок, широко открывает их, в то же самое время опуская уголки рта в гримасе, а затем, похоже, заводит оживленный разговор с двумя или более собеседниками. Она как будто слушает кого-то с острым интересом, лицо ее принимает снисходительное и оживленное выражение, как будто бы она является хозяйкой званого вечера. Аналитик чувствует, что он остался совершенно не у дел и не нужен. Полная погруженность, с которой она включается в эту активность, и интенсивность того, как она смотрит и слушает, создавали впечатление, что она галлюцинирует. Чувственная убедительность, даваемая галлюцинацией, значительно способствовала ее вовлеченности и удовлетворению. В этом увлекательном мире, где она была центром внимания, зачем ей нужен был аналитик или кто-нибудь еще?

Это можно рассматривать как очевидные галлюцинации, но Бион указывает на то, что, «пока не выработается сотрудничество, не может быть и речи о том, чтобы „наблюдать галлюцинации“» (Bion, 1967a, p. 158). Он говорит также, что трудно указать точно, как аналитик осознает, что происходит галлюцинация, но это ситуация, которая получается в сессии; когда, например, то, что в какой-то момент воспринималось как излияние враждебности в адрес аналитика, внезапно сползает, словно лопнувшая кожица, и в новом состоянии аналитик распознает, что пациент галлюцинирует. В своем *Комментарии* Бион подчеркивает, что для того, чтобы пережить эволюцию этих состояний ума, например, галлюциноз, необходимо, чтобы аналитик постарался достичь того состояния ума, в котором пре-концепции остаются ненасыщенными, т. е. воздержания от воспоминаний и желаний. Галлюцинация, вероятно, встречается значительно чаще,

чем принято считать. Например, присутствие галлюцинаторной фигуры – обычное явление у девочек-подростков с тяжелыми пищевыми нарушениями (Magagna, 1994).

Исследование галлюцинаций также проливает свет на особенности сновидений у пациента-психотика. Вначале нет никаких сновидений, как будто материал, который мог бы быть переработан в сновидение, настолько фрагментирован, что подобен мысленной моче, которая просачивается прочь и теряется из ума. Такие пациенты не приносят сновидений, пока в анализе не произойдет некоторое продвижение в направлении депрессивной позиции и начала выработки целостных объектов. Когда в ходе анализа такой пациент начинает видеть сны, он не может отличить их от галлюцинации и думает, что он фактически принял внутрь себя личность аналитика и сейчас находится в процессе экскретирования его в сновидении. Это очень пугающая ситуация, и она может привести к тому, что пациент либо начинает думать о самоубийстве, либо же уходит от более связного состояния, которое породило суицидально-депрессивные чувства; он заново фрагментирует свой материал столь массивным образом, что нет никакой возможности, чтобы фрагменты когда-либо были вновь сведены вместе. Возобновляющаяся опасность самоубийства, когда пациент начинает приходить в себя от своего депрессивного состояния, хорошо известна в практике психиатрии; это может быть момент, когда фрагменты сошлись вместе достаточно, чтобы убедить пациента, что он уничтожил свой объект, который теперь воспринимается как целостный объект. Другая опасность – это непоправимая вторичная фрагментация.

Из-за изменения в природе галлюцинаций, когда произойдет некоторый прогресс в терминах движения в депрессивную позицию, Бюнглер проводил различия между галлюцинациями целостных объектов, ассоциируемыми с депрессией, и галлюцинациями фрагментов; последние он назвал психотическими галлюцинациями, а первые истерическими галлюцинациями, но то и другое происходит у пациента-пси-

хотика. Одна женщина видела «кусочки» на стенке аналитика, например, нос над дверным проемом. Это были галлюцинаторные фрагменты. Она также как-то раз всерьез поверила, что аналитик *действительно* ее возлюбленный. Это была истерическая галлюцинация.

Страх пациента-психотика совершить убийство вызван отчасти тем, что он думает, что он это уже сделал; в этом случае жизнь была изъята из объекта и проецирована во внешний объект, который затем может переживаться, например, как испускающий электричество, или опасные волны, или лучи. Последние представляют собой украденную жизненную силу и сексуальность. Он может избежать переживания вины, взамен чувствуя, что уничтоженный объект преследует его. Поскольку он находится в том состоянии психики, где доминирует нетерпимость к фрустрации и импульс немедленно выбрасывать из себя любое неуютное чувство, это придает вес галлюцинаторному выбросу, который переживается как освобождение психики от бремени с помощью мышечного действия, такого как лицевая гримаса. Мышечное действие любой природы придает силу идее убийственной атаки, т. е. реального действия, которое произошло в результате мотивации чувствами ненависти и зависти.

Если у него есть чувство любви, которое он хочет выразить по отношению к девушке, то он испытывает фрустрацию в этой своей попытке, потому что он считает, что был лишен своими родителями того, что ему нужно, чтобы сделать его могучим в этом отношении, например мощного пениса. Он наполнен завистью, обидой и убийственной яростью, которые он не способен терпеть. Затем он нападает на кого-нибудь или что-нибудь в попытке освободиться от бремени этих чувств. Это может быть только видимость нападения, но она имеет эффект взрывного выталкивания этих аспектов и разбрасывания их по разнообразным объектам. Он, таким образом, теперь свободен любить, но остался относительно обедненным в отношении чувств и окруженным полными убийственной ненависти странными объектами.

Если пациент преобразует свой эмоциональный опыт в галлюцинации, он чувствует, что избавился от проблемы, особенно от проблемы зависимости от другого. Со своей способностью галлюцинировать, он считает, что способен произвести все, что ему понадобится. Ему также не приходится ждать или зависеть от кого-то еще. Жадность может удовлетворяться вечно. Эту позицию можно удерживать, пока ему удастся избегать контакта с реальностью. Это создает особую проблему в анализе, в том смысле, что пациент верит, что решение его проблем лежит в галлюцинации, которая воспринимается как нечто лучшее, чем решение аналитика, а именно, чем интерпретации и их последствия. Когда решению аналитика не удастся привести к ожидаемому удовлетворению, тогда он считает, что аналитик, из зависти, соперничества и жадности, украл удовлетворение из его галлюцинаций и чувствует себя выше его. Анализ с точки зрения пациента, таким образом, становится превращенным в ситуацию между соперниками, из которых один или другой оказывается «выше». Это необходимо интерпретировать, чтобы несогласие было возвращено в интрапсихическую сферу, между психотической и непсихотической частями личности пациента. Кроме того, интерпретации аналитика могут переживаться как выброс нежелательного материала, точно так же как пациент достигает такого выброса своими галлюцинациями.

Это можно рассматривать как ситуацию –К, где доминирует присутствие объектов, с которых ободран их смысл, и ассоциировать с чувством морального превосходства. Оно поддерживается психотической частью личности, которая также проявляется в группе, вовне или внутри, когда члены группы наполнены чувством убежденности, выраженным в словах «Мы знаем» или «Мы лучше знаем».

Последняя статья в *Second Thoughts* – это размышления о Бионовой теории мышления, развитии и росте мыслей в том виде, как она обрисована в этой книге.

Бион начинает свою статью с такой предвзятой точки зрения:

В этой статье я прежде всего хочу представить теоретическую систему. Ее сходство с философской теорией зависит от того факта, что философы занимаются тем же самым материалом; она отличается от философской теории тем, что она предназначена, как все психоаналитические теории, для использования.

(Bion, 1967a, p. 110)

Это, конечно, верно, что значительная часть философии существует в вакууме, но хорошая философия всегда генерировалась для того, чтобы решать реальные проблемы, которые возникли среди социального мира человечества. Кроме того, многие психоаналитические теории имеют лишь дисфункциональное использование, в том смысле, что они мешают аналитическому пониманию. Это единственный известный нам случай в работах Биона, когда он проявляет идеализацию психоанализа. И в своем «Комментарии» он эту точку зрения не исправил.

Он утверждает, что аппарат, доступный психике, можно рассматривать как состоящий из четырех частей:

1. Мышление, ассоциируемое с модификацией и избеганием.
2. Проективная идентификация, ассоциируемая с избеганием путем изгнания, не путать с нормальной проективной идентификацией.
3. Всезнание (по принципу *tout savoir, tout condamner*¹).
4. Коммуникация.

(Bion, 1967a, p. 117)

ВСЕЗНАНИЕ И ВСЕМОГУЩЕСТВО

Если личность нетерпима к фрустрации, но не настолько нетерпима, что вынуждена изгонять переживание из психики, то развивается всемогущество взамен ожидания реализации, подходящей для соединения с пре-концепцией.

1 Игра слов: Все знать – значит все осудить. – Прим. пер.

Приходит полное всезнания утверждение, что это истина. Нет никакого обучения на опыте тому, что верно, а что – нет.

Всезнание вместо различия между истинным и ложным подставляет диктаторское утверждение, что одно морально правильно, а другое морально неправильно. Приняв всезнание, отрицающее реальность, мы обеспечиваем то, что мораль, порожденная таким образом, будет функцией психоза.

(Bion, 1967a, p. 114)

Коммуникация

Использование Бионом термина «обнародование» относится не только к интрапсихической задаче, как сделать сенсорные впечатления доступными сознанию индивидуума, но также и к тому, чтобы сделать свои собственные частные мысли достоянием общественности. Последнее явно предполагает способность выражать свои мысли языком, подходящим для коммуникации, но также предполагает и внутренний конфликт между нарциссизмом индивидуума и его социализмом, или верностью группе, частью которой он неизбежно является. Бион говорит: «Человеческое животное... не может состояться вне группы, и не может удовлетворить никакого эмоционального влечения, не выражая его социального компонента» (Bion, 1967a, p. 118). Коммуникация производится путем проективной идентификации, которая изначально используется в младенчестве, чтобы сообщать о своих эмоциональных состояниях, и которая, когда она успешна, приводит к способности терпеть психические качества. Этот тип проективной идентификации, в противоположность тому, который искажен всемогущими фантазиями, используется для коммуникации от одного индивидуума другому. С чувством преследования, которое может возникнуть в реципиенте такого метода коммуникации, обычно справляются, прибегая к абстракции, к дистанцированию от непосредственной близости эмоционального компонента.

Это также способ коммуникации в группах, примером его является бионовская группа базовых допущений, в которой психотический элемент передается таким образом. Предположительно, таким же способом можно передавать и другие эмоциональные состояния, помимо психотических.

Коммуникация с самим собой – это корреляция данных от различных сенсорных модальностей, чтобы создать точку зрения с позиций здравого смысла. Если эти данные гармоничны, переживается чувство истины, которое необходимо для питания разума. Психическая реальность имеет дело, скорее, с эмоциональными, чем с сенсорными данными, и в этом случае корреляция может привести к единому эмоциональному взгляду на конкретный объект. Если разные точки зрения на объект сопрягаются и есть подтверждение, что две или более различным образом поддерживаемые эмоции направлены на один и тот же объект, то переживается чувство истины.

Глава 14

БЕЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ЖЕЛАНИЙ

*Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит легкокрылую.
На лету целуй ее –
Утро вечности твое!*

(Blake, 1972, p. 179)¹

Одна из наиболее противоречивых рекомендаций Бина состоит в том, что аналитик должен приступать к сессии без «воспоминаний и желаний». На Международном конгрессе психоанализа в 1975 г. в Лондоне Лео Рэнгелл, который был его непосредственным предшественником на посту Президента, выступил против этой рекомендации, сказав, что, если бы он подошел к аналитической сессии в таком ключе, он не чувствовал бы себя вправе спрашивать оплату.

В какой-то момент во время сессии аналитик понимает, что за частоколом напыщенных угроз его пациент страдает от интенсивного стыда. И вот вопрос: «Как это понимание возникает в аналитике?» Имеет место непосредственность переживания, которая не присутствовала ранее. Стыд как эмоциональная реальность теперь находится внутри эмоциональной орбиты аналитика. Он более не заключен в границы психики пациента. Аналитик знает об этом не так, как он может знать о том, какой сейчас день недели, какова глубина Темзы или сколько в семье пациента братьев и сестер. Он сталкивается с этим стыдом лицом к лицу в своем

1 Перевод С. Я. Маршака. – Прим. пер.

эмоциональном бытии. Если этот стыд не находится вне его, значит, он угадывается как реальность внутри него. Он воспринимает эту реальность, потому что он стал ею в глубинах своего существа. Видение стыда возникает как результат некой трансформации. Иными словами, инсайт такого рода есть признак появления некой новой реальности в глубинах его существа, но это также показатель родственного ему изменения в пациенте.

О чем же мы говорим, когда мы произносим слова «новая реальность»? Бцион говорит, что это появление истины. Он использует термин *O*, чтобы обозначить истину, или высшую реальность. *O* непознаваемо напрямую, но в тот момент, когда аналитик видит стыд, косвенно угадывается *O*. Это происходит оттого, что он становится *O*, тогда как «увиденное» есть одна из трансформаций *O*. Бцион обозначает это как $K \rightarrow O$.

Увидеть стыд, следовательно, означает, что выявлено *O*, но стыд бывает «увиден» или *узнан интуитивно (intuited)*, используя выражение Бциона. Стыд сам по себе не воспринимается органами чувств. Вы можете увидеть, как кто-то краснеет, и сделать вывод о наличии стыда, но вы не можете видеть стыд как таковой. Тот случай, когда вы видите, как кто-то краснеет, и делаете вывод, что это стыд, совершенно отличен от случая, когда аналитик *интуитивно узнает* стыд. В одном случае стыд находится вовне, а в другом аналитик *стал* им. Психическая реальность познается, только если ею сначала «стать». То, что мы сказали о стыде, относится также к горю, радости, зависти, любви, ненависти, благодарности, низости, тревоге и всем прочим эмоциям.

Бцион говорит нам, что психическую реальность можно познать только через интуицию. Это означает, что психоэмоциональная реальность воспринимается напрямую, а не через органы чувств. Предположение Бциона таково, что чувства блокируют интуитивное восприятие психической реальности. А ведь и память, и желание укоренены в органах чувств, и, следовательно, они оба блокируют наше интуитивное восприятие психической реальности. Интуитивное восприятие

не происходит через чувственное восприятие. Вместо этого моменты инсайта происходят через внутренний творческий акт мысли. Такие моменты тщательно изучены в книге Кестлера *Акт творения* (Koestler, 1975), а также в книге Бернарда Лонергана *Инсайт* (Lonerган, 1958). Классическим примером такого инсайта было переживание Архимеда, чей покровитель, царь Иерон, тиран Сиракуз, дал ему задание выяснить, сделана ли недавно подаренная ему корона из чистого золота, или в ней присутствует примесь более низкого металла, такого как серебро. Архимед знал удельный вес золота, что означает, что он знал вес золота на единицу объема, но его проблемой было выяснить объем короны, со всеми ее сложными украшениями и филигранной работой. Если бы он мог растопить ее и превратить ее в золотой кирпич, его проблему было бы легко разрешить. Но как узнать ее объем, в то же время оставляя корону целой? Однажды, в общественных банях, опуская свое тело в воду, он осознал внезапно, что объем его тела равен количеству вытесненной воды. Теперь он знал, что он может взвесить корону и узнать объем золота, которому она равнялась. Он может взять золотой слиток такого же веса, положить его в воду и измерить количество вытесненной воды, затем опустить в воду корону, и, если она из чистого золота, она должна вытеснить такое же количество воды. Как хорошо известно, когда Архимед «увидел» это, он побежал по улицам Сиракуз, восклицая: «Эврика! Эврика!.. Нашел, нашел!»

Так вот, этот акт прозрения происходит через алгебраическое использование символа объема. Прозрение, что объем тела равен объему вытесненной воды, можно записать как уравнение:

$$V \times b = V \times wd,$$

где V = объем; b = тело; а wd = вытесненная вода. Но объем не есть что-то, что можно видеть. Если вы укажете на крупного мужчину, а затем на большое ведро воды и скажете пятилетнему ребенку, что это одно и то же, он подумает, что вы сошли с ума. Объем есть психическая реальность.

Однако инсайт Архимеда был возможен только через обладание реальностью, которую мы называем объемом. Его акт прозрения происходит в момент перехода от зрительной реальности (а именно, своего тела и воды) к психической реальности (а именно, к объему), где вытесненная вода и тело = одинаковый объем.

Комментируя эмоциональное состояние, в котором такое происходит, Лонегран говорит:

Инсайт приходит внезапно и неожиданно. Он произошел не тогда, когда Архимед был в такой позе и таком настроении, которые скульптор выбрал бы, чтобы изобразить «Мыслителя». Он пришел внезапно, в тривиальных обстоятельствах, в момент отдыха.

(Lonergan, 1958, p. 4)

Состояние релаксации, или *реверы* (*reverie*), пользуясь выражением Биона, или *свободно плавающего внимания*, если взять термин Фрейда, – это такое состояние, которое лучше всего настраивает разум на то, чтобы совершить переход от чувственного к психическому. Если держаться чувственного, это мешает переходу от одного к другому и, следовательно, блокирует понимание. Бцион ясно показывает, что понимание блокирует не память как таковая, а, скорее, тот факт, что за нее держатся. Бцион рекомендует аналитику наложить на себя обязательство отойти от аддиктивной привязанности к памяти. Бцион говорит, что отказаться нужно именно от психологического состояния привязанности к чувственному. Он говорит, например, что бывает столь же вредоносная привязанность к «забыванию»: «Я не имею в виду, что достаточно „забыть“: нужен позитивный акт воздержания от памяти и желания» (Bion, 1970, p. 31). Если, например, в состоянии реверы в памяти аналитика всплывает воспоминание, тогда это воспоминание как *символ психической реальности* крайне важно. Здесь наиболее существенно именно состояние ума. То, что Бцион рекомендует, находится в очень близком союзе с тем, что буддисты называют *ниродха*. *Ниродха* означает пре-

кращение жажды всего, что мимолетно. Будда сказал, что мы должны стремиться к прекращению дуккха. Дуккха часто переводят как «страдание», но это неверно. Дуккха означает, скорее, ту привязанность к мимолетным аспектам этого мира, которая приносит страдание. Эта привязанность называется *танха*, что означает «жажда» чувственных предметов жизни. Чаще всего при этом представляют себе еду, напитки и прочие жизненные удовольствия. Однако это также привязанность к внутренним воображаемым впечатлениям, и, по нашему клиническому наблюдению, эти скрытые привязанности притягивают к себе душу значительно сильнее, чем внешние физические предметы. Чтобы описать это состояние психики, к которому аналитик должен стремиться, Блон использует термин *Негативная Способность* – термин, созданный Китсом. Блон цитирует этот отрывок из письма, которое Китс написал своим братьям:

С Дилком мы не то чтоб поспорили, но скорее обсудили разные темы; кое-что у меня в голове прояснилось – и вдруг меня осенило, какая черта прежде всего отличает подлинного мастера, особенно в области литературы (ею в высшей мере обладал Шекспир). Я имею в виду Негативную Способность – а именно, то состояние, когда человек предается сомнениям, неуверенности, догадкам, не гоняясь нудным образом за фактами и не придерживаясь трезвой рассудительности.

(Цит. по: Bion, 1970, p. 125)

Рекомендация Блона, что аналитик должен стремиться к Негативной Способности, – это не та дисциплина ума, которой следует заниматься непосредственно перед сессией, это, скорее, образ жизни.

Между реверии и психической реальностью можно поставить знак равенства, как будто, когда разум отходит от своей привязанности к конкретной воспринимаемой реальности, он совершает переход в психическое существование, чья реальность известна через символы,

манипулирование которыми позволяет свершиться акту прозрения.

Различие между проблемой, которую поставил себе Архимед, и проблемой психоаналитика в том, что данные, из которых последний берет свою проблему, суть эмоциональный опыт, тогда как у первого это физические реальности внешнего мира, но процесс похож в том, что акт понимания происходит при переходе от чувственного к психическому. Тезис Биона заключается в том, что воспоминания и желания укоренены в чувственном, тогда как понимание происходит через символическое отождествление в психической реальности. Мы начали эту главу с примера того, как психическая реальность стыда появляется в уме аналитика. Мы можем утверждать с уверенностью, что эти прозрения происходят таким образом, который похож на способ, каким прозрение пришло к Архимеду. Мы возьмем сначала пример из Фрейда. В «Я и Оно», где он обсуждает, как бессознательные реальности становятся сознательными, он внезапно говорит:

нас озаряет, словно новое открытие, что только нечто, что когда-то было *Cs.* восприятием, может стать сознательным, и что все, что поднимается изнутри (помимо чувств), что стремится стать сознательным, должно пытаться трансформировать себя во внешние ощущения.

(Freud, 1971d, p. 20)

Мысль, поразившая Фрейда, состоит в том, что сознание относится к внешним ощущениям и что внутренние реальности должны трансформировать себя в таковые, для того чтобы стать осознанными. Здесь прозрение основывается на понимании онтологического различия между внутренними реальностями и внешними ощущениями. Когда мы говорили об Архимеде, мы отметили, что прозрение лежало в психической реальности, которая была тождественна в двух случаях – т. е. тело и вытесненная вода, – и то же самое здесь: существует некий инвариант в бессознательной реальности и в сознательной реальности, на который опирается прозре-

ние. Интуиция схватывает этот инвариант в двух различных формах. Мы предлагаем этот пример, однако, чтобы показать, насколько отличались данные, с которыми работал Фрейд, от данных Архимеда, и в то же время, как процесс прозрения происходит согласно одним и тем же принципам. Мы можем видеть также много прозрений у Биона. Например, когда он использует образ бинокулярного зрения – т. е. сочетания бессознательных и сознательных мыслительных процессов – для того, чтобы разум способен был оценить психическое качество. Он подчеркивает здесь момент инсайта, происходящий в сопряженности внутренней и внешней реальности. И для Фрейда, и для Биона перерабатываемыми данными является эмоциональное переживание.

Поэтому Бюн пришел также к точке зрения, что желание излечить пациента является препятствием анализу. Излечение, или исцеление, есть побочный продукт процесса анализа. Бюн говорит: «Когда психоанализ начинают приравнять к „лечению“, а „исцеление“ к улучшению, – это знак, что психоанализ начинает становиться ограниченным» (Bion, 1967a, p. 157). Все подобные желания ограничивают возможность интуитивного понимания.

Технические рекомендации Биона радикальны. Чтобы их выполнять, требуется значительная внутренняя дисциплина ума. Нужна, ни больше, ни меньше, внутренняя эмоциональная аскеза, способная открыть пути во все новые и неожиданные области исследования.

Бюн часто рассказывал об одном анализанте, которого ему направили как человека «очень подходящего» для анализа. Он описывал, как для этого пациента, казалось, приемлемы были различные интерпретации и как затем Биона озарило сознание, что ничего не происходит. Потом он узнал, что пациент запирается в своей комнате, чтобы его никоим образом не беспокоили другие люди, и пьет собственную мочу. В конце концов тот покончил с собой.

Одним из вопросов, занимавших Биона, было, почему некоторые люди, казалось бы, понимают и соглашаются

с интерпретациями аналитика и все же остаются не затронутыми анализом. Одни без изменений страдают каким-то соматическим заболеванием, или же у них развивается заболевание психосоматическое. Другие, как упомянутый выше пациент, совершают самоубийство. Это показывало ему, что что-то крупное остается не затронуто сегодняшним анализом, и он обратился к этому вопросу, чтобы попытаться понять почему.

Он считал крайне вероятным, что непрерывность в физическом развитии зародыша при переходе в послеродовую жизнь имеет свои параллели с аналогичной непрерывностью психической жизни. Он часто цитировал слова Фрейда: «Существует значительно большая непрерывность с внутриутробной жизнью, чем нас заставляет поверить впечатляющая цезура акта рождения» (Freud, 1971e, p. 138). Он воображал, что возможно, что разум зародыша в какой-то момент способен осознавать неприятные переживания, некоторые из которых могут ощущаться как настолько нестерпимые для психики, еще не способной справиться с таким уровнем боли, что она могла быть способна отщепить свое осознание этой боли, чтобы избавиться от нее. То же может произойти во время рождения, и этот отщепленный аспект остался бы скрытым, а оставшаяся личность выглядела бы адекватно адаптировавшейся к требованиям семьи и общества, пока, в более позднем возрасте, это не выразится в форме психотического или психосоматического расстройства. Иными словами, то, что было нестерпимо, может выявиться вновь позже, в постнатальной жизни, возможно, даже под влиянием психоанализа.

Бион привлек внимание к формулировке утверждения Фрейда, что «заставляет поверить цезура», как будто эта цезура на самом деле управляет нашим мышлением, мешая нам видеть как непрерывную психическую жизнь зародыша и постнатальную психическую жизнь. Мы также привыкли рассматривать тело и разум как отдельные, и это еще одна «цезура», через которую трудно перекинуть мостик.

Проблема коммуникации между ними двумя исследуется в книге *Memoir of the Future* в беседе между двумя персонажами, Телом и Разумом:

Разум: Ты занимаешь [слова] у меня; ты их получаешь через диафрагму?

Тело: Они проходят сквозь нее, но значение насквозь не проходит. Откуда у тебя твои боли?

Разум: Заимствованы из прошлого. Значение, однако, не прорывается через барьер. Забавно – смысл не пробивается насквозь, ни от тебя ко мне, ни от меня к тебе.

Тело: Это значение боли я тебе посылаю; слова проходят насквозь – слова, которые я не посылал, – но значение теряется.

(Bion, 1991, p. 433–434)

Бион использует термин «сома-психотический», чтобы описать другую сторону психосоматического, как бы обращенную перспективу. Но существует нежелание свести их вместе, посмотреть на них с другой точки зрения. Это протоментальная система, о которой исходно Бион упоминал в книге о группах, где психическое и физическое еще не дифференцированы. Это та область, в которой зародыш может переживать свои нестерпимые чувства и суметь даже в очень незрелом зародышевом возрасте отщепить ту часть себя, которая переживает невыносимые ощущения/чувства, и тем самым освободиться от них. При рождении младенец уже нецелостен, но обладает таким интеллектом, что этого не замечают.

Бион задается вопросом, не существуют ли передача мысли или пред-мысли в теле прежде, чем она регистрируется на сознательных уровнях, скажем, по симпатической или парасимпатической нервной системе, или в системе желез, в особенности когда адреналин, выделяемый надпочечниками, воздействует на организм, активизируя его, создавая в нем готовность, по крайней мере, к борьбе или бегству. Это бы послужило объяснением того состояния, в котором пациент говорит, что он боится, но не знает, чего.

Как возможно было бы связаться с этой архаической отщепленной областью, где чувства переживаются столь интенсивно и без модификации; чувства того рода, которым Бион дает название таламическая боль или таламический страх, чтобы показать, что они не модифицированы более высокими уровнями нервной системы и могут поэтому обладать невообразимыми качествами? Биона занимает возможность войти в контакт с этими архаическими и сомато-психическими областями, которые еще не смогли проникнуть на сознательные уровни.

В своей лекции *Making the best of a bad job* Бион спрашивает, почему настолько больший акцент делают на состоянии бодрствования, считая его валидным, в противовес состоянию грезы-сновидения. Мы говорим о работе сновидения, т. е. о том, как сновидение строится, в том числе и из элементов бодрствования; как насчет работы бодрствования, при помощи которой в процессе бодрствования от элементов сновидения отмахиваются, потому что это «всего лишь сон»?

Почему состояние ума, когда он бодрствует, сознате-
лен, логичен, рассматривается как «мы в своем уме»,
но что если это только половина нашего ума? Как ужас-
но, если вы найдете червяка в своем яблоке! Но не так
ужасно, как найти полчервяка в своем яблоке. Поэтому
мы находим, что владеть лишь половиной своего ума –
это весьма тревожащее открытие. Это одна из причин,
почему существуют различия мнений относительно то-
го, владеть ли нам всем своим разумом, или вернуться
к тому, чтобы владеть только половиной его – бодрству-
ющей, сознательной, рациональной, логической.

(Bion, 1987, p. 254)

Более поздние работы Биона показывают, как сильно его
занимает наше массивное нежелание сталкиваться с реаль-
ностью и теми средствами, которые позволили бы нам войти
в контакт с ней. Он указывает на то, что некоторые выраже-
ния, используемые как ругательства, содержат примитивную

жизненность, как будто создается контакт с архаической реальностью. В культуре рабочего класса в Лондоне хорошо известно, что если один человек обвиняюще уставляет палец на другого и говорит: «Ты п...да», – это немедленно вызывает драку.

Бион очень хорошо осознавал в свои последние годы, что психоанализ не создает изменений в пациентах. Он прекрасно знал о тех пациентах, которые выглядят, как будто они изменились; о тех, которые рядятся в одежды проанализированного человека, но остаются неизменными внутри. В особенности он сознавал, что есть пациенты, которые тонко копируют аналитика, принимают для себя его слова, взгляды и позиции, но в которых не происходит никакого внутреннего изменения. Иными словами, у них отсутствует α -функция, и произнесенное пациентом является выбросом β -элементов. Одной из попыток разработки этой проблемы стали его исследования жизни эмбриона. Проблема, однако, остается неразрешенной.

Глава 15

ВЫСШАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, МИСТИК И ИСТЕБЛИШМЕНТ

Но не кажется ли вам жалким то, что, пока Наука, с ее выводком астрономов, ведут безошибочно к открытию нашей незначительности, по контрасту с этими гигантскими силами – новыми и сверхновыми звездами, черными дырами и прочим – кто-нибудь непременно применит психический эквивалент перевязочного пакета первой помощи и швырнет нас обратно в пуховый уют невежества. Правда, грустно?

(Bion, 1991, p. 573)

Существуют три оси, которые пересекаются и пронизывают друг друга в мышлении Биона. Это высшая реальность, различие между чувственной и психической реальностью и то, как индивидуум приходит к знанию.

Как мы указывали в главе 1, многие аналитики шаркаются от бионовского понятия О, которое он определяет как эквивалент высшей реальности, божественности, истине, бесконечному или вещи в себе. Мы полагаем, что Блон не начинал с такого понятия, а вместо этого пришел к нему через размышления над своим клиническим опытом. После того как он терпеливо ждал и наблюдал, его озарил свет и он что-то увидел, что-то понял – но чем было это *что-то*? Даже те, кто сокрушается по поводу того, что они воспринимают как квазирелигиозную формулу, используют тот же самый язык, описывая клинический инсайт. «Оно все время было

у меня перед носом, и вдруг я его увидел», – говорит один аналитик; или: «И тут, наконец, я его увидела, после пяти лет в анализе», или пациентка говорит: «Я знала об отношении Роба к этому с тех пор, как мы впервые встретились, но только сейчас это осознала». Что такое это *оно*? В первом случае это горе, которое пациентка не в силах вынести. Во втором – это садизм пациента, а в третьем – то, что пациентка несчастлива. Все это психические реальности. Вы не можете видеть горе, осязать или обонять его. Слово «горе» описывает психическое явление. Слезы и черные одежды на похоронах обозначают горе, но это не оно само. Как-то раз были такие похороны, когда вдова была одета в голубой брючный костюм, а священник в белые одежды – в этом случае горе присутствовало, но отрицалось. В таком случае может понадобиться больше времени для того, чтобы различить реальность. В разных культурах признаки психической реальности разные. Слезы и черные одежды – то, что мы видим. Это то, что Блон описывает как чувственное, т. е. это различимо через органы чувств. Психическая реальность не различима таким образом. Точно так же нельзя видеть садизм или чувство, что пациентка несчастна. Вы не можете познать психическую реальность; вы становитесь ею. Испанский мистик Сан Хуан де ла Круз использовал термин *коннатуральность* и объяснял его так. Он сказал, что полено, брошенное в огонь, вначале холодное; затем оно нагревается и вспыхивает пламенем, когда достигает такого же жара, что и огонь. Мы думаем, что это еще один способ выразить то, что сказал Блон:

Сама аналитическая ситуация и затем занятие психоанализом или его задача непременно будут стимулировать примитивные и базовые чувства у аналитика и аналитанта... Эти фундаментальные характеристики: любовь, ненависть, ужас – заостряются до того, что оба участника могут воспринимать их как почти невыносимые.

(Blon, 1970, p. 66)

Почему же, однако, Блон идет дальше и говорит, что выявляющееся – это не просто разные психические реальности, но О,

высшая реальность? Каждый раз, когда аналитик интуитивно узнает горе или садизм, он говорит: «Вот это что». Иными словами, вот то, что придает данной форме поведения смысл. Он может сказать: «Похоже, будто ему нет дела до смерти любимого человека, но истина в том, что он полон горя». Т.е. есть некое суждение, что «истина в том, что горе здесь есть». Есть некое суждение о том, что истинно. Тогда встает вопрос: «Соответствует ли то, что истинно, некоему единству, некой всеохватывающей реальности?». Бийон вынужден ответить, что да, соответствует.

Когда мы говорим, что горе или садизм истинно присутствуют, мы имеем в виду, что мы наделяем его ценностью; это не просто фикция. Следовательно, истина – это то качество в объекте, при помощи которого он заслуживает нашего уважения, в противоположность фикции, которая уважения не заслуживает. То, что выявляется в психоанализе, есть истинно ценное, в противовес обманчивой видимости. Так что О – это термин, который Бийон предназначает для истины; она также по природе своей конечна, так как не обусловлена ничем другим.

Прочитав это, некоторые могут сказать, что это философия и к психоанализу не относится, но интерес Биона к психоаналитическим объектам требует философской рефлексии. Таково свойство его мышления, что человеческая наука занимается единой реальностью и что она разрезана на различные отрасли – экономику, социологию, психологию, антропологию – для того, чтобы детальные аспекты можно было изучать по отдельности, но что существует единая реальность, в которую мыслитель пытается проникнуть. Биона глубоко интересовало то, что происходит в кабинете аналитика, но это всегда было для него окном, чтобы посмотреть на феномен человека в целом. Будет слишком узко называть Карла Маркса экономистом, потому что он был также психолог и философ; слишком узко – называть Дарвина биологом, потому что он был также геологом, палеонтологом, энтомологом и философом; слишком узко называть Фрейда нейро-

логом, потому что он был также психологом, социальным психологом и философом. Так же и с Бионом: это слишком узко – называть его психоаналитиком, поскольку он был также социальным психологом, биологом и философом. Все эти люди были такими мыслителями, у которых отправная точка находилась в одной дисциплине, но их мысль шла вширь, охватывая человечество в нескольких измерениях. Чтобы понять психоанализ, необходимо мысленно выйти во все те прочие измерения и затем вернуться обогащенным к отправной точке, прежде чем снова выйти во внешние просторы.

Бион был приверженцем точки зрения, что существует абсолютная истина, которую никогда нельзя познать напрямую. Он говорит: «Религиозные мистики, вероятно, ближе всего подошли к выражению переживания ее» (Bion, 1970, p. 30). Эта высшая реальность есть предмет психоанализа *par excellence*, от которого прочие являются только производными. Это лежит в самом сердце мышления Биона. Мистики, как он говорит, вероятно, ближе всего подошли к переживанию этой высшей реальности. Его подход, таким образом, в том, чтобы стать как можно ближе к мистикам. Он сосредоточивает внимание на тех защитах, которые мы воздвигаем против того, чтобы войти в такое переживание.

Те, кто стоит на позициях науки, склонны относиться к мистицизму с неодобрением. По сути своей мистицизм – это отчет о переживаниях тех, кто утверждает, что у них был близкий, если не прямой, контакт с высшей реальностью. Истинные мистики всегда подчеркивали, что этот контакт является не чувственным, а психическим. На вопрос о том, можно ли доверять этим переживаниям, можно ответить только путем научного исследования. Это предрассудок – автоматически отмахиваться от таких переживаний. Поле исследования еще осложняется тем фактом, что среди них было множество самозванцев и что даже подлинные мистические переживания часто рядятся в слова, типичные для религиозности своего времени, порой сентиментальной. Поэтому есть

много трудностей при попытках дотянуться до самого переживания. Однако научной будет такая позиция, что следует быть открытыми возможности таких особых переживаний и что их можно исследовать.

Следует вывод, что Бион был открыт тому, чтобы поверить в эти переживания, и что наша задача – попытаться подойти как можно ближе к такому опыту. Однако путь, благодаря которому такой опыт становится возможным, лежит через близкие отношения с другим человеком. Психоанализ есть исследование таких отношений, и он пытается открыть обоим партнеров мистическому опыту. Бион сосредоточивается на тех элементах, которые препятствуют обоим индивидуумам получить такой опыт. Неизбежен вывод, что мышление Биона настроено на фасилитацию мистического опыта.

На вопрос «Как аналитику проникнуть сквозь чувственное к психической реальности?» Бион отвечает, что он ждет, пока не начнет выявляться паттерн, а затем он *интуитивно* узнает психическую реальность.

Лжец и ложь – это еще одна тема, которая тесно ассоциируется с О. Когда истина выявляется, неважно, произносит ли ее аналитик или пациент, ребенок или взрослый, архиепископ Кентерберийский или Саддам Хусейн, Сталин или Черчилль, сторонник Кляйн или Кохута. Когда мы смотрим на какую-нибудь из чудесных скульптур, украшающих наши средневековые соборы, мы не знаем тех скульпторов, которые создали их: они остаются анонимными. В те времена анонимность была частью культуры, тогда как в наши дни, когда властвует культ индивидуума, творца прославляют; часто это вознесение к славе становится целью всех усилий. Истина может нуждаться в произносящем ее, но она может быть и анонимна. А вот ложь, цель которой защитить самолюбие, немыслима без восхваляющего самого себя индивидуума, которому нужна аудитория, чтобы себя подпереть. Отношение Биона к истине было похоже на отношение Будды, который сказал на смертном одре, что его учение следует

проверять опытом, а не верить потому, что он учил этому. Роль индивидуума – быть носителем истины. Очень часто мы не слышим истины, потому что ее произносит кто-то, кто нам неприятен. Непредвзятая открытость истине – это позиция, которой очень трудно достичь.

Эпилог

Для того, кто пишет о психоанализе, одна из самых больших трудностей состоит в том, что он использует слово, которое значит для одного читателя одно, а для другого другое. Кляйнианцы, например, уделяют очень большое внимание деструктивным силам в личности. Кляйнианец часто увидит деструктивную силу там, где аналитик другой школы ее не распознает. Чтобы не вступать в полемику, давайте назовем эту «другую школу» Оптимистической Школой, чтобы обозначить так любого аналитика, который не осознает те деструктивные силы, которые обычно отмечает кляйнианец. Нам придется предположить, что Оптимистический Аналитик слеп к этим деструктивным силам. Пусть Оптимистический Аналитик выбирает те сведения, которые окрашены оптимизмом, и отвергает те, которые несут оттенок деструктивности. Мы говорим это для того, чтобы внести нечто, что мы назвали бы нотой надежды у Биона, но это надежда, которую он находит погруженной в извращение, даже в злобу, а также в галлюцинации или бредовые идеи. В любом из них, говорит Блон, могут содержаться семена плодотворной мысли. Не будучи слепым к извращению, злобе, галлюцинации или бредовым идеям, он способен был видеть цветок, возрастающий на навозной куче.

Давайте начнем с извращения. Само слово «извращение» предполагает, что есть нечто, что было извращено. Мы предполагаем, что это *нечто* реально, и является чем-то хорошим. Понятие «извращенный» предполагает, что оно каким-то образом наносит вред развитию личности и творческой способности индивидуума, но что, если бы *оно*, это *нечто*, не было извращено, оно было бы благотворно для личности. Поэтому необходимо найти это *нечто*, вывернутым отображением которого является извращение. Одна женщина получала большое удовольствие, когда наблюдала, как мочится мужчина, и ей нужно было сделать так, чтобы она наблюдала это как можно чаще. Она работала редактором в издательстве, но мечтала о том, чтобы писать свои собственные книги. Однако, несмотря на значительный литературный талант, она жила в плену самоуничтожения и поэтому оставалась редактором. Желание писать свои собственные книги, которое представляло собой желание самореализации, символизировалось в мочащемся мужчине. В то время когда она нанялась на работу в издательство, ей предлагали писать пьесу в сотрудничестве с кем-то. Она горько сожалела, что не сделала этого, и думать о том, что прошло пятнадцать лет, когда она могла бы теперь уже быть известной писательницей, было крайне болезненно. Она не могла теперь исполнить свое желание писать книги, не переживая этих мучительных сожалений. В извращенном виде желание было приятным, а его болезненные элементы были изгнаны из осознания. Однако в извращении было также зерно здорового желания, которое с течением времени в ходе анализа можно было изолировать от его сексуального контекста.

То, что можно сказать об извращении, можно также сказать о бредовой идее, о галлюцинации и даже о полном безумии. Мы не будем приводить примеров из всех этих областей, а возьмем только один исторический случай – случай Колумба. Христофор Колумб обладал колоссальной манией величия. Он болтался при дворе Изабеллы Испанской восемь лет, вытягивая из нее финансирование для экспедиции

его мечты – морского пути в Индию, и, когда в конечном итоге она предложила ему несколько кораблей, небольшую финансовую помощь и свою высочайшую милость и защиту, он потребовал, чтобы его сделали вице-королем и генерал-губернатором всех островов и континентов, которые он может открыть и завоевать для Испании; чтобы его назначили адмиралом; чтобы ему отдали десятую часть всех сокровищ, которые будут найдены в землях под его властью; чтобы он обладал исключительным правом владения одной восьмой земель, которые он откроет и завоюет, и чтобы все эти права и титулы наследовались его потомками. Вначале от его требований отмахнулись, как от чрезмерных и безумных, но он добился своего, и король и королева согласились на все, что он просил. Ранее королевская комиссия изучала его предложение и заявила, что его утверждения не имеют под собой никаких оснований. У него не было никаких разумных доводов, чтобы возразить им. Все, что у него было, – это внутренний образ морского пути в Индию и его собственная незыблемая убежденность. Если бы в наши дни его осмотрел психиатр, то сказал бы, что у него бредовая идея, но что в этой бредовой идее заключалась некая истина: что, отправившись на запад морем от берегов Испании, он достигнет земли; не земли Индии, которой он полагал, что достиг, но Америки. И тут он демонстрировал бредовую идею, но в его бреде была истина, и интересно, что Изабелла, королева, интуитивно знала, что это так: что среди всего этого безумия присутствует зерно истины.

Именно это зерно истины, этот зародыш творческой мысли, как считал Бion, часто заключен внутри безумия. Он говорил, что в психотическом процессе переменная затвердевает в константу. В ригидной идее находится гибкая, полная воображения заря открытия, спрятанная в ригидном экстерьере.

В разных главах мы подчеркивали важность О. О – это истина, которая может быть познана средствами науки, религии или искусства. Различные грани О известны через эти

различные способы постижения. Когда О выявляется в психоаналитическом процессе, происходит контакт с той высшей реальностью, которая проливает свет на науки, религию и искусство. Бион вошел в контакт с О через посредство психоанализа, но его конечным интересом было О, а не то средство, при помощи которого он к нему приближался. Его интерес уходил глубоко в основы существования. То, что Джордж Элиот говорит о своем персонаже Лидгейте в романе «Мидлмарч», вполне можно было бы сказать о Бионе:

Сам он презрительно отбрасывал прочь дешевые выдумки, которыми тешится ленивое невежество, – его властно влекла та пылкая работа мысли, которая лежит в самой основе научных исследований либо помогает заранее обрисовать их цель, а затем уточняет и выверяет способы ее достижения. Он стремился проникнуть в тайну тех скрытых процессов, из которых рождаются человеческие радости и горести, развеять мрак, скрывающий те невидимые пути, на которых таятся душевные страдания, безумие и преступления, те тонкие механизмы, которые определяют развитие счастливого или несчастного характера.

(Eliot, 1973, p. 194)¹

Бион наблюдал сквозь микроскоп тончайшие сигналы, а сквозь телескоп – наше отдаленное прошлое. Это, вероятно, то, что более всего его занимало в его последней загадочной книге *A Memoir of the Future*.

A Memoir of the Future – это роман, в котором Бион выразил свои теории и идеи в форме, отличной от научного дискурса его прочих работ. Как говорит один из персонажей книги: «Я был вынужден искать прибежища в вымысле. Под видом вымысла истина могла иногда проскользнуть» (Bion, 1991, p. 302). Это его собственная *Энеида*. Это его попытка передать свои идеи не только психоаналитикам, но также и более

1 Перевод И. Гурова, Е. Короткова. М.: Правда, 1988. – Прим. пер.

обширной аудитории, которая может оказаться способной к восприятию.

Бион видит психику как нечто крайне ограниченное в способности понимать реальность. Он следует концепции Платона, что мысли существуют без надобности в мыслителе. Стоит принять, что необходим мыслитель, немедленно устанавливаются ограничения, такие как поляризация истины и лжи, морального чувства и времени с неотделимыми от него идеями прошлого и будущего, пространства и причинности.

Есть некое внутреннее затруднение в том, чтобы верить, или хотя бы воображать, что существует огромный мир мыслей без мыслителя, которые могут существовать свободно, не ограниченные нашими нормальными процессами рационального мышления. Потому этот разум, который «охватывает совершенно недостаточный диапазон реальности» (Bion, 1991, p. 130), не способен различать глубинные паттерны явлений, скрытые в этой лишенной формы бесконечности. Возможно, эти глубинные паттерны могут проявляться лишь намеком в искусстве, музыке и поэзии. В психоанализе тоже различные теории, теории сексуальности, агрессии, соперничества, эдипова комплекса важны не сами по себе, а скорее, как поверхностные проявления лежащей в основе конфигурации.

Контакт с этим не-чувственным и огромным царством мыслей может создать переживание столь интенсивное, что его невозможно будет терпеть. Различные защитные механизмы немедленно приводятся в действие, чтобы обеспечить броню от любого дальнейшего осознания этого не-чувственного и безграничного царства. Мифология предоставляет многие примеры запретов против расширения знания: Адам и Ева, которым Бог воспретил познание и наказал за стремление к нему; Эдип, который наказывает себя, когда ему открывается истина; приказ Ирода об избииении всех младенцев мужского пола.

Книга занимается ограничениями, которые мы устанавливаем на наши собственные умы, как только возникает

угроза контакта с не-чувственным миром мысли, из-за того что боль, невоспринимаемая чувственно, ощущается как нестерпимая.

В наших умах настолько доминируют сенсорные явления, что нам трудно воспринимать не-чувственную реальность. Зрительный образ, например, настолько доминирует в нашем мышлении, что он ограничивает нашу способность схватывать эту психическую реальность. Нам необходимо освободиться от этого способом, аналогичным тому, как открытие картезианских координат освободило математику от ограничений зрительной геометрической формы, выявив функции, отношения между переменными. Само наше структурирование реальности при помощи понятий времени, пространства и причинности ограничивает то, что мы можем понять.

Нетерпимость к неизвестному и наша потребность хвататься за что-то, что «объясняет» его, душит возможность дойти до истины. Люди иногда чувствуют, что они думают, что вот-вот сорвутся, если возникнет опасность, что из зерна истины вылупится птенец. Мы можем укрыться в прочной тюрьме здравомыслия и стать, как все. Мы ограничены человеческой психикой, которая цепляется за идеал, например за Бога; в этом случае переменная замещается тогда константой.

Заря забвения, третья книга в *A Memoir of the Future* Биона (1991), является описанием того, как потенциально открытая и осознающая себя психика осваивает приемы, позволяющие забыть эту более обширную реальность и быстро учиться соответствовать ригидностям, внутренне присущим самодовольной вере в придуманную людьми логику и законы и в ограничивающие рамки пространства и времени. Эта книга является описанием путешествия от рождения до смерти, под бременем слишком раннего знания, опыта, славы и самоопьянения удовлетворением. Идеи становятся ригидными, как экзоскелет или как психический остеоартрит с изувеченными суставами. С их помощью жизнеспособность выдавливается из существования. Ригидность проявляет себя в институтах, которые, с их правилами, выдавливают жизнь

из самих причин для их основания. Индивидуум становится фактически роботом или же начинает отбиваться. Он становится подобен зародышу на таком сроке, когда тот может почувствовать себя настолько сдавленным ограничивающей его утробой, что инициирует процесс родов.

Так же и в психической жизни бесконечные сдавливающие силы могут вызывать к жизни встречную реакцию или бунт, попытки вырваться из своей тюрьмы. Возможно, так называемый «психический срыв» и есть попытка вырваться. Попытка вырваться или прорваться, скорее всего, окажется некомфортной для индивидуума или для его близких: родных, друзей и знакомых.

Примитивное находится внутри нас, доисторический хаос. Мы продолжаем нести его с собой точно так же, как мы несем часть нашей исходной жидкой среды в форме слизистых оболочек, которыми покрыты изнутри наш пищеварительный и дыхательный тракты и влажные поверхности глаз и репродуктивной системы. Сама эта влажность позволяет нам обонять, и видеть, и размножаться. Избыток жидкости, однако, не позволит нам видеть и обонять.

Примитивное несет жизненную силу и выражается в примитивном языке наших ругательств. Реальность – не цивилизованная и не вежливая, она не разумна и не снисходительна к нашим чувствам и идеям. Детские стишки выражают примитивную жизненную силу. Звенит архаическая струна, и высвобождается жизненная сила. Эта струна способна проникать за барьеры и ширмы, которые заслоняют.

Такие разграничения, как разграничение ума и тела, или индивидуумов, или дней, часов и минут, создают барьер, экран, или цезуру между этими частями, через которые трудно перекинуть мостик.

Чтобы зафиксировать примитивные значения, вибрации из этой высшей реальности, необходимо нечто вроде очень прочной ширмы, но не такой, чтобы уничтожить значение, либо отрицая его, либо делая вид, что оно принимается, со словами «Я знаю». Именно этот ответ, «Да, я знаю», смер-

телен для любой попытки исследования как в психоанализе, так и в любой другой области. Эта реакция с позиций базового допущения – «Нам-то лучше знать», – убивающая оригинальность, так часто встречается в группе.

Бион направляет внимание на универсальное ограничение мышления, на те способы, которыми оно проявляется, и на тревогу, ассоциируемую с попытками его убрать. Эти сопротивления и страхи раскрываются в аналитическом процессе.

Эта более обширная реальность может дотянуться до нас через примитивные предвестники сенсорного аппарата – какие-то «вибрации» могут перемещаться по жидкости, чтобы достичь оптической или слуховой раковины. Возможно, она регистрируется не обычным способом, а скорее, как слуховая или зрительная галлюцинация; и тогда сразу возникает тенденция отмахнуться от нее как от «вздора». Выяснить это можно, только наблюдая факты, какими бы бесконечно повторяющимися они ни казались, пока не начнет выявляться паттерн. Таков был совет Шарко, которому последовал Фрейд.

Но если паттерн начинает выявляться, он может оказаться пугающим, раскрывающим зверство, жадность, бездумное уничтожение и каннибалистические порывы, так что желание продолжать поиск замораживается у самого своего источника. Затем мы быстро стираем свое осознание и погружаемся обратно в свою всезнающую самоудовлетворенность.

Бион предлагает нам не цепляться за психологический комфорт, рискнуть выйти в неведомое и встретить ужасное лицом к лицу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Русскоязычный читатель привык относить Уилфреда Биона к нео-кляйнианцам. Кроме нескольких собственных его работ, на русский язык переведена книга латиноамериканских кляйнианцев Леона Гринберга с соавторами «Ведение в работы Биона» (М.: Когито-Центр, 2007).

Данная книга предлагает нам несколько иное восприятие Биона. Джоан и Невилл Симмингтоны – представители независимой группы Британского психоаналитического общества. Личный тренинг они прошли в Лондоне, сейчас живут в Австралии. Они находят много общего в теории Биона не только с кляйнианцами, но и с независимыми аналитиками. Например в поздних работах Блон пришел к отрицанию инстинкта смерти и понятию «О», что противоречит кляйнианским взглядам, но смыкается с взглядам независимых аналитиков. Кляйнианцы не принимают роль матери и инстинкт самосохранения – для них краеугольным камнем является инстинкт смерти.

Всепроникаемость и непознаваемость О отражают его природу как симбиотической матери-обстановки. Перефразируя слова Винникотта: «Нет такой вещи, как младенец без матери», Блон говорит: «Нет субъекта без всепроникающего О». Но я думаю, что сам он не соотносил свои взгляды с точкой зрения Винникотта. При этом Блон не переходит

полностью в стан независимых аналитиков – вместо принятия младенческих уровней бессознательного, он их мистифицирует. И его учение о группах также было попыткой понять младенческие пласты бессознательного – на уровне симбиотической матери-обстановки.

Триада Биона – высокомерие, любопытство и глупость – является попыткой по-новому посмотреть на вопросы развития и на нарциссические проблемы. К сожалению, эти три понятия слишком отягощены морализаторством, что мешает их эффективному применению в клинической работе, однако они дают нам нечто важное для теоретического осмысления этих проблем. Высокомерие ближе к хвастовству (оба подпитываются получаемым удовольствием), оно является противоположностью зависти, о которой писала Кляйн. Зависть с одной стороны и сочетание высокомерия с хвастовством – с другой, ненависть и сочетание примитивного любопытства с глупостью – это примеры взаимодополняющих ролей во взаимодействии субъекта и объекта. В этом вопросе Блон также отделяется от взгляда Кляйн и сближается со взглядами Кохута и Лакана на нарциссизм. Но, в отличие от последних, Блон исследует не понятие отзеркаливания, а понятие контейнирования. При нормальном развитии в отношениях младенца и матери (субъекта и объекта) преобладает альфа-процесс контейнирования. При патологическом развитии преобладают такие бета-элементы как зависть, хвастовство и др.

Если еще помнить о введенном Винникоттом понятии холдинга, то мы получим три важнейшие составляющие материнской заботы о младенце. В первичной картине кормления грудью мать надежно держит ребенка на руках (холдинг), кормит хорошим молоком (контейнирование) и при этом отражает взглядом экспрессию ребенка (отзеркаливание).

Здесь мы подошли к очень важному вопросу: с какой позиции аналитик смотрит на пациента? Начиная с Фрейда и Кляйн аналитики смотрели на пациента «негативно» в том смысле, что эдипова первичная сцена и первичная зависть – это «плохо». А как «хорошо» – никто не знал, образа хорошего

объекта не было. Когда у Фрейда некоторые просили совета, как воспитывать своих детей, он отвечал – не знаю, воспитывайте, как сможете, все равно сделаете неправильно. В этом смысле в вопросах развития и Фрейд, и Кляйн, и большинство аналитиков были «негативистами», «верили в дьявола». Пиком этой «психоаналитической веры» было принятие инстинкта смерти в противовес инстинкту самосохранения и важности материнской заботы. Современное направление в психоанализе, делающее упор на развитие, является в этом смысле «позитивизмом», «верой в бога», со своим образом хорошего объекта, «иконой мадонны с младенцем». И Бион внес очень важный вклад в этот образ – в виде своих понятий альфа-функции и контейнирования.

Но кляйнианские корни не дали ему полностью перейти в стан «верующих в бога»; неразрешенный конфликт между богом и дьяволом в его душе привел его к позиции мистика. Образ хорошей матери он мистифицировал в виде понятия О, до конца не раскрытого. В качестве ассоциации к этому мне вспоминается известный роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», где апостол говорит дьяволу: «Возьмите Мастера к себе и дайте ему покой». Дьявол отвечает: «Что же вы не возьмете его к себе наверх, в свет?» Апостол: «Он не заслужил света, он заслужил покоя».

Действительный член МПА-МПО,
ЕФПП-ОПП, профессор ИППП:
Михаил Ромашкевич
Апрель 2010

ХРОНОЛОГИЯ

- 1897 Родился 8 сентября в Матхари, в объединенных провинциях Индии, где его отец был инженером-мелиоратором.
- 1905–1915 Колледж Бишоп Стортфорд.
- 1916–1918 Служил в Королевском танковом полку. Награжден орденом За Выдающиеся Заслуги и орденом Почетного Легиона (кавалер) и упомянут в донесениях.
- 1919–1921 Квинз Колледж, Оксфорд.
- 1924–1930 Больница Лондонского университетского колледжа, где он получил Золотую медаль хирурга.
- 1933–1939 Секретарь медицинской секции Британского психологического общества.
- 1940–1945 Психиатр, военный госпиталь Дэви Халми и Честерский военный госпиталь.
- Начальник медицинской службы, Отдел обучения Нортфилдского военного госпиталя. Старший психиатр отборочной комиссии Военного Министерства.
- 1945–1946 Председатель правления Тэвистокской клиники, Лондон.
- 1946 Председатель медицинского отделения Британского психологического общества.
- 1956–1962 Директор Лондонской клиники психоанализа.
- 1962–1965 Президент Британского психоаналитического общества.
- 1966–1968 Член Тренинг-комитета по обучению Британского психоаналитического общества.
- Председатель Издательского комитета Британского психоаналитического общества.
- Председатель Траста Мелани Кляйн при Британском психоаналитическом обществе.

Хронология

- 1968 Переехал в Калифорнию преподавать.
- 1968–1979 Ездит по Южной Америке и Европе с лекциями
и супервизиями.
- 1978 Почетный член Психоаналитического общества
Лос-Анджелеса.
- 1979 Почетный член Института А. К. Райса.
Умер 8 ноября в больнице Джона Рэдклиффа, Оксфорд,
от острого миелолейкоза.

Труды Уилфреда Биона

- 1940 The war of nerves, in E. Miller and H. Crichton-Miller (eds.), *The Neuroses in War*, London: Macmillan.
- 1943 Intra-group tensions in therapy: their study as the task of the group, *The Lancet*, 27 November.
- 1946 The leaderless group project, *Bulletin of the Menninger Clinic*, 10 (May).
- 1948 Psychiatry at a time of crisis, *British Journal of Medical Psychology*, 21.
- 1948–1951 *Experiences in Groups*, *Human Relations*, I–IV; subsequently London: Tavistock Publications [see 1961 below].
- 1950 The imaginary twin, presented to the British Psycho-Analytical Society (November) [Bion's membership paper]; *International Journal of Psycho-Analysis* (1955) and in *Second Thoughts* [see 1967 below].
- 1952 Group dynamics: a review, *International Journal of Psycho-Analysis*, 33; also in Melanie Klein, Paula Heimann and E. Money-Kyrle (eds.), *New Directions in Psycho-Analysis* [see 1955 below] and in *Experiences in Groups* [see 1961 below].
- 1953 Notes on the theory of schizophrenia, presented at the Eighteenth International Psycho-Analytic Congress; also in *International Journal of Psycho-Analysis* 35 (1954); also in *Second Thoughts* [see 1967a below].
- 1955 Language and the schizophrenic patient, in Melanie Klein, Paula Heimann and E. Money-Kyrle (eds.), *New Directions in Psycho-Analysis*, London: Tavistock Publications.
- 1956 Development of schizophrenic thought, *International Journal of Psycho-Analysis* 37 (1956); also in *Second Thoughts* [see 1967a below].
- 1957a Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities, *International Journal of Psycho-Analysis*, 38 (1957); also in *Second Thoughts* [see 1967a below].

- 1957b On arrogance, presented at the Twentieth International Psycho-Analytic Congress, Paris; also in *International Journal of Psycho-Analysis*, 39 (1958) and in *Second Thoughts* [see 1967a below].
- 1958 On hallucination, *International Journal of Psycho-Analysis*, 39 (1958); also in *Second Thoughts* [see 1967a below].
- 1959 Attacks on linking, *International Journal of Psycho-Analysis*, 40; also in *Second Thoughts* [see 1967a below].
- 1961 *Experiences in Groups*, London: Tavistock Publications.
- 1962a A theory of thinking, *International Journal of Psycho-Analysis*, 53; also in *Second Thoughts* [see 1967a below].
- 1962b *Learning from Experience*, London: William Heinemann, Medical Books; reprinted London: Karnac Books, 1984; also in *Seven Servants* [see 1977a below].
- 1963 *Elements of Psycho-Analysis*, London: William Heinemann, Medical Books; reprinted London: Karnac Books, 1984; also in *Seven Servants* [see 1977a below].
- 1965 *Transformations*, London: William Heinemann, Medical Books; reprinted London: Karnac Books, 1984; also in *Seven Servants* [see 1977a below].
- 1966 Catastrophic change, *Bulletin 5*, British Psycho-Analytical Society; also in *Attention and Interpretation* (Chapter 12) [see 1970 below].
- 1967a *Second* Thoughts*, London: William Heinemann, Medical Books [contains the papers indicated above, together with a Commentary].
- 1967b Notes on memory and desire, *The Psychoanalytic Forum*, 2 (3) (Los Angeles, California).
- 1970 *Attention and Interpretation*, London: Tavistock Publications; reprinted London: Karnac Books, 1984; also in *Seven Servants*, [see 1977a below].
- 1973 *Brazilian Lectures, 1*, Rio de Janeiro: Imago Editora; also in *Brazilian Lectures* [see 1990 below].
- 1974 *Brazilian Lectures, 2*, Rio de Janeiro: Imago Editora; also in *Brazilian Lectures* [see 1990 below].
- 1975 *A Memoir of the Future, Book One: The Dream*, Rio de Janeiro: Imago Editora; also in *A Memoir of the Future* [see 1991 below].
- 1976a Emotional turbulence, paper given at the International Conference on Borderline Disorders, Topeka, Kansas (March); published in the book of the conference (New York: International Universities Press, 1977); also in *Clinical Seminars and Four Papers* [see 1987 below].
- 1976b On a quotation from Freud, paper given at the International Conference on Borderline Disorders, Topeka, Kansas (March); published in the book of the conference (New York: International Universities Press, 1977); also in *Clinical Seminars and Four Papers* [see 1987 below].
- 1976c Evidence, *Bulletin 8*, British Psycho-Analytical Society; also in *Clinical Seminars and Four Papers* [see 1987 below].

ТРУДЫ УИЛФРЕДА БИОНА

- 1976d Interview with Anthony G. Banet Jr., published in *Groups and Organization Studies*, 1 (3).
- 1977a *Seven Servants*, New York: Jason Aronson [contains the four books indicated above].
- 1977b *A Memoir of the Future, Book Two: The Past Presented*, Rio de Janeiro: Imago Editora; also in *A Memoir of the Future*, [see 1990 below].
- 1977c *Two Papers: The Grid and Caesura* [originally presented as talks to the Los Angeles Psycho-Analytic Society, in 1971 and 1975, respectively] Rio de Janeiro: Imago Editora; new edition London: Karnac Books, 1989
- 1978 *Four Discussions with W. R. Bion*, Strath Tay, Perthshire: Clunie Press.
- 1979a *A Memoir of the Future, Book Three: The Dawn of Oblivion*, Strath Tay, Perthshire: Clunie Press; also in *A Memoir of the Future* [see 1990 below].
- 1979b Making the best of a bad job, *Bulletin 20*, British Psycho-Analytical Society; also in *Clinical Seminars and Four Papers* [see 1987 below].
- 1980 *Bion in New York and Sao Paulo*, Strath Tay, Perthshire: Clunie Press.
- 1981 *A Key to a Memoir of the Future*, Strath Tay, Perthshire: Clunie Press; also in *A Memoir of the Future* [see 1990 below].
- 1982 *The Long Week-End 1897-1919*, Abingdon: Fleetwood Press.
- 1985 *All My Sins Remembered and The Other Side of Genius*, Abingdon: Fleetwood Press.
- 1986 *Seminari Italiani*, Rome: Borla [published in Italian only].
- 1987 *Clinical Seminars and Four Papers*, Abingdon: Fleetwood Press.
- 1990 *Brazilian Lectures*, Karnac Books [a new one-volume edition of the two books listed above].
- 1991 *A Memoir of the Future*, London: Karnac Books [a new one-volume edition of the two books listed above].
- 1992 *Cogitations*, London: Karnac Books.

ЛИТЕРАТУРА

- Blaedel N. (1988) *Harmony and Unity: The Life of Niels Bohr*, Madison, WI: Science Tech Publishers.
- Blake W. (1972) *Eternity*, in *Blake: Complete Writings*, Oxford: Oxford University Press.
- Bleandonu G. (1994) *Wilfred Bion: His Life and Work, 1897–1979*. London: Free Association Books and New York: The Guilford Press.
- Bonham Carter V. (1965) *Churchill as I Knew Him*, London: The Reprint Society.
- Casement P. (1990) *Further Learning from the Patient*, London: Routledge.
- Davies P. (1984) *God and the New Physics*, London: Penguin.
- Dostoevsky F. M. (1978) *Crime and Punishment*, Harmondsworth: Penguin.
- Eliot G. (1973) *Middlemarch*, Harmondsworth: Penguin.
- Fish F. J. (1962) *Schizophrenia*, Bristol: John Wright & Sons.
- Flavell J. H. (1963) *The Developmental Psychology of Jean Piaget*, New York: Van Nostrand Reinhold.
- Freud S. (1971a) *Pre-Psycho-Analytic Publications and Unpublished Drafts: The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Vol. I*, London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis; New York: Macmillan.
- Freud S. (1971b) *The Interpretation of Dreams and On Dreams: The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Vol. V*, London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis; New York: Macmillan.
- Freud S. (1971c) *Five Lectures on Psycho-Analysis, Leonardo and Other Works: The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Vol. XI*, London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis; New York: Macmillan.
- Freud S. (1971d) *The Ego and the Id and Other Works: The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Vol. XIX*, London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis; New York: Macmillan.

ЛИТЕРАТУРА

- Freud S. (1971e) *An Autobiographical Study, Inhibitions, Symptoms and Anxiety, Lay Analysis and Other Works: The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Vol. XX*, London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis; New York: Macmillan.
- Fromm E. (1972) *Psychoanalysis and Religion*, New Haven, CT: Bantam Books-Yale University Press.
- Grosskurth P. (1985) *Melanie Klein: Her World and Her Work*, London: Hodder & Stoughton.
- Hoffman E. (1991) *Lost in Translation*, London: Minerva.
- Hughes T. (1982) The thought fox, in *Selected Poems*, London: Faber & Faber.
- Huxley A. (1980) *The Perennial Philosophy*, London: Chatto & Windus.
- Kant I. (1956) *Critique of Practical Reason*, Indianapolis and New York: Bobbs Merrill.
- Koestler A. (1975) *The Act of Creation*, London: Picador, Pan Books.
- Lonergan B. (1958) *Insight*, London: Darton, Longman & Todd.
- Magagna J. (1994) The eye turned inwards, in Luigia Cresti Scacciati (ed.) (1996) *Contrappunto*, Florence: Associazione Fiorentina di Psicoterapia Psicoanalitica.
- Matte Bianco I. (1975) *The Unconscious as Infinite Sets: An Essay in Bi-Logic*, London: Duckworth.
- Murdoch I. (1992) *Metaphysics as a Guide to Morals*, London: Allen Lane, Penguin.
- Newman J.H. (1876) *Parochial and Plain Sermons*, Vol. 5, London, Oxford and Cambridge: Rivingtons.
- Orwell G. (1972) *The Road to Wigan Pier*, Harmondsworth: Penguin.
- Pines M. (1987) Bion: a group-analytic appreciation, in *Group Analysis*, Vol. 20, Part III, p. 25–62.
- Poincare H. (1952) *Science and Method*, New York: Dover Publications.
- Read H. (1974) *A Concise History of Modern Painting*, London: Thames & Hudson.
- Reeves J.W. (1965) *Thinking about Thinking*, London: Seeker & Warburg.
- Russell B. (1993) *Introduction to Mathematical Philosophy*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Schmandt-Besserat D. (1992) *Before Writing: From Counting to Cuneiform*, Austin: University of Texas Press.
- Solovyov V. (1918) *The Justification of the Good*, London: Constable.
- Vygotsky L. S. (1975) *Thought and Language*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Weizsacker C. F. F. von (1973) Introduction to G. Krishna, *The Biological Basis of Religion and Genius*, London: Turnstone Press.
- Whitehead A. F. (1958) *An Introduction to Mathematics*, Oxford: Oxford University Press.

УКАЗАТЕЛЬ

С категория, Таблица 70–73, 76, 101

Д состояние 143

–Н (т. е. минус **Н**) связь 123, 178

Н связь 51–55, 60, 123, 168, 178, 185

–К (т. е. минус **К**) связь 123, 170, 170–171, 178–179, 195

К связь 49–54; Таблица 60, 65, 66, 73; мышление 123, 154; трансформации 168, 178, 185

–К ситуация 239

–L (т. е. минус **L**) связь 123, 178

L связь 50–54, 59, 123, 168, 178, 185

О 26, 28, 56; психоз 213; сессии 59; значение 265; трансформации 161–163, 177–178, 181–185; конечная реальность 245, 256–258, 260

PS↔D движение 123, 143, 146, 158, 220, 235, мышление 153

Т-альфа 161

Т-бета 161, 165, 179, 185

Абстракция 83, 87, 144, 149; аналитический процесс 57–58; обобщение 153; отношения 136; мышление 132

Агорафобия 177–178

Алгебраические вычисления 69, 153

Альфа-функция: отсутствие 253–255; Таблица 66, 94–112; психоз 168, 171, 220, 231, 232; обратимый 157, 221; мышление 116, 129, 133, 147, 151

Альфа-элементы 23, 66, 94–111, 213, 232

Аналитик: идеализация 23; психическое состояние 19; отношения с пациентом 52–54, 58–66, 87, 140, 161

Аналитическая сессия: элементы 23; Таблица 58

Аналитический процесс 58

Анальные объекты 224

- Анальный эротизм 147
- Антиправда 171
- Антиразвитие 170–172
- аристотель 115–116
- Армия, Военный госпиталь
Нордфилд 196, 200–205
- Архимед 245–246, 248, 249
- Ассоциации, связи 54, 116
- Базовые допущения 188–193,
203
- Безумие 263–265
- Бергсон Г. 25
- бессмысленность 70, 90
- Бессознательное 26, 83, 147
- Бета-экран 97, 104–105, 108, 111
- Бета-элементы 94–111, 128–129,
158; анти-развитие 170; кон-
тейнер/контейнируемое 86;
эвакуация 98, 104, 107–108,
172, 253–255; Таблица 66–70,
72 группы 207; психоз 221,
223, 232; размышление 118;
трансформации 177, 181
- Бине А. 121–122
- Бинокулярное видение 193
- Биографические подробности,
Бион 34–48
- Бладель Н. 75, 277
- Бланко М. 68
- Блейк У. 244, 277
- Бог 76–77, 91, 147–149, 182–184,
266
- Божество 29, 256
- Боль 88, 126–128; принятие 24,
26, избегание 156; конфрон-
тация 84; невыносимость
212, 266, модифицирование
52–54; терпимость 175
- Бонэм-Картер В. 39–41, 277
- Бор Н. 75, 130
- Борьбы–бегства группа 189, 192,
195, 202–205, 209
- Борьбы–бегства механизм
205–206
- Бразильские лекции 105
- Бред 142–143, 157, 214, 223–224,
263
- Брейер Дж. 57
- Вайцеккер К. Ф. фон 81, 279
- Вертикальная ось, Таблица
66–73, 81, 150
- Вершины 26, 91, 163, 179–181
- Веры, акт 182–184
- Вещь-в-себе 29, 123, 128, 151,
231, 256
- Виктории Крест 35, 40–41
- Вина 24, 88
- Винникотт Д. В. 93
- Витгенштейн Л. 81
- Внешние объекты 157
- Внимание и интерпретация 29,
30
- Внимания, 62; Таблица, 66
- Внутренняя сила, 137–139
- Военный опыт 34–35, 39–44
- Воображение 118
- Воплощенная истина 59
- Воспоминания о будущем, 91,
209, 252, 265, 267

- Воспринимаемое: существование 154; образы 66; реальность 256, 260; область 111
- Восприятие: атаки на 221; искаженное 20, внешнее 249
- Восхищение 87
- Враждебность, группа 199
- Все мои прошлые грехи 46
- Всеведение 241
- Всемогущество 241
- Вторичные мысли 30, 212, 219, 239
- Вторичный процесс мышления 28, 119
- Выготский Л. С. 116–118, 129, 279
- Высокомерие 227–230
- Вытеснение 57, 102
- Галлюцинации 102–104, 263; контейнер/контейнируемое 87–88; как защита 161; преобразование проекции 168; психоз 214, 219, 235–241; воздержание 119–121
- Галлюциноз 172–174
- Гегель Г. В. Ф. 90
- Гедонистическая теория, Фрейд 24, 25–26
- Геометрия 146–147, 161–163, 174–175
- Гипербола 168, 178–179, 185
- Гипотеза: определяющая 61, 66, 75, 156–157; иерархия 151, научная 69, 144
- Глупость 227–230
- Гоббс Т. 115
- Горизонтальная ось, Таблица 60–66, 86, 122
- Государственные школы 38
- Гофман Э. 111, 279
- Гросскурт П. 32, 279
- Грудь 84, 88–90, отсутствие груди 126–129, 154–156
- Групп, изучение 186–210
- Групповая культура 189
- Гук Р. 130
- Действие 154; Таблица 63, 66; миф об Эдипе 75–76
- Декарт Р. 146, 149
- Депрессивная позиция 30, 122, 146, 203, 238
- Депрессия 21, 60, 98
- Деструктивность 88–90, 216–217, 220, 262
- Детство Биона 35–39
- Джейкис Э. 29
- Джексон Х. 118
- Доверие 52
- Долгий уик-энд 34, 43
- Донн Дж. 105, 198
- Достоевский Ф. М. 94, 277
- Дэвис П. 130, 277
- Жадность 32, 52, 88–90, 170, 177
- Желание 17, 72; подход аналитика 244–255
- Жизненная сила 216–217
- Зависимая группа 189
- Зависимость 206
- Зависть 32, 88, 132, 133, 168, 170; психоз 228, 238

- Значение, ключевые связи 54
- Значение, понимание, 68
- Значения 44
- Зрительные образы 94–97, 101, 105, 266
- Игры сексуальные 54–55
- Идеализация аналитика 23
- Идеограмма 157, 213, 234
- Избранный факт 29, 61, 62, 140–146, 150–154, 161
- Изгнание бета-элементов 98, 104, 107–108, 253–255
- Изменение: защита от 181, страх 216–217; инициирование 59; психическое 62, 63, 195
- Инвариантность 163–164, 177
- Индия 35–38
- Инсайт 245–246, 249
- Инстинкт жизни 216, 228
- Инстинкты 24
- Интеграция 95–97
- Интерпретации 66, 70–72, 139, 170–171, 251; Таблица 59–66, 59–62, 63; групп 188
- Интуиция 181, 245, 249–251, 260
- Инцест 196, 209–210
- Ипохондрия 163–164
- Исследование: Таблица 62, 66; эдипов миф 75–76
- Истина: абсолютная 259; оценка 17, появление 20, 24–25, 245, 260, продвижение к 171; психическая 104; достижение 44, 228, сопротивление 184; мышление 26
- Исчисление 69, 153
- Кант И. 98, 73114, 279
- Катализатор эмоциональный 49–54
- Катастрофические стадии 164
- Катексис 119
- Кейсмент П. 168, 277
- Кеплер И. 130
- Кестлер А. 30, 245, 279
- Китс Дж. 248
- Клаустрофобия 177–178
- Кляйн М. 17–32, 88; как аналитик 202–203; группы 207; теория инстинктов 122; интроекция 153; объектные отношения 57; перемещения позиции 143; проективная идентификация 123
- Кляйнианская теория 25, 29–32, 163, 193, 262
- Коммуникация, психоз 227, 230, 234, 241–242
- Конечная реальность 29, 32, 181–184, 256–260, 265
- Конечно-бесконечный 26–28, 63
- Константа 147
- Контактный барьер 101–104, 108, 133, 193
- Контейнер/контейнируемое 28, 81–93, 158; альфа-функция 105, бета-элементы 86; эмоциональные связи 123; галлюцинации 87–88; личность 84–86; психоз 214, 220, 223, 232, 235; трансформации 181
- Контрперенос 214

- Конфронтации 59
 Концепция 68, 86, 90
 Коперник 130
 Кохут Х. 25
 Кэннон У.Б. 119
 Ланцет 196
 Либи́до, Фрейд 25
 Личность 147; контейнер/контейнируемое 84–86; деструктивные силы 262
 Логика 121
 Ложь 260
 Локк Дж. 115–116, 125
 Лонерган Б. 245–246, 279
 Любовь (L и –L связь) 88
 Любовь 44, 132, 133, 168, 238–239
 Любопытство 227–230
 Магагна Дж. 237, 279
 Математике 147–149, 153, 161–163, 27, 174–175, 266
 Материнская грудь/младенец 84, 88–90, 126–129, 154–156
 Матисс А. 160
 Матте-Бианко И. 68, 279
 Мегаломания 168, 182
 Мердок И. 17, 279
 Мессианская идея 193
 Метафизика 29
 Метафора, сновидение 112
 Мечтания 246–248
 Милтон Дж. 26
 Мистицизм 91, 256–260
 Миф о Вавилоне 76
 Миф об Эдеме 76–77
 Мифы 14, 75–80, 195, 266;
 Таблица 66; личные 70
 Модели 144; отношения 135–139
 Мотивация 88
 Мужество 34–35, 39, 42–43
 Мунк Э. 164
 Мысли: сновидения 66;
 не имеющие владельца 62
 Мышление: контейнер/контейнируемое 84–86, развитие 58, 59, 70, 73–75, 115, 165, диагностика 114–129; нарушения 232; эволюция 86; генетическое развитие 66–73, рост 56, 140–158; трансформации 174–178; вербальное 214, без мыслителя 266
 Мышления 23; альфа-функция 116, 129, 133, 147, 100, атаки на 224, бета элементы 118; Бион 125–129; уровни 28; философские теории, 115–125; психотические попытки 231–232; модификации напряженности 25, теория 212–213, 214, 239
 Наблюдения метод 188
 Надежда 216
 Наименование 150
 Напряжение разряда 119, 23
 Наркомании 170
 Нарциссизм 93, 242
 Насыщение 68, 70, 153, 163, 223, 226

- Насыщенные элементы 86–87, 149, 175–177
- Наука 130–132
- Научение через опыт переживания 30, 191, 212
- Научная гипотеза 69, 144
- Научная дедуктивная система 69, 144, 153
- Научное наблюдение 146
- Научные данные 198
- Не-вещь 25, 154, 168, 175
- Невроз 213; отличие от психоза 167–168, группы 192, 200
невротическая экстравагантность 196–198, 200
- Негодование 206
- Незнание, нетерпимость 266–267
- Неистовость 164, 170
- Ненависть (–Н и Н связь) 88
- Ненависть 132, 133
- Ненависть 168, 228; к отцу 21–23; к психической реальности 219–221
- Ненасыщенность 68, 73
- Ненасыщенные элементы 86–87, 147–149, 153, 163, 175–177, 179
- Нервный кашель 23
- Неумолимость 216–219
- Нортфилдский военный госпиталь 196, 200–205
- Нортфилдский эксперимент 186–188
- Ньюман Дж. Г. 19, 279
- Ньютон И. 130
- Обозначение, Таблица, 61, 66
- Обозначения функция, Эдипов миф 76
- Образования пары, группа 189, 193, 209
- Образы чувственные 66
- Обратимая перспектива 156–158
- Обратная сторона гениальности 46
- Обряды перехода 38
- Обсессивные симптомы 20–21
- Объект: психоаналитический 144, 146–149, 259; психоз 223–224, 230–231; трансформации 163–164, 168
- Объектные отношения 57
- Оголение 230
- Одиночество 52
- Определяющие гипотезы 61, 66, 75, 156–157
- Опыт: анализ 34; аналитический 160–161, эмоциональный 20, 49, 52–54, 153; выражение 160; обучение на 191, 193
- Орден «За выдающиеся заслуги» 35, 43–44
- Оруэлл Дж. 33–34, 279
- Осведомленность 179
- Оси, Таблица 58–73
- Отношения 51–54, 135–136
- Отрицательная способность 248
- Отсроченное удовлетворения 20
- Отыгрывание вовне 168
- Ощущаемая реальность 130–139

- Пайнс М. 198–200, 279
- Память 17, 72; подход аналитика 244–255
- Паника 23, 177, 205, 220
- Паразитическая связь 90–91
- Паранойя 21, 118, 123, 129, 143, 154, 192, см. также преследование параноидально-шизоидной позиции 30, 122–123, 146, 195, 203
- Первая мировая война, опыт 34–35, 39–44
- Перверсия 262–263
- Первичный процесс мышления 28, 119
- Переживания в группах 98, 196, 206–207
- Перенос 54, 57, 168, 217–219
- Печаль 256–258
- Пиаже Ж. 123–125
- Письма, Бюн жене 44–47
- Пищеварительная система как модель 135–136
- Платон 115, 182
- Повествование, миф 75
- Пограничные пациенты 213, 223, 231, 235
- Подготовка аналитиков 19
- Познание 69, 256; (К и –К связь) 88
- Половое влечение 20, 21
- Половое развитие 75
- Поля, эмоциональные 60
- Понятие, Таблица 68–69
- Постоянная сопряженность 118, 150–154, 175, 214, 228
- Потеря идентичности 111
- Пре-концепция 29; Таблица 68; эдипова 79; с реализацией 86–87, 90, 143, 147, 150; мышление 153, 154; трансформации 161, 175
- Преобразование жесткого движения 167–168, 179, 185
- Преобразование проекции 168–170, 178–179
- Преобразований 160–185, 212–213, 244–245
- Преследование 79–80, см. также параноидальные чувства преследования 94, 193–195
- Преследование, внутренний смысл 21
- Привязанность 246–248
- Принцип реальности 87
- Причинность 20, 25, 144–146
- Проективная идентификация 30, 41, 122–123, 163–164, 168, 203; психоз 214, 217–219, 227, 230, 242
- Проекция 88–90
- Протопсихическая система 98, 105, 205–206, 207
- Процесс трансформирования 26
- Псевдосимволы 224
- Пси, Таблица 61, 63–65
- Психики изменения 62, 63, 195
- Психическая реальность 107–108, 130–139, 157, 245, 256, 260; ненависть 219–221

- Психические процессы, 125–126
- Психическое 133
- Психическое развитие 32
- Психоаналитический объект
144, 146–149
- Психоз 94–97, 101–111, 133, 171–
172, 175–177, 237; отличие
от невроза 167–168; интегра-
ции избегание 195, паттерны
200; феноменология 212–242
- Пуанкаре Ж. А. 140–142, 279
- Рабочая группа 188, 196, 199
- Рабство 193
- Развитие 230–231; психоза 219,
227, 230–231
- Развитие: эмоциональное 24–25,
88, психическое 20, 24;
контейнер/контейнируемое
86, фрустрация 105; 56–58;
Таблица, 68, 170, 181–182;
мышление 140–158, 165
- Развития: процесс 191, психи-
ческое 32; сексуальное 75,
эмоциональное 133
- Рангелл Л. 244
- Рассел Б. 56, 279
- Рассеяние 168
- Расщепление 30, 94, 168, 214
- Реализация 143, 147, 150, 153, 175
- Реальность 130–139; нена-
висть к 219–221; внутренняя
249; психическая 107–108,
130–139, 157, 245, 256,
260, чувственная 246–249;
воспринимаемая 256, 260;
конечная 256–260, 265
- Религия 17–19, 29–30, 256–258,
265
- Ривз Дж. У. 121, 125, 279
- Рид Г. 160, 279
- Рикман Дж. 196, 202
- Родительские отношения 77–79
- Рушди С. 30
- Садизм 63, 147, 216, 256–258;
в отношении аналитика
234–235
- Садомазохизм 181, 185, 209
- Самонаказание 154
- Самопознание 26, 65, 100
- Самореференция 223
- Самость 168; фрагментация 77
- Самоубийство 251
- Самоуважение 228
- Сартр Ж.-П. 118
- Свободно плавающее внимание
246
- Связи эмоциональные 51–55, 60,
65, 66, 73
- Связь, атаки на 224–227, 230
- Сексуальное насилие 165
- Сексуальные игры 52–54
- Сексуальные чувства 63, 65, 70
- Сила 44
- Сила внутренняя 137–139
- Симбиотические связи 90–91
- Символизации 223
- Система классов 35–37
- Смерти: страх 88–90; инстинкт
30, 216, 228

- Сновидения 25, 66–68, 73, 93;
психоз 94–97, 102–104, 237;
мышление 121 влечения 20
- Сновидения мысли, 66; Таблица,
73
- Сновидения работа 253
- Сознание 27, 179
- Сознание–бессознательное 27–28
- Сократ 93
- Соловьев В. 186, 279
- Соматическое состояние
252
- Соответствие 175
- Соперничество 168
- Соппротивление 182
- Состояния спутанности 217–219
- СПИД 206
- Стадный инстинкт 189
- Столбец 2 (пси) 61, 63–65
- Странные объекты, психоз 221,
223, 231, 232–234, 239
- Страх 39–41, 51; смерти 88–90;
групповой 196
- Ступор 170
- Стыд 24, 244–245, 249
- Суеверие 42
- Суицидальные чувства 237–238
- Супер-Эго 26, 94, 108–109, 195;
- Сфинкс 76, 196
- Таблица 20, 55, 56–73, 207; алгеб-
раические вычисления 69;
альфа-элементы 66; альфа-
функция 66, 94–112; оси
58–73, бета-элементы 66–70,
72; понятие 68–69; контей-
нер/контейнируемое 81–93;
горизонтальная ось 60–66,
86, 122, движение вниз 143;
мифы 75–80; обозначение 61,
66, реакция пациента 156;
пре-концепция 68; пси 61,
63–65; психоз 213; научная
дедуктивная система 69;
размышление 119; трансфор-
мации 165–167, 170, 175–178,
181–182, 185; вертикальная
ось 66–73, 81, 150
- Тавистокская клиника 28, 186,
202, 209
- Телесные функции как модель
125
- Теории: развития 24; гедонис-
тическая 24, мышления
115–125, истина 20
- Теория гомеостаза 119
- Терапевтические группы 189,
205
- Трансформации 29, 30, 119, 212
- Трансформаций циклы 184–185
- Тревога 132, 207
- Тропизм 181
- Уайтхед А. Н. 56, 147, 279
- Убийство 238
- Удовлетворение отсроченное 24
- Удовлетворение: чувственное
87–88; желание 154–156
- Удовольствия принцип 24, 25,
107
- Удовольствия–боли принцип 87,
119, 219–220

- Умственное развитие 20, 24;
контейнер/контейнируемое
86; фрустрация 105; Таблица
56–58, 68, 170, 181–182; мыш-
ление 140–158, 165
- Упанишады 198
- Урское захоронение 80
- Учреждение 91, 256–260
- Фантазии 135
- Фенелон, архиепископ Камбре 46
- Феноменология, аналитическая
сессия 19–20
- Фехнер Г. Т. 118–119
- Философия 19, 29, 115–119, 241,
258–259
- Фиш Ф. Дж. 277
- Флавелл Дж. Х. 125, 277
- Фрагментация 77, 88, 168, 214
- Фрейд З. 17–32, 277–279; цезура
252; сознание 249, контакт-
ный барьер 101; контрпере-
нос 214; сновидения 121;
влечения 118–119; свободно
плавающее внимание 165,
246; группы 207–210; моти-
вация 88; уменьшения боли
122–123; принцип удовольст-
вия 107; реальность 133; Шре-
бер 223; Толкование снови-
дений 102, теория мышления
116–118, 125, 129; перенос 57
- Фрейдистская теория 17–28, 32,
75
- Фромм Э. 209–210, 279
- Фрустрация 52, группы 196–198,
206; младенец 126–128;
нетерпимость к 232–234;
- умственное развитие
105–111; модификация 24;
психоз 168; терпимость
к 175; преобразованная
посредством мышления 121,
123
- Хаксли А. 44, 279
- Характер Биона 31–48
- Хартманн, 25, 205
- Хьюз Т. 140, 279
- Церковная группа 203
- Частично-объектные отношения
207
- Черчилль У. 39–41
- Честолюбие 170
- Чисел понятие 56–57, 59, 60
- Чувства непризнаваемые 63
- Чувственная реальность 246–249
- Шекспир В. 248
- Шизофрения 213–219, 234
- Шмандт Д. 56, 279
- Эвакуаторная проекция 168
- Эдип, инстинкт смерти 228
- Эдипов комплекс 77–79, 167, 209,
235, 266
- Эдипов миф 66, 75–77, 79–80,
136, 195, 266
- Эйнштейн А. 130
- Экзема 22
- Экспериментальный метод 188
- Элементы психоанализа 29, 31,
212
- Элементы, ощущение 116
- Элиот Г. 265, 277

УКАЗАТЕЛЬ

- Эмбриональная жизнь 251–255
- Эмоции 49–54, 132–133, 139, 168, 245; альфа-функция 97–100, истощение смысла 28
- Эмоциональное переживание 24, 50, 54–55, 101
- Эмоциональное поле 60
- Эмоциональное развитие 133
- Эмоциональные связи 51–55, 60, 65, 66, 73
- Эмоциональный рост 24–25, 88
- Эротизм анальный 147
- Эротический экстаз 41
- Юм Д. 118
- Язык: шизофренический 213; теория 81; законы, размышление, 146; обучения, обструкция 19

Научное издание

Серия «Библиотека психоанализа»

Джоан Симингтон, Невилл Симингтон

КЛИНИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ УИЛФРЕДА БИОНА

Редактор – *И. В. Клочкова*

Оригинал-макет, верстка и обложка – *С. С. Фёдоров*

Корректор – *Л. В. Бармина*

Дизайн серии – *П. П. Ефремов*

ИД № 05006 от 07.06.01

Издательство «Когито-Центр»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13

Тел.: (495) 682-61-02

E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru

www.cogito-centre.com

Сдано в набор 20.04.10. Подписано в печать 29.07.10
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура ГТС СНАРТЕВ. Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 13,4
Тираж 2000 экз. Заказ .

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати – Вятка»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122